

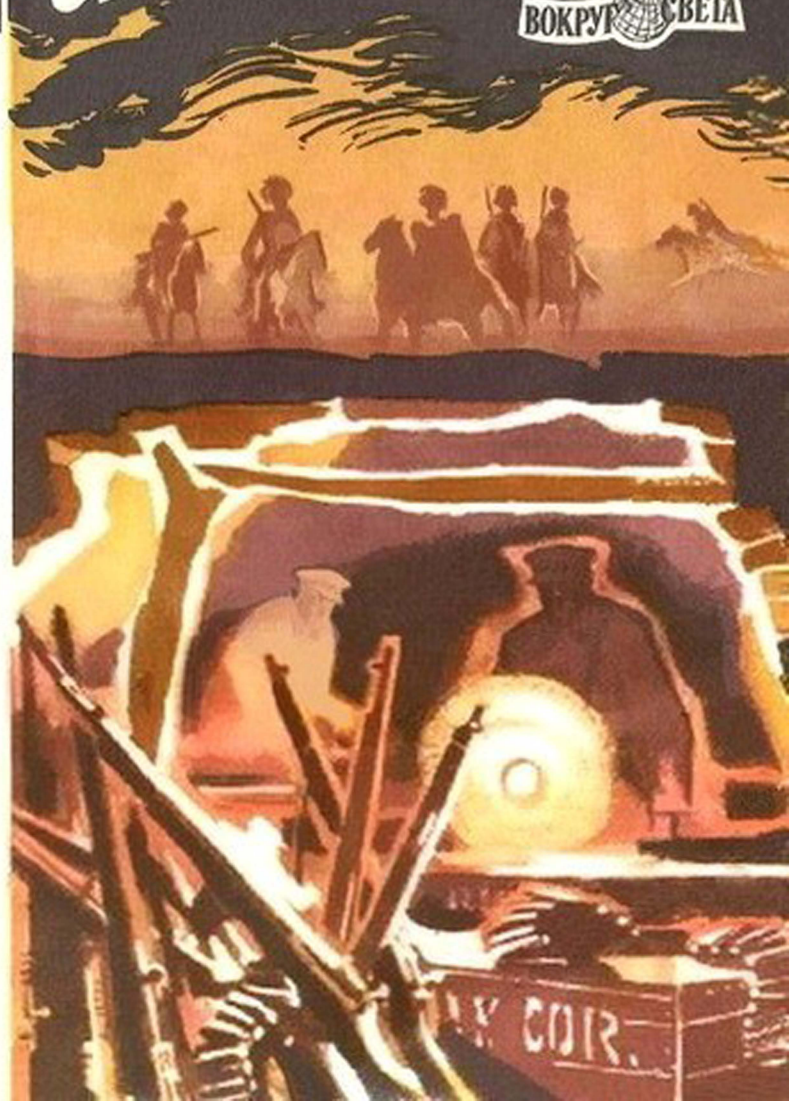
4
1970

Искатель

ПРИЛОЖЕНИЕ
К ЖУРНАЛУ
ЦК ВЛКСМ

ВОКРУГ СВЕТА

ФАНТАСТИКА ПРИКЛЮЧЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ
К ЖУРНАЛУ
ЦК ВЛКСМ

ФАНТАСТИКА • ПРИКЛЮЧЕНИЯ

СОДЕРЖАНИЕ:

Виктор ЕГОРОВ — Заложник	2
Владимир МАЛОВ — Семь Пядей	65
Клиффорд САЙМАК — Воспителлы	121
Артур КОНАН-ДОЙЛЬ — Ужас высот	145

4
№ (58)
1970
ДЕСЯТЫЙ
ГОД
ИЗДАНИЯ

ЗАЛОЖНИК

Повесть

ГЛАВА I. СХВАТКА НА ГРАНИЦЕ

Человек шел сквозь ночь по-звериному — быстро, чутко, сторожко. Неслышно ступали по каменистой кабаньей тропе сыромятные подошвы крестьянских чарыхов, рука, угадывая в темноте, отводила от лица спутанные плети кустов, усаженных дюймовыми, как на проволоке заграждений, колючками.

Время от времени он останавливался, прислушивался. Ночь была полна звуков. Сзади глухо рокотал пограничный Аракс; порывы ветра с шорохом вязли в непролазной чаще прибрежного камыша; и дождь, сыпавший, как из сита, тянул какую-то монотонную шипящую ноту.

Но этот привычный фон не привлекал его внимания. Тренированным слухом ночного хищника он старался уловить и звук бряцавшего о пряжку подпруги стремени, и хруст мертвой ветви под сапогом пограничника, и сдвоенное рычание сдерживаемого проводником пса. Однако ничто не говорило о таящейся опасности. И, успокоенный, он двигался дальше.

Нет, он не был трусом. Поджарый, мускулистый, с юности владевший кинжалом, маузером, хитрыми и жестокими приемами восточной борьбы, он был готов к встрече с любым врагом. Он хорошо знал и эти места в межгорье Карабаха и Талыша. Здесь причудливо извивавшаяся граница своими очертаниями напоминала голову разъяренного зверя. Она петляла вдоль берегов Аракса, а потом, круто повернув, уходила на юго-восток к джунглям Ленкорани. Место для перехода было избрано удачно — непроходимые заросли, безлюдье, глушь.

Но сознание того, что на этой земле не только пограничник, милиционер или сельский активист, а каждый, почти каждый — непримиримый «кровник» его прошлого, настоящего и будущего, заставляло быть собранным, настороженным, каждое мгновение готовым к прыжку и удару.

И все-таки он не жалел о своей встрече с Мурсалом-киши. Не жалел потому, что у него не оставалось другого выхода.

Два года назад, преследуемый пограничниками, он бросился в мутные воды Аракса с советского берега. Поначалу на том берегу встретили его гостеприимно. Нашлись знакомые и даже родственники. Верные закону корана, они приютили, помогли сбить принесенные ценности, начать дело.

Будь он хоть немного другим, умея сдерживать свой необузданный нрав, мог бы до конца своих дней торговать на тавризском базаре ковровыми хурджинами, накопить денег, купить домик с десятком, а то и двумя гранатовых, ореховых, тутовых деревьев, завести бассейн с золотыми рыбками, жен, детей...

Но он не был приспособлен к такой жизни. Он, главарь личной охраны Джебраил-бека, не мог научиться цветисто и униженно зазывать покупателей, почтительно, но цепко хватать их за полы аба, кланяясь, благодарить каждого заглянувшего под навес с товаром, отчаянно торговаться из-за несчастного крана. Торговля с каждым днем шла все хуже и хуже. А тут еще и подношения старшинам базара и жандармам, которые постоянно наведывались в его лавку будто бы по распоряжению тахмината*.

В общем, когда незнакомый старик, судя по расшитой шелками безрукавке и почти двухметровому росту мегребец — местность, славящаяся своими пехлеванами**, — предложил ему новую службу, он колебался недолго.

Мурсал-киши, так звали мегребца, не скрывал, что поручение будет опасным, даже очень опасным. Но при этом называл такую сумму, о которой и в лучшие времена не мог даже мечтать самый удачливый из его приятелей-контрабандистов. О последствиях он старался не думать — не стоило искушать судьбу.

* Тахминат — политическая полиция.

** Пехлеван — богатырь (перс.).

Дождь постепенно слабел, чернота вокруг стала не такой непроглядной. Сдвинув капюшон грубого брезентового плаща, он поднял голову — по чуть просветлевшему куполу неба нескончаемой чередой плыли, двигались какие-то призрачные, зыбкие силуэты. Там, далеко наверху, крепнувший ветер развалил, погнал к западу тяжелую пелену дождевых туч. И сильный, ровный свет луны теперь, как на экран, отбрасывал на нижний, еще не тронутый слой облаков их чудовищные тени.

Надо спешить, подумал он и, поудобнее уютив на левом плече полупустой хурджин, свободной рукой выпростал из-под плаща хранящую тепло живого тела рукоять кинжала.

Словно ожидая именно этого момента, где-то совсем рядом визгливо и омерзительно захохотал шакал.

Резкий, тревожный вскрик зверя ударил по натянутым нервам, заставил рвануть из ножен длинный, бритвенной остроты клинок. На мгновение он присел, сжался перед броском, но тут же распрямился, облегченно вздохнув. Раз он сам спугнул чуткого зверя, значит поблизости не было другого человека.

Идти оставалось уже совсем недалеко. Впереди и слева обозначилась невысокая гряда холмов, сразу за которой пролегла выемка железной дороги. Конечно, на переезд ему нельзя показываться. Но товарные поезда на крутом уклоне замедляют ход, спускаются в долину осторожно, на тормозах. К рассвету он будет уже на узловой станции и затеряется в шумном людском потоке.

Да, Мурсал-киши все рассчитал. Интересно, кто он такой на самом деле, этот старик с внешностью и манерами почтенного купца и перебитым носом призового пехлевана? Почему он так хорошо и быстро умеет надувать и связывать бычьи пузыри для переправ через горные реки, переодеваться, лежа в кустах и посыпая все вокруг мелко истертым нюхательным табаком?

Откуда знакомы мегребцу тайный язык бакинских бандитов — кохи, которых до революции подкармливали владельцы нефтяных промыслов, и полузабытые сейчас тропы старых контрабандистов? Станный старик, он наизусть читает суры корана и отдает приказы начальнику аскеров пограничной стражи, прекрасно разбираясь в тонкостях устава.

А впрочем, кем бы ни был Мурсал-киши, слово свое он сдержал, как подобает мусульманину. Долги уплачены, того, что осталось, хватит на черный день, а после возвращения...

— Стой! Руки вверх! — грозно и повелительно прозвучало у него за спиной.

Он не растерялся. Стремительно извернувшись, он сбросил хурджин и прыгнул вперед, сильно и точно разя кинжалом. Отшатнувшийся пограничник, вскинув перед собой винтовку, еле успел отвести удар. Твердое дерево ложи попало под кистевой сустав, острая боль в запястье выбила клинок из руки нарушителя, но и пограничник не устоял перед тяжестью обрушившегося на него врата. Свалились оба. Нарушитель оказался сверху. С хриплым рычанием он стал душить бойца.

В следующее мгновение сжавшийся, как боевая пружина, пограничник распрямился. Мощный толчок ногами подкинул нару-

шителя, рывок за отвороты плаща в сторону и вниз швырнул его лицом в землю. Глухой удар, протяжный мучительный стон. Каменистая почва карабахских предгорий по-своему решила исход схватки.

Когда полчаса спустя старший наряда добрался до места стычки, пограничник, уже обыскавший и обезоруживший нарушителя, безуспешно пытался привести его в чувство. Но ни нашатырный спирт, ни искусственное дыхание не помогли. Не приходя в себя, неизвестный нарушитель скончался, как было записано в медицинском заключении, «от пролома лобных костей черепа, вызванного ударом о твердый и угловатый предмет».

ГЛАВА II. СЛЕД, ВЕДУЩИЙ В НИКУДА

Небольшой городок, разбросавший кубики своих одноэтажных домиков по изрезанному оврагами склону нагорья, к полу дня совсем обезлюдел. Высокие, в рост человека, заборы-дувалы, выложенные из плит известняка или необожженного кирпича, отгородили от посторонних взглядов утопающие в зелени внутренние дворики, приглушили доносившиеся оттуда голоса.

И только полупрозрачные струйки дыма, местами повисшие в неподвижном знойном воздухе, да острый запах сгорающего на углях бараньего жира, напоминали о том, что где-то там, за тяжелыми дощатыми калитками, украшенными вырезанными из жести знаками полумесяца, жизнь идет своим неспешным, устоявшимся чередом.

Ровно в полдень сонную тишину городка нарушил грохот старого фэзтона. Заскрипели калитки, женщины, закутавшиеся в головные платки — келагаи, выглядывали из дворов, перебрывались негромкими короткими фразами. Фэзтон на улицах районного центра в те годы был немалой редкостью, местная власть предпочитала верховую езду.

Запыленный экипаж проследовал через весь городок и остановился на южной окраине у единственного двухэтажного дома, в котором помещался штаб пограничного отряда.

Из фэзтона вылезли двое в военном. Первый, качнувший экипаж тяжестью шестипудового тела, несколько напоминал часто встречавшийся в те годы портрет комбрига Котовского. Очень мощный торс, крутые плечи, аккуратные изящные ступни и кисти. Лобастая, бритая, дочерна загорелая голова казалась непропорционально маленькой на мускулистой шее атлета.

Второй военный, значительно моложе и поменьше ростом, кареглазый, с густыми черными бровями и курчавой шевелюрой, был, несомненно, кавказцем. Новенькие скрипучие ремни ладно охватывали его статную фигуру, но предательски подчеркивали ее хрупкость.

Выпрыгнув из экипажа, он двинулся было к дверям, но остановился, поджидая товарища. А тот не торопился. Вытащив из кармана белоснежный платок, он тщательно вытер лицо, голову, шею, надел и поправил фуражку, глянул вниз — щегольские сапоги были доверху покрыты пушистым налетом серой пыли.

Поколебался, вздохнул. Потом решительно склонился, так же аккуратно навел глянец и, поискав глазами, куда бы деть безнадёжно испорченный платок, хотел было швырнуть его в ведро с дегтем, привязанное сзади к фазтону, но, спохватившись, протянул спутнику.

— Приведи себя в порядок.

— А стоит ли, Анатолий Максимович? Обратно ведь верхом собирались. еще не так украсимся.

— Брось, брось. Командиру надлежит быть... — Голос старшего был рокочущ и глуховат, как ворчание благодушно настроенного медведя. — Ну давай, давай, поторапливайся.

В маленькой приемной навстречу им поднялся молодой адъютант.

— Мы из Баку. Старший оперуполномоченный АзГПУ Волков, оперуполномоченный Мехтиев. — Откозыряв, Анатолий Максимович протянул адъютанту командировочное предписание и удостоверение личности.

Внимательно посмотрев документы, тот исчез за дверью, а вернувшись, отчеканил:

— Товарищ Орлов просит вас войти.

В просторном кабинете было светло и прохладно. Деревянный, выскобленный пол темнел пятнами непросохшей воды — видно, только что его вымыли, — на окнах, как паруса в штиль, чуть колыхались длинные холщовые занавеси. У стола их поджидал плотный, уже грузнеющий седой командир.

Приезжие представились.

— Здравствуете, товарищи. Проходите, — Орлов кивнул в сторону вешалки, — садитесь. Устали, наверное, с дороги?

Мехтиев взглянул на хозяина кабинета. «Виски седые, лицо морщинистое, обветренное, на лбу — широкий шрам, а если по порядку, рост средний...» Но закончить словесный портрет начальника отряда Мехтиеву не пришлось. Орлов, молча доставший из сейфа какую-то папку, вернулся на свое место, сел за стол.

— По какому вы делу, догадываюсь. Вас интересует наш нарушитель?

Волков молча кивнул.

— Боюсь, что много мы вам дать не сможем, — сказал Орлов. — Вещи мы просмотрели внимательно, нет ничего — ни адресов, ни имен, никакой бумажной зацепки. Правда, в кисете была половинка нардовской игровой шашки, видимо, пароль, но у кого вторая половинка — неизвестно. Довольно много денег, в червонцах, кинжал, пистолет, три запасные обоймы, миллисвская граната. В хурджине были смена одежды, хлеб, сыр. Все документы его здесь, в папке.

Волков принял протянутую папку, раскрыл, вынул в меру потрепанный паспорт.

— Так, так... Наджафов Ашраф, 1892 года рождения, уроженец Агдама... Работает? Да, конечно, работает, — он раскрыл серенькую книжечку удостоверения, — работает гражданин Наджафов в конторе по снабжению треста «Азнефть». И прописываться собирался, вот она, справочка, для представления в милицию, приготовлена. Хорошие документы, — уважительно протянул Волков, — с ними хоть куда. Погляди, Юсуф.

Мехтиев взял в руки паспорт. С маленького квадрата фотокарточки упрямо и мрачно глядел на него скуластый, густобровый человек.

— Сильный, наверное, был, — задумчиво промолвил Юсуф.

— Если б послабее оказался, может, и взяли живьем. Дорошенко не новичок на границе, только за прошлый год у него четыре задержания на счету, а с этим не справился. То есть справился, конечно, да только... — Орлов махнул рукой.

Волков решительно поднялся.

— Разрешите, товарищ начальник? Вещи я б его еще посмотрел. Народ у вас опытный, знаю, а все-таки свой глаз...

— Понятно, понятно, — Орлов кивнул. — Скажите адъютанту, чтоб проводил. Комната рядом, там все. И что было на нем, и что при нем.

Бакинцы вернулись минут через пятнадцать.

— Есть что-нибудь интересное? — спросил Орлов.

— Да как вам сказать... — Усевшись на прежнее место, Волков выложил на стол кожаный, прошитый по краям сыромятными ремешками кисет. — Как полагаете, товарищ начальник, куда направлялся нарушитель? С чем шел?

Орлов усмехнулся.

— Кое-что предположить можно. Поначалу мы думали, что к нам. Вы, конечно, знаете, месяц назад взяли мы трех человек, так эти шли с заданием влиться в банду, которая в нашем районе. Оружие несли, денег почти не было. Все здешние, бывшие кулаки. Вербовал и снаряжал их некто Сеидов. Знаком?

Волков кивнул.

— И хозяина его тоже знаете? Так вот, — продолжал, не дожидаясь ответа, Орлов. — Поначалу была мысль, что этот — головной второго эшелона. Потом подумали-подумали — не то получается. Во-первых, деньги. Их в леса нести совсем ни к чему. А самое главное что? — неожиданно повысил голос начальник погранотряда и выжидающе взглянул на молчавшего до сих пор Юсуфа.

— Справка для прописки, — выпалил Мехтиев, заливаясь румянцем, совсем как неожиданно вызванный учителем школьник.

— Точно, — удовлетворенно кивнул Орлов. — С бумажками-то за кордоном хлопотно, каждую достань, да заполни, да не ошибись. Понапрасну этим товаром там раскидываться не будут. И получается, что нарушитель этот не столько нас касается, а больше вас, АзГПУ. Согласны? — На этот раз начальник обращался уже к Волкову.

— Пожалуй, — ответил Волков, извлекая из кисета небольшой плоский кусочек дерева — половину игровой шашки, надсеченной по краю чем-то острым и потом разломанной. — Смотри, Юсуф. Где-то в Баку сидит человек, который любит играть в нарды. Искать по этой примете бессмысленно — играют тысячи. А у кого-то одного в коробке с нардами лежит вторая половинка. И когда к нему принесут эту, они будут знать, о чем им можно разговаривать. Фокус стар, но по нашим местам удобен. А главное — ухватиться не за что.

Орлов взял вещественный пароль, задумчиво повертел в пальцах этот обломок и протянул его обратно Волкову. Потом уселся поудобнее, закурил.

— Помнится, — задумчиво начал он, — лет пять назад служил я недалеко отсюда. Начальник ваш нынешний, Гордеев Николай Семенович, между прочим, был тогда начальником отдела АзГПУ в нашем округе. А с той стороны границы на соседнем участке орудовал белогвардеец из Баку, мой, можно сказать, «крестник». Прошляпил я его, выпустил за кордон. Вот... И стал этот «крестник» на РОВС* работать. Удобно с ним было дело иметь — возьмешь нарушителя и сразу видишь — почерк господина есаула. Прямо-таки близнецов к нам запускать: легенда, снаряжение, задание — все на одну колодку скроено. Худо, видно, было у него по части фантазии. Тут же, конечно, другой класс работы. Ну ладно, — Орлов примял папиросу и глубоко затянулся. — Будем считать, что вечер воспоминаний закончен. Что думаете делать?

— Возвращаться в Баку, докладывать. Хозяйство все это, — Волков указал на кiset, папку с документами, — если не возвращаете, сразу с собой заберем. Скажите, а этого нарушителя тем троим вы показывали?

— Что вы! Специально запретил. И на допросах о нем не поминали. Мало ли как вы это дело потом повернуть захотите.

— Так, так, — Волков помолчал, думая о чем-то своем. — Значит, на той стороне не могли знать о том, что нарушитель не прошел?

— Исключено, — решительно ответил Орлов. — От границы он уже отдалился, ни стрельбы, ни шума не было. Место глухое, населенных пунктов поблизости нет, труп мы вывезли глухой ночью.

— Все ясно, — застегнув сумку, Волков поднялся. — Разрешите отправляться!

— Так сразу? — Орлов не скрывал своего разочарования. — А перекусить? И вообще, посидели бы, о Баку рассказали, я там уже месяца три не был.

— К поезду надо успеть. Не я, время торопит. Гость-то серьезный пожаловал.

— И то, — начальник отряда тоже поднялся. — Ладно, ежайте. Николаю Семенычу большой мой привет. Пусть бы проведаль, уток тут у нас, что воробьев на сенном рынке, вспомнил б молодость.

Обменявшись с начальником рукопожатиями, Волков и Мехтиев вышли. А минут через десять дробный цокот копыт оповестил Орлова о том, что бакинцы уже уехали.

Сытые командирские кони шли ровной машистой рысью. Волков и Мехтиев скакали рядом.

— Послушай, Юсуф-джан. У персов поговорка есть: «Дурак говорит, мудрец думает». Ты за сегодняшний день столько молчишь, лет на десять, наверно, мудрее стал. Теперь скажи что-нибудь, пора. Или, может, ты все это время думал об одной тихой улице на Баилове? Той самой...

Мехтиев вспыхнул румянцем, нахмурился.

— Не надо так шутить, Анатолий Максимович. Я младший,

* РОВС — Российский общевойсковой союз. Белогвардейская организация.

понимаю, но шутить, пожалуйста, не надо. Честное слово, все время о деле думаю. Только быстро не получается.

— Быстро не всегда здорово, — примирительно молвил Волков, подумав про себя, что делопроизводитель Света Горчакова, девушка нечастой красоты и совсем уж редкой находчивости, успела, кажется, лишить душевного покоя еще одного молодого сотрудника управления. — Я вот тороплюсь в Баку, а докладывать, в общем, пока нечего. Следы есть, а ведут в никуда.

— Почему в никуда? — Юсуф так резко крутнулся в седле, что его гнедой, заплывав, пошел боком, как в манеже. — В Азнефть следы ведут. Справка, даже если совсем фальшивая, обрзец где-то брали? Брали. Удостоверение тоже оттуда.

— Вот вам, братцы, и сундук с секретом, — Волков с досады хлестнул поводом по крутой шее своего жеребца и тут же взял в шенкеля, осаживая. — И давно ты до этого додумался, молчальник?

— Когда с Орловым документы смотрели. — Юсуф смущенно улыбнулся. — А вы... разве иначе считали?

— Если бы иначе, — недовольно буркнул Анатолий Максимович. — Вообще я об этом не подумал. Справка и есть справка, мало ли липы всякой нам несут. Упустил, можно сказать. А мысль неплохая. Едва ли так уж прямо она нас на след выведет, но кое-что может дать. Постой-ка... Что это там?

Уже несколько километров они ехали по невысокой земляной дамбе, пролежавшей между опушкой и протянувшимся во всю ширину долины рисовым полем. Слева, залитые водой, огороженные аккуратными земляными валиками, чеки рисовых делянок сверкали под солнцем, как гигантская парниковая рама. Справа стояла сплошная стена плотной зелени.

Кое-где попадались группы крестьян, работавших по колено в вязкой коричневой жиже, неуклюжие арбы, запряженные сонными буйволами.

Одна такая арба, съезжавшая с дамбы на раскисшую лесную дорогу, безнадежно застряла, накренясь, в самом центре громадной лужи. Пвозка была нагружена хворостом, целой горой, а на самом верху, вцепившись руками в уже расплывшиеся вязанки, с трудом удерживалась девочка лет семи, совсем взрослому закутанная в выцветший келагай. У арбы беспомощно суетился старик в заплатанном архалуке и высоко подвернутых шароварах. Буйволы уже явно выбились из сил, старик тоже.

— Подожди, пожалуйста, отец! — по-азербайджански крикнул Мехтиев, осаживая гнедого. — Совсем немного погоди, сейчас помогу. — И он спрыгнул с коня.

— Куда тебя понесло, Юсуф? — сердито окликнул его Волков. — За каким чертом обоим мараться? Держи коня. Это больше по моей части.

Юсуф пытался было возразить, но Анатолий Максимович на этот раз действительно рассердился.

— Держи повод. говорят. И со старшими не спорь. Марш на дорогу. — И, тяжело ступая, Волков полез в самую середину лужи. Старик, что-то объясняя, хватался то за ярмо, то за скользкие от грязи деревянные колеса.

Не обращая на него внимания, Волков чуть присел, пошире расставив ноги, взялся за скосбочившийся короб — даже под гимнастеркой было видно, как вздулись, закаменели могучие мышцы. «Ну мертвая!» — прикрикнул он на самого себя, и медленно, по сантиметру, повозка стала подниматься. Еще усилие, еще... с чавканьем, бульканьем провернулись колеса, налегли на ярмо почуявшие подмогу буйволы, арба двинулась вперед.

— Ай, пехлеван, ай яхши, пехлеван! — повторял, разводя руками, старик. А Волков, мрачный и сердитый, уже шагал обратно, недовольно бурча себе под нос:

— Придешь в управление в таком виде, так и на «губу» не долго.

Подгоняя коня, чтобы наверстать потерянное время, Анатолий Максимович надолго замолчал, раздосадованный тем, что перемазался действительно изрядно, и тем, что начало следствия было не слишком обнадеживающим.

Сын семиречевского казака, прирожденного следопыта и страстного поклонника сокольской гимнастики, Волков пошел в отца, как говорится, и статью и привычками, так что на юр-факе прославился как гиревик и борец. Он и в органы-то приглашен по рекомендации одного из своих товарищей по республиканской сборной, в большей своей части укомплектованной динамовцами.

Но хотя именно спортивные навыки в наибольшей мере способствовали всем успехам Анатолия Максимовича на служебном поприще, в том числе и тем, которые требовали отнюдь не голый силы, а сообразительности, быстроты реакции, внимания, находчивости, недовольный собой, он не мог быть по отношению к самому себе справедливым и скакал молча, нахлестывая уже взмокшего жеребца.

ГЛАВА III. ОЧЕНЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ СЛУЖБА

Прогрохотав колесами по стыкам станционных стрелок, поезд набирал ход. Осталась позади долина Куры. Террасы, выстланные выгоревшим покровом осенних трав, постепенно повышаясь, стали уходить на север к самому горизонту. А где-то далеко, уже за его волнистой линией, проступали в предвечерней дымке сизые угловатые очертания вершин и облачно-белые шапки снегов Кавказского хребта.

Анатолий Максимович, известный в управлении своей деловой методичностью, на остановке накупил газет и теперь прочно погрузился в чтение телеграмм ТАСС. Юсуф молча сидел, глядя в окно, за которым промелькали знакомые места — родина отца. Юсуф не был здесь с раннего детства. Он вспоминал о судьбе отца — рабочего нефтяных промыслов. Мешади Самед, искалеченный приводом в мастерской и вышвырнутый владельцами без копейки пособия, несмотря на увечье, трудился до конца своих дней. Он никогда не пытался понять, почему так жестоко обошелся с ним единоверец — промысел принадлежал известному нефтяному магнату Тагиеву, — но не роптал на судьбу.

Товарищи собрали немного денег, собирали тайком — в 1911 году это было делом рискованным, того и гляди попадешь в черный список, а то не мудрено угодить и в тюрьму. Мешади Самед перебрался в Баку, оборудовал маленькую слесарную мастерскую и зажил обычной жизнью городского ремесленника.

Юсуф родился за год до всех этих событий и хорошо помнил до уголков прокопченный полуподвал, верстак, заваленный рухлядью, вечное гудение паяльной лампы, большую жестяную вывеску мастерской. Эта вывеска была, пожалуй, одним из самых ярких воспоминаний его детства, потому что рассматривал он ее часто и подолгу. На бледно-голубом фоне из-под кривобоких керосинок, кувшинов с носиками, похожими на лебединые шеи, и пузатых купеческих замков проступали кисти винограда, румяные лепешки, шампуры с аппетитным шашлыком. Вывеска прежде украшала вход в какой-то духан, а потом была переделана художником из спившихся семинаристов.

Доходы от мастерской были более чем скромными, соседи именовали ее владельца «почтенным Мешади Самедом» больше из вежливости. Но как бы то ни было, четверых детей он вырастил и даже, осуществив свою давнюю мечту, послал старшего сына в духовную школу — медресе. Но долго проучиться Юсуфу не пришлось.

Мешади Самед был простым, работающим, честным человеком, далеким от какой бы ни было политики. Но, верный лучшим традициям своего народа, он знал, что за добро надо платить добром, даже если цена ему окажется очень высока.

Это случилось в 1920 году, когда в Баку во второй раз вошли англичане. Однажды вечером глухую тишину Шемахинки, на которой жили Мехтиевы, нарушила злобная скороговорка перестрелки. Она длилась недолго, меньше минуты, а немного спустя в ставню постучали торопливо, тревожно.

Ковыляя на своей деревяшке, Мешади Самед поспешил к окну.

— Кто там?

— Открой, Самед. Это я, Гордеев Николай. Помнишь Сабунчи, промысел?

— Николай? Друг в дом — радость дому. Сейчас, дорогой, сейчас, только вот лампу...

— Света не зажигай. И скорее!

Издалека донесся остераенелый, захлебывающийся лай собак. Мешади Самед распахнул дверь. В проеме показалась темная фигура, послышался торопливый шепот. Сгорающий от любопытства Юсуф с трудом разбирал обрывки фраз.

— Гонятся... Очень важно... Спрячешься... А если меня... отдашь сверток тому, кто придет от Николая.

— Заходи в дом, — твердо сказал отец. — Как можно? Ты же ранен? Спрячешься во дворе.

— Нельзя, Самед. Всю семью вырежут. Рана легкая, уйду, не поддамся. Рисковать нельзя. Спрячь и закрывайся.

Гордеев исчез. Мешади Самед быстро проковылял в угол, где спали ребяташки, тронул за плечо Юсуфа.

— Не спишь?

— Нет, отец.

— Возьми это, — он сунул в руки мальчику небольшой, туго обтянутый липкой от смолы парусиной сверток с какими-то бумагами. — Беги на задний двор и спрячь получше, дальше от дома. Быстрее. Пока в доме будет кто-то чужой, не возвращайся. А если меня... уведут, отдашь пакет тому, кто придет от Николая. Понял?

— Да, отец.

Через несколько минут, когда Юсуф уже карабкался по столбу, поддерживавшему общественную голубятню, на углу другого переулка, под окнами Мехтиевых, залилась лаем ищейка, в дверь застучали рукоятками маузеров.

— Иду, иду, уважаемые! Не стучите так сильно, напугаете соседей! Я уже, уже иду! — нараспев выкрикивал Мешади Самед, неспешно разжигая керосиновую лампу. Но отворить дверь ему не пришлось. Ветхий запор не выдержал, в комнату ворвались трое полицейских. Английский офицер, командовавший облавой, и сипаи — проводники с собаками остались на улице.

То, что в домике не скрывается никто посторонний, было видно сразу. Мешади Самед держался с достоинством, разговаривал почтительно, так, как и подобает правоверному мусульманину говорить с представителями власти. Может быть, все и обошлось бы благополучно, полицейские, во всяком случае, уже вышли из дома, но овчарка рвалась с поводка. Сипай что-то сказал офицеру, тот включил фонарик, пошарил лучом по стенам, осветил дверной проем...

— На полу кровы! — бросил офицер.

Старший из полицейских тоже увидел на пороге лужицу свежей крови.

— Колченогая собака! Ты хотел меня обмануть? Твои щенки заплатят мне за это... — И, вытягивая из-за голенища плетъ, он шагнул к занавеске, отделявшей мастерскую от «спальни», где из-под лоскутного одеяла таращили глаза два брата и сестренка Юсуфа.

Никто не успел заметить, откуда в руках у Мешади Самеда оказался тяжелый, с острым обушком паяльник. Гулкие удары маузеров загрели уже после того, как старший патруля, схватившись за рассеченный висок, ватной куклой свалился на земляной пол подвала.

В наступившей тишине отчетливо прозвучал разочарованный голос англичанина:

— Идиоты! Теперь его не допросит и сам сатана. А он мог кое-что рассказать.

Через полгода, когда над зданием Бакинского городского Совета вновь было поднято красное знамя, на Шемахинку приехали в автомобиле какие-то люди в военном, расспросив Юсуфа, получили от него спрятанный сверток и увезли с собой вдову Мешади Самеда. Соседи не успели даже как следует посочувствовать несчастной семье — слуханное ли дело, за полгода остаться без отца, без матери, — как та же машина привезла Ширин-баджи обратно, расгербанную, ничего не понимающую, не знающую даже, радоваться ей или пугаться неожиданной вести.

В большом и красивом доме на Кооперативной улице ее встретили как близкую родственницу, усадили в мягкое кресло и прочитали длинную бумагу, из которой она узнала, что покойный ее муж был не простым ремесленником, а очень важным человеком. Мешади Самед будто бы оказал новой власти такие услуги, за которые эта власть станет пожизненно платить пенсию и ей, Ширин-баджи, и ее детям, пока они не вырастут, а кроме того, возьмет их всех в новую школу.

А еще через несколько лет бывший рабочий-нефтяник, позже — подпольщик и чекист Николай Семенович Гордеев пригласил Юсуфа, к тому времени уже закончившего школу, на работу в органы ОГПУ.

...За окном сгустились сумерки. Анатолий Максимович отложил последнюю газету, шумно вздохнул, потянулся, похлопал Мехтиева по колену.

— Все, Юсуф-джан. Давай-ка, брат, ужинать. У меня, между прочим, та-кие бычки припасены — пальчики оближешь. — Расстегнув свою объемную полевую сумку, Волков извлек оттуда банку бычков в томате. — Ай, какая рыба! Сам бы ловил, только консервы делать не умею. Да ты чего опять молчишь? О чем задумался?

— Об этом... О неизвестном.

— Еще одну версию прорабатываешь? — Чуть усмехнувшись, предположил Волков.

— Нет, Анатолий Максимович, — очень серьезно ответил Юсуф. — Другое у меня из головы не идет. Понимаете, на бека, на купца нарушитель никак не похож. Совсем простой человек с виду. Так какая сила его сюда погнала?

Волков помолчал. Потом зачем-то понюхал пеструю этикетку и отложил банку в сторону.

— Так, Юсуф, так, дорогой. И очень, брат, хорошо, что ты над этим задумываешься. Значит, взрослеешь, значит, созреваешь для нашей работы. Нам судьбы людские доверены. Разные. Совсем искалеченные среди них попадают, есть и такие, что можно еще исправить. И за каждую мы в ответе. Очень человеческая у нас служба, брат.

— Анатолий Максимович, но врага ведь не переделаешь, на другую дорожку не направишь.

— Врагами не рождаются, Юсуф, врагами становятся. И от нас с тобой, между прочим, зависит, сколько их будет у нашей страны, каких и где. Человек ведь не сам себя делает. Сложно это, брат, очень сложно. Помню я... — Не договорив, Анатолий Максимович резко поднялся, неслышно шагнул к двери купе, распахнул — в проходе никого не было. — Заболтались мы с тобой, Юсуф-джан, — недовольно проворчал он, возвращаясь на свое место. — Давай-ка будем ужинать.

Но затронутая Юсуфом тема, видимо, всерьез заинтересовала Волкова. Врезав карманным ножом жестяную крышку, он снова оставил консервы и несколько непоследовательно продолжал:

— Я вот сейчас газету смотрел — тревожно в мире. То здесь, то там на нашу страну огрызаются. А что, наши соседи по собственной инициативе лезут в свару? Думаю, нет, по чужой,

заморской указке стали они нашу силу пробовать. Но уж если удастся целую страну на авантюру, бессмысленную, кровавую, толкнуть, то отдельного человека, вроде нашего нарушителя, куда как проще. Тревожно, тревожно в мире, Юсуф. Старт мы взяли неплохо, только борьба эта не спортивная. Жестокая борьба, кровавая. И противник упорен. Не вышло в одном, пытаются в другом месте накалить обстановку. Сейчас берутся за наши края. Сам знаешь, как классовая борьба в Азербайджане обострилась, а ведь до тридцатого года в здешних деревнях много спокойней было.

— Анатолий Максимович, а почему раньше кулаки только втихую решались вредить, а теперь открыто, с оружием выступают, банды организуют? Ведь Советская власть их с самого начала ограничивать стала.

— Теперь иностранные разведки у нас разве что на кулака и могут рассчитывать. Изю всех сил стараются они раздуть бандитизм, хоть этим нам навредить. Взять хотя бы случай с засылкой людей в помощь кулацкой банде, о которой Орлов говорил.

— Значит, выходит, Анатолий Максимович...

— Выходит, Юсуф, — твердо прервал его Волков, — что получаем мы сейчас да приляжем на часок-другой. С вокзала прямо в управление ехать придется, а когда оттуда выйдем, никому не известно.

ГЛАВА IV. ЧАЕПИТИЕ, ПРЕРВАННОЕ ТЕЛЕГРАММОЙ

Поезд приходил в Баку ночью. Поздние пассажиры быстро схлынули с перрона, растворившись в полумраке плохо освещенных переходов. Волков и Мехтиев выходили из вагона последними. На вокзальной площади, у здания, увенчанного четырехугольной, очень похожей на тибетейку башенкой, их поджидал управленческий «бенц».

Анатолий Максимович глянул вверх — стрелки на подсвеченном, расписанном знаками зодиака циферблате показывали четверть второго. В обычных, неэкстренных, случаях сотрудников не встречали. «Гордеев ждет», — подумал он и, шумно вздохнув, распахнул дверцу.

Отчаянно чихая, машина двинулась к управлению. Навстречу, позванивая на перекрестках, торопились в депо последние, уже совсем пустые трамваи, изредка попадались полусонные извозчики на фазтонах с мигающими керосиновыми фонарями, тяжелой, шаркающей походкой двигались по тротуарам уставшие после ночной смены портовые грузчики — амбалы. А в окнах здания АзГПУ на улице Шаумяна на всех этажах из-под плотно задернутых штор пробивались яркие лучики света.

Через несколько минут Волков и Мехтиев были уже в кабинете Гордеева.

В комнате было полутемно. Настольная лампа с зеленым абажуром бросала конус света лишь на бумаги и отражалась, поблескивая, на ручке вмонтированного в стенку сейфа.

Начальник кивком поздоровался, указал на кресла.

— Встретили вас? Ну рассказывайте.

Неторопливо, обстоятельно Волков доложил результаты поездки.

— Небогато, — покачал головой Гордеев. — Какие соображения по этим фактам?

— По фактам я бы воздержался, мало фактов. А обстановка в целом кое-что подсказывает. Разрешите? — Анатолий Максимович вопросительно глянул на начальника.

— Прощу.

— Первое. Судя по снаряжению нарушителя, это не уголовник. Контрабанда, связь с воровскими шайками отпадают сразу, на диверсанта тоже не похож. Иначе нес бы взрывчатку, детонаторы.

— Резонно, прием для начала... — Николай Семенович кивнул. — Дальше?

— Деньги при нем большие, одному — на несколько лет хватит, а ни кодов, ни шифров, ни средств тайнописи. Похоже, что в задачу нарушителя входило работать в контакте с кем-то, кто сам имеет связь с закордоном. Мехтиев вот, по-моему, правильно предположил, что тот человек связан как-то с Азнефтью.

— Не исключено, не исключено...

— Если все это принять за основу, сам собой господин Коллинз из тени выплывает. За последнее время какое дело поглубже ни копнешь — все его работа. Трое, которые у Орлова сидят, оружие у Сеидова получали, а Сеидов — человек Коллинза. В банде, что под Шушей ликвидировали, помните протоколы допроса бандитов? Тоже перед самым их выступлением кто-то из-за границы прибывал. Задержанные говорили, посланец от англичан. И наконец, в Баку засекли работу нелегальной рации.

— Господин майор в последнее время активизировался. Что собираетесь предпринять по данному делу? С какого конца подступаться?

— Мне кажется, Николай Семенович, надо архивы поднять, угрозыск к этому делу подключить, вообще здесь поискать, нет ли следов нарушителя. Любит майор Коллинз с эмигрантами дело иметь, убеждались мы в этом не раз. Их ведь и верно готовить легче, обстановка знакома, да и укрываться проще — связи нет-нет да и сохранились.

— Ну что ж... — Гордеев, сложив пальцы щепотью, взялся за свою аккуратную, клинышком бородку, потерял, будто проверяя, хорошо ли она держится. — Значит, предлагаете начать с обычного розыска?

— Так точно. Фотоснимки мы доставили. Запустим пока их в работу, тем временем, может, что-нибудь...

— «Может» не годится, — нахмурился, прервал Волкова Николай Семенович. — То, что предполагал, — логично, обоснованно, скорей всего верно, а что предлагаешь, мало, пассивно и потому плохо. Мехтиев вот об Азнефти что-то хотел сказать. Что там сможем сделать?

— Я скажу, Николай Семенович, ладно? — включился в разговор до сих пор сосредоточенно молчавший Юсуф. — Азнефть трогать пока рано. Проверить, кто такой на самом деле

Наджафов, как предлагает Анатолий Максимович, а потом уже в трест можно идти. Но я, честно скажу, о другом сейчас думаю.

— Ишь ты, «о другом»... — Гордеев склонил набок большую, чуть лысеющую голову. — Ну давай свое «другое», вноси предложения.

— Предложений у меня нет, — ответил Юсуф. — Просто мысль одна мелькнула. Тот неизвестный, к которому нарушитель шел, должен знать, что к нему гостя направили. Мы считаем, у «нардиста» своя связь с границей есть. Теперь что выходит? «Нардист» связника ждет, тот не приходит; «нардист» обязательно беспокоиться начнет. Вот если ему на этом беспокойстве подножку поставить. Только как?.. Это я еще не придумал, — огорченно закончил Мехтиев.

— Николай Семенович, в этом что-то есть, — заметил Волков. — И немалое, — подтвердил Гордеев. Сняв трубку, он позвонил дежурному: — Распорядитесь, пожалуйста, чаю. И покрепче. — Он откинулся на спинку кресла, с минуту сидел молча, прикрыв ладонью утомленные глаза. — Хорошая эта мысль, Юсуф. Надо только ее на местность наложить. А пожалуй, получится.

В дверь постучали. Из порога показалась официантка с овальным медным подносом. Гордеев подождал, пока она расставляла на маленьком боковом столе расписной чайник, вазочку с мелко наколотым сахаром и пузатенькие, очень похожие на медицинские банки стаканчики — армуды. А когда официантка вышла, Гордеев, продолжая вышагивать по кабинету, жестом предложил садиться к столу.

— Юсуф, ты здесь младший, — наливай. И давайте немного побредим.

«Побредим» — было одним из любимых присловий Николая Семеновича. Произносилось оно только тогда, когда в хаотическом нагромождении фактов, имевших отношение к только что начатому делу, вдруг намечалась какая-то схема, тропка, способная вывести к искомой цели.

— Скажу вам прямо: сегодняшний разговор был построен на одних предположениях. И все-таки я этим разговором доволен. Пока вы ничего не упустили и, надо сказать, к толковому выводу подошли... — Гордеев сделал паузу. — А теперь наметим план действий. На месяц-другой посадим своего человека в адресный стол. Лучше девушку, Шубину или Горчакову. Пусть выдает справки. Логика здесь простая. У нарушителя на первое время была только одна возможность легализоваться. По тем документам, что он нес с собой. И майор его в покое не оставит. У Коллинза было уже два прокола, когда деньги у него брали, границу переходили, а потом дела с ним иметь не желали. А в Интеллидженс сервис, между прочим, денежки на ветер бросать не любят, есть у них и отчетность и прочее. В общем, по всем статьям должны они Наджафова начать разыскивать. Раз Азнефть — значит в Баку. И скорее всего самым простым и законным путем — через адресный стол. А выяснение личности нарушителя по всем другим линиям ведите своим чередом. Чует мое сердце, — Гордеев погладил грудной

карман своего кителя, будто и вправду сердце было советником его в этом деле, — чувствует, что ваш неизвестный имеет большое отношение ко всему, что сейчас затевается. Но это так, догадки. А вы действуйте.

— Николай Семенович! А если англичане все-таки не станут выяснять, что случилось с Наджафовым? — спросил Юсуф, взволнованный тем, что именно его мысль легла в основу предложенного начальником плана.

— Мы тогда, — Гордеев прищурился, заразительно улыбаясь, — постараемся их на это подтолкнуть. Как? А способ поищем, какой-нибудь да найдется.

На столе резко и требовательно затрещал телефон.

— Слушаю... Да, несите... Та-ак... — протянул Гордеев и тяжело, всей ладонью, надавил на рычаг.

Почти тотчас же в кабинет без стука вошел дежурный по узлу связи, подал телеграмму.

— Подождите здесь! — приказал Гордеев и, ссутулясь, присел на край стола, разворачивая четверо сложенный листок бумаги. Он читал его долго, хотя донесение состояло всего из нескольких строк. Потом вздохнул, вынул из ящика большой служебный блокнот, протянул дежурному.

— Пишите: «Нуха. Мамедову. Организуйте наблюдение, патрулирование дорог, ведущих в равнину, оповестите сельских активистов, отряды самообороны». Еще запишите: «Кировабад. Опришко. Немедленно усильте охрану строительства рудника и других важных объектов города. Вам в помощь направляются сотрудники управления. Особое внимание уделите контролю железной дороги». Отправьте немедленно. Можете идти.

Когда дверь за дежурным закрылась, Гордеев, поднеся руку к самым глазам, щурясь, всмотрелся в циферблат часов, потом тряхнул головой, отгоняя сон. Волков и Мехтиев встали.

— Сидите, сидите, — Николай Семенович опустился в кресло, устроился поудобнее, потянулся к чайнику. — А, остыл уже... Ну ладно. Пожалуй, спущу-ка я вас теперь отдыхать, а то уж и рассвет скоро. Завтра до двенадцати свободны. А уж потом придется приналечь. — Допив холодный, ставший совсем уже черным напиток, он осторожно поставил пузатый стаканчик и сказал: — Сегодня уже из третьего района сообщают о перемещениях банд. Боюсь, что все может начаться раньше, чем мы ожидали. Придется нам... — Он помолчал, пожевал губами что-то невидимое. И решительно закончил: — Да и вам очень стоит поторопиться. Жду с докладом дня через три.

Однако ни через три, ни через шесть дней докладывать было еще нечего. После первых, казалось бы, удачных шагов выяснение практически зашло в тупик. Обнаружившиеся были нити обрывались одна за другой.

Паспорт на имя Наджафова Ашрафа, 1892 года рождения, как и следовало ожидать, оказался поддельным. Однако довольно скоро по картотекам угрозыска удалось установить настоящее имя нарушителя, уточнить детали его прошлого.

Джебраилов Муса — так в действительности звали погибшего. А проживал он, во всяком случае до революции, в поместье многим памятного в те годы Джебраил-бека.

Бек, крупный и просвещенный землевладелец, наведывался в свои угодья не часто. Он принадлежал к тем кругам азербайджанской знати, в чьих поместьях вполне современные методы ведения хозяйства — система севооборотов, химические удобрения, породистый скот, — противоестественно и страшно сочетались с жесточайшим, чисто феодальным угнетением крестьян. Для этого существовали управляющие и телохранители. Муса Джебраилов входил в их число.

Нельзя сказать, чтобы он сколько-нибудь выделялся в худшую сторону из рядов других своих сотоварищей. Он был туповатым, неграмотным головорезом, готовым по первому слову хозяина, выполняя его волю, пойти на любое преступление. И не из преданности, а еще и потому, что безнаказанность в этих случаях была гарантирована.

Джебраил-бек последний раз посетил родные места в 1915 году. Тогда он жил в Лондоне и приехал, чтобы оформить продажу нефтяных участков, которые сбыв незадолго до этого концерну Детердинга. Бек так и остался за границей и теперь вел рассеянную жизнь рантье-космополита, переезжая из одной европейской столицы в другую. Его приближенных крестьяне ненавидели лютой ненавистью, и после революции им пришлось несладко.

Ни при англичанах, ни при турках, ни при мусаватистах Муса Джебраилов так и не мог найти своего места в жизни.

Сначала он перебрался в Шушу и, похоже, был связан с контрабандистами, какое-то время пытался заняться торговлей, потом вообще исчез на несколько лет из поля зрения и вновь обнаружился уже не на юге, а на западе республики, почти на границе с Грузией, в знаменитой своими виноградниками Акстафе.

В начале 1926 года кто-то из родственников устроил его заведовать магазином, но проработал он недолго. Совершил растрату, пытался бежать, был пойман, осужден, оказался в тюрьме в Закаталах. Однако сумел уйти из-под стражи и скрыться надолго, по всей видимости — за пределы республики. Кто помогал ему в побеге, было неизвестно, и это наводило на размышления.

Было и еще одно обстоятельство, очень насторожившее Волкова. В день побега Джебраилова в поселке, неподалеку от границы, было совершено дерзкое, оставшееся нераскрытым убийство. Неизвестный преступник вырезал семью мелкого торговца, когда хозяин отлучился из дому всего на два часа, и, забрав ценности, сумел скрыться.

Торговец был родом из Закатал, где отбывал наказание Джебраилов, так что какую-то информацию о нем преступник легко мог получить в тюрьме.

Но все это, впрочем, оставалось пока в области чистых предположений, а главное — никак не приближало к разгадке того, зачем, с какой целью Джебраилов вернулся в Азербайджан.

Света Горчакова уже вторую неделю исполняла обязанности сотрудницы бакинского городского адресного стола, оперативные работники, выделенные в помощь Волкову, за это время уже

не раз по ее сигналу отправлялись вслед за людьми, разыскивавшими Наджафовых Ашрафов соответствующего возраста. И каждый раз возвращались ни с чем. Те, кто приходил за справками, искали (и находили) реально существовавших Наджафовых.

К началу четвертой недели Гордеев снова вызвал к себе Волкова и Мехтиева. Был он явно измотан, сух, пожалуй, даже резковат.

— Плохо работаете, Анатолий Максимович. На месте топчетесь. Уперлись в одну схему и за ее пределами не ищете. Не может, понимаете, не может быть, чтобы еще каких-то следов Джебраилов нам не оставил. Все его старые связи проверены?

— Так точно. — На крутолобой, чисто выбритой голове Волкова проступили капельки мелкого пота. — Из Закатал, Агдама подробные материалы получены. И в бывшем поместье — там теперь совхоз — тоже товарищи побывали. Единственный, кто пока молчит, уполномоченный в Акстафе. Запрашивал дважды, он в командировке сейчас.

— Сами почему туда не выехали?

— Так ведь здесь, в адресном, один за другим появляются люди, интересующиеся Наджафовым. Вот-вот наш должен обнаружиться, я так полагаю.

— Раз они до сих пор Джебраилова искать не стали, значит сами и не начнут. Думайте, как подбросить им эту идею. Могу вам сказать, что нелегальная рация связывается с закордоном чаще, чем раньше. Не исключено, что это переговоры о связнике. Большим утешить не могу. Выезжайте в Акстафу немедленно. А вам, Мехтиев, придется на денек съездить к Орлову. Явился к нему с повинной старый контрабандист из местных и, похоже, дает кое-что интересное. Привезете подробности. Прошу выполнять. — И Гордеев, видно, чем-то озабоченный, склонился над лежавшими на столе бумагами.

Волков молча повернулся, направился к выходу. Но Юсуф, который относился к Гордееву не просто как к начальнику, а как к другу и учителю, не выдержал. Он шагнул вперед и робко, совсем по-домашнему, мягко спросил:

— Николай Семенович. Может, что сделать надо?

Гордеев поднял голову, недоуменно посмотрел на него, видимо не поняв, потом невесело, через силу улыбнулся.

— Ничего ты не сделаешь, сынок. Плохо у нас. Банда Гейдар-аги вышла из леса. Был налет. Есть жертвы.

ГЛАВА V. ЗАКАТАЛЬСКИЙ «БАРС» ПОКАЗЫВАЕТ КОГТИ

Агри — так называлось это селение, расположенное в одном из боковых ущелий у верховий бурного, стремительного Агричая. Но жителей деревни в здешней округе именовали обычно не агричайцами, что вполне соответствовало бы местным традициям, а фундукчи. Главным источником их доходов был сбор дикого ореха — фундука.

Густые заросли орешника начинались сразу же за огородами и, словно ковром гигантских мхов выстлая крутые склоны

ущелья, уходили далеко вперед. Под этим непроницаемым для глаза малахитового цвета покровом скрывались осыпи, расщелины и валуны, он сглаживал рельеф, придавая ему мирную плавность очертаний, и лишь кое-где одинокими рифами выдавались над ним источенные ветрами вершины скал.

Обычно в эту пору года лес не бывал безлюдным. На бесчисленных изломах зигзагами исчертивших его тропок можно было встретить стайку мальчишек, спешивших добрать последний урожай фундука; мужчину, погонявшего ишака, по самые уши завьюченного тугими связками с сеном альпийских лугов; старика, волочившего свежесрубленный куст, на который, как на санки, были уложены вязанки колючего хвороста.

Но в этот день все взрослое мужское население деревни собралось на маленькой площади у наполнявшегося из родника бассейна, под раскидистыми ветвями могучих, старых, как сами горы, чинар. Собралось не по своей воле. Весь день в селении хозяйничала банда Гейдар-аги.

Банда захватила Агри под утро, когда даже самые работающие из хозяев еще не выходили к скотине, а петух дедушки Рза, заменявший в селении муэдзина, еще не возвещал о приближении первой молитвы. Банда захватила село умело, по чьей-то хитрой подсказке, без лишнего шума и почти без потерь.

Спешившиеся всадники, оставив на дороге конную заставу, крадучись пробрались по опушке, потом разом, как загонщики, вышли из леса и окружили дворы сельских активистов. Протяжный посвист главаря подал сигнал к атаке. Четверо из пятерых бойцов самообороны, даже не успев взяться за оружие, были схвачены.

Удалось вырваться лишь Фархаду, комсомольцу, молодому силачу и отчаянному наезднику. Воротившись домой поздно вечером и не желая тревожить родителей, он заночевал в сарайчике, служившем и конюшней и сеновалом. Наган был при нем, и, когда приклады бандитских винтовок забухали в двери его дома, Фархад не растерялся.

Мгновенно взнуздав своего карабаха, он вскочил на него тут же в сарайчике, одним толчком распахнул настежь хлипкие ворота и с места бросил скакуна в галоп. Бандита, кинувшегося ему наперерез, Фархад сбил конем, второго, уже вскидывавшего винтовку, опрокинул выстрелом в упор и, пригнувшись, перемахнул через низенький глинобитный дувал. Бросив неоседланного карабаха, беглеца скрылся в густой чаще на той стороне ущелья. Преследовать его было почти бесполезно, да и небезопасно.

Разъяренные неудачей бандиты хотели было сорвать злость на домочадцах Фархада, но Гейдар-ага запретил. Жены у Фархада по молодости лет еще не было, а обижать стариков значило возстановить против себя всю деревню, на что пойти главарь банды пока не хотел.

Схваченных активистов заперли в надежном каменном амбаре местного кулака Сеид-Аббаса, сам Гейдар-ага вместе с несколькими приближенными тоже расположился у него в доме, очень долго мылся, потом ел плов, пил чай, отдыхал. Фархаду нужно было немало времени, чтобы по чашебам за-

катальских лесов добраться до ближайшего селения, и бандиты не торопились.

Лишь к вечеру, когда гускное серебро вечных льдов на вершинах Базар Дюзи, будто подсвеченное изнутри, начало наливать тревожным багрянцем заката, Гейдар-ага велел собрать на площади всех сельчан.

Ждали его долго, в полном молчании. Наконец тяжелые, окоченные железом ворота распахнулись, и со двора Сеид-Аббаса вырвалась группа всадников. Горяча коней, вздымая клубы пыли, они проскакали по площади и рассыпались по сторонам, на ходу сдергивая с плеч карабины. Следом показался и сам Гейдар-ага.

Рисунки С. ПРУСОВА

Горбоносый, пышнобородый, с изрытым оспой лицом, он обратил бы на себя внимание в любой толпе. Низко надвинутая на лоб серая каракулевая папаха сливалась завитками с полуседыми бровями, взгляд был тяжелым, настороженным, движения степенны, но голны сдерживаемой силы.

К бассейну он подъехал не торопясь, приложив руку к сердцу, поклонился старикам, но не сошел с коня, оставался в седле, старинном, с резными деревянными луками, потом поднял руку.

— Братья мусульмане! — Гейдар-ага был явно простужен, и оттого голос его звучал хрипло и глухо. — Все вы знаете, что я и мои люди подняли знамя священной войны газавата в защиту веры и наших старых, добрых обычаев. Скоро, очень скоро под этим зеленым знаменем встанут тысячи богатырей. Уже поднимаются мусульмане в других уездах, уже пылают

дома отступников, которые на земле наших дедов и отцов хотят завести новые порядки, порядки нечестивцев, затоптать законы шариата. Но пока мне нужна помощь. Людьями и продовольствием. Я знаю, вы простые, честные крестьяне, привычные к топору и мотыге. Стрелять вы умеете в воздух, да и то только на свадьбах, а пара крепких буйволов вам дороже боевого коня. Но, может быть, среди вас найдется настоящий мужчина, который захочет стать в ряды братьев по вере? Кто не боится выступить в защиту ислама с оружием в руках, пусть выйдет вперед. Мы дадим ему коня, шашку и винтовку, мы выведем его на священную дорогу газавата.

Гейдар-ага смолк и, подбоченясь, чуть тронул коня каблуками. Сдерживаемый сильной рукой, жеребец заплесал на месте, далеко отбрасывая сухие точеные ноги, брызгая из-под копыт мелкой щепенкой. Толпа настороженно молчала. Потом из ее рядов решительно выдвинулся парень лет двадцати в добротном суконном архалуке. Это был племянник Сеид-Аббаса.

Низко поклонившись Гейдар-аге, он стал рядом с ним и вызывающе сбвел толпу взглядом. Словно отвечая на этот вызов, вперед вышел еще один человек. Одет он был бедно, почти нищенски, но был рослый и крепкий.

— А, Керим-бездельник, — негромко, но явственно донеслось из толпы. — Вором он был, вором и остался, такому прямая дорога в лес.

Гейдар-ага качнулся в седле, рука его легла на кобуру маузера, но благоразумие, видимо, победило. С недоброй усмешкой он обвел крестьян пристальным, сверлящим взглядом, прищурился.

— Вы сказали, я слышал, — негромко, угрожающе произнес он. — Керим мой старый друг и честный мусульманин. Кто-то из вас обидел его. Я не буду спрашивать кто — не годится правоверному выдавать своего соседа. Но, — Гейдар-ага повысил голос, — по закону гор обида должна быть оплачена выкупом или кровью. Мне не хочется проливать мусульманскую кровь. Каждый очаг заплатит за обиду хлебом, мясом, рисом. Вы будете привозить это сами. Раз в неделю. В урочище Трех Дубов. Вы слышали, я сказал.

В толпе раздался приглушенный ропот.

— Кто будет уклоняться, тот враг ислама! — выкрикнул Гейдар-ага. — А что случается с врагами, вы увидите сейчас здесь.

Хлопнув в ладоши, он отдал какое-то приказание одному из охранявших его всадников и медленно отъехал в сторону. Бандит карьером пронесся по улице, круто осадил коня у ворот Сеид-Аббаса, спешил...

Через несколько минут на улицу вывели тех, кто сидел в амбаре. Следом появилась арба, обычная, на высоких деревянных колесах, запряженная парой сытых, круторогих буйволов, чем-то нагруженная. Крестьяне, собравшиеся на площади, с тревогой и недоумением следили за приближавшейся процессией.

Связанных активистов тащили почти волоком, продев под стянутые на груди ременные путы арканы, концы которых

были привязаны к седлам коней, погоняя нагайками, ударами прикладов. Никто из участников этого шествия не произносил ни слова.

Их подвели к чинарам, втащили на арбу.

— Керим! — еще более хрипло, чем прежде, сказал-выдохнул Гейдар-ага.

Зверски осклабясь, Керим понимающе кивнул и перебросил через низко нависшую ветвь чинары веревку с петлей на конце. Толпа глухо ахнула. Один из аксакалов выступил вперед и, пытаясь придать своему голосу твердость, произнес:

— Недоброе дело убивать людей, которые ничем тебя не обидели. Побойся аллаха, Гейдар-ага, у каждого из них есть дети.

Свистнула плеть. Аксакал отступил, пошатываясь, прикрыв рукой обожженное ударом лицо.

— Отец! — В гуще толпы водоворотом вспыхнула короткая схватка и, отшвыривая пытавшихся удержать его крестьян, оттуда вырвался какой-то юноша, почти мальчик. В несколько скачков он оказался у стремени Гейдар-аги, рванул из-за пазухи тускло блеснувшую сталь...

Бледные в предзакатном свете вспышки выстрелов отшвырнули его на каменистую землю. Он упал навзничь, перевернулся, еще не понимая, что произошло, приподнялся на локтях, пытаясь дотянуться до выпавшего ножа, и снова рухнул. На выцветшем холсте залатанной рубахи проступили два бурых пятна.

Гейдар-ага сунул маузер в кобуру, круто повернул коня, жестом показал Кериму, что пора кончать, и медленно поехал с площади. Главарь был явно недоволен собой. Рассчитывать на поддержку в этой деревне уже не приходилось.

Час спустя длинная вереница всадников, человек тридцать, не торопясь, словно возвращаясь с ученья, проследовала через деревенскую площадь. К седлам были приторочены барани туши, мешки с рисом, мукой, овощами, зеленью. Отдохнувшие за день кони даже с грузом шли в гору легко, без понуканий. Лишь приближаясь к старой чинаре, они начинали тревожиться, шарахались, испуганно храпели.

Почти каждый из бандитов вел в поводу запасную, сменную лошадь. Все они тоже были навьючены припасами, награбленными в деревне. А к седлу пегой, доверенной Кериму, был приторочен обернутый в бурку длинный сверток. Это были винтовки повешенных активистов. Гейдар-ага уходил в горы.

Уходил зверь, свирепый, хитрый и осторожный, каким бывает барс, некогда упущенный неопытным охотником и уже никогда не забывающий о своей встрече с человеком, умеющий обойти даже самые надежные ловушки.

А в это время на окраине маленького пограничного городка, лежащего далеко к югу от Агричайского ущелья, городка, уже знакомого читателям по описанию поездок Волкова и Мехтиева, происходили события, имевшие самое непосредственное отношение к судьбе закатальского «барса» и многих других действующих лиц повести.

...Сухопарый, высокий, чуть сутуловатый, этот старик выглядел много моложе своих шестидесяти с лишним лет. В аккуратно подстриженных усах, в густой шевелюре ни сединки; обветренная, загорелая кожа туго обтянула острые плиты скул, и только у глаз собирались в неприметные веера мелкие морщинки. Походка была легкой, свободной, уверенной.

Войдя в город, он огляделся, наискось пересек улицу и присел на корточки у арыка, в редкой тени чахлой акации. С минуту посидел неподвижно, будто что-то разглядывая на подернутой мелкой рябью поверхности мутного желтого потока, потом бережно опустил на землю тяжелый хурджин и стал приводить себя в порядок.

Распустив ремешки, старик снял сыромятные чарыхи, потряхнул песок, затем так же неспешно стянул толстые, ковровой вязки шерстяные носки и выбил из них дорожную пыль, очень аккуратно обулся. Потом умылся, зачерпывая воду корявой ладонью, и опять продолжал сидеть, ожидая, пока обсохнет лицо, поймал несколько вялых лепестков, принесенных говорливым ручейком. «Али-Аббас опять не успел вовремя снять свои розы, — печально произнес он. — Что ж, у самого красивого цветка тоже бывает своя осень». Просидев у воды еще несколько минут, он решительно поднялся и, взвалив на плечо хурджин, зашагал к центру.

Остановился он у глухого глинобитного забора, прорезанного узкой калиткой, и, едва взялся за висевший на ней молоток, как за оградой раздался злобный лай пастушьей овчарки.

— Молчи, Шайтан! — прикрикнул гость, и лай тотчас же сменился радостным повизгиванием. Дом явно не принадлежал старику: «хороший пес узнает хозяина по звуку шагов». И все-таки его здесь знали. Заскрипел засов, навстречу вышла женщина, молодая, с лицом, прикрытым платком, конец которого она придерживала зубами.

— Это вы, отец? Заходите, пожалуйста.

Она хотела было снять с плеча свекра хурджин, но тот отмахнулся.

— Дома Касум?

— Недавно пришел, в больнице был. Да вы проходите, проходите...

А с веранды уже спешил мужчина лет тридцати, такой же высокий, сухопарый, подвижный. Правая его рука, схваченная свежими бинтами, покоилась на перевязи, неумело завязанной под воротником полувоенной гимнастерки.

— Салам, ата! Хороший день сегодня у меня: ты пришел.

Не отвечая на приветствие, старик указал на перевязанную руку сына.

— Это откуда? Случилось что?

— Совсем ничего, ата-джан, — Касум смущенно улыбнулся. — Так, пустяк, немножко царапнуло.

— Стреляли в тебя? — старик не пытался скрыть своего волнения. — У тебя кровник есть?

— Что ты говоришь, отец, — Касум нахмурился. — Я комсомолец, какие кровники могут быть! Бандиты стреляли.

— Почему бандиты? Ты что, милиция, огеуеу? Ты ветеринар,

твое дело барашков лечить. — Отец никак не мог успокоиться.

— Правильно, ата. Только я еще и боевик районного отдела АзГПУ. Вот погляди...

Почтительно поддерживая старика под локоть, Касум привел его в комнату. На почетном месте, между нишами, заменявшими в доме шкафы, висели на гвозде короткая кавалерийская винтовка и кожаный патронташ.

— Видишь, оружие доверили.

Отец покачал головой.

— Да поможет тебе аллах в этом опасном деле, сынок.

— Э-э, отец, кто из Расуловых боялся опасных дел? Ты ведь тоже... Ох, ата, ата. Сколько раз мы с тобой говорили. Моя опасность государству на пользу, твоя — ему во вред.

— Ну ладно, ладно, — старый Расулов только сейчас вспомнил о своем грузе. — Позови Гюльнaru, пусть возьмет хурджин. Мать там прислала варенье-маренье, еще кое-что. А мне с тобой поговорить надо.

Молчаливая Гюльнara приняла хурджин, бесшумно ступая, накрыла в задней, самой прохладной комнате стол. Но ни кюкю — яичница со свежей зеленью, ни долма — голубцы из виноградных листьев, ни даже густой, цвета старого красного золота мед горных пчел не привлекли внимания старого Расулова.

Поджав под себя обтянутые носками ноги, он сидел за низким круглым столиком, крошил на скатерть свежий, домашней выпечки чурек и, равномерно покачиваясь, рассказывал сыну о том, что произошло с ним на днях по ту сторону границы.

— Ты уже знаешь, товары свои я сбывал муаджиру* Кули-заде. Много лет знаю этого человека, всегда думал — хороший, честный купец. Оказался — змея двухголовая. Когда я бывал у него в доме, он всегда хорошо принимал, о семье расспрашивал, совсем как родственник. Я ему о тебе говорил, о Гюльнаре тоже, как живете, где работаете, про ее паспортный стол. Почему не рассказать? Прошлую пятницу пошел опять на ту сторону. Оставались у меня кольца золотые, хотел продать, корова старая совсем. Думаю — схожу последний раз, потом брошу это дело, раз ты так просишь. Все хорошо было, только в лавке Кули-заде еще один человек меня ждал. Почтенный с виду, посмотришь — тоже купец, только с носом у него нехорошо, лошадь, видно, ударила, сломала. Сеидов его зовут, я это потом узнал. Поговорили мы с ним, как полагается, а потом стал он меня спрашивать, как думаешь, про кого?

— Откуда мне знать, ата, — в голосе Касума звучала плохо скрытая тревога.

— Не удивляйся, о Гюльнаре. Достань, говорит, через сноху три чистых бланка советских паспортов и принеси нам.

— Ну, а ты что сказал?

— Я сказал: как я могу это сделать? Сноху за пропажу

* М у а д ж и р — эмигрант (азерб.).

паспортов арестуют. Я этим не занимаюсь, говорю, мое дело — товар принес, унес, заработал немножко.

— Вот видишь! — Касум, не выдержав, вскочил на ноги, заходил по комнате, бережно поддерживая растревоженную, видно, руку. — Вот тебе и «товар». Сеидов этот наверняка с бандитами связан, а может, с кем-нибудь и похуже. Ай, в какое ты дело попал, отец! Ну, а что потом?

— Потом они мне грозить, понимаешь, стали. Сеидов сказал: Кули-заде сейчас меня полиции отдаст, скажет — я контрабандист, и сгнию я в тюрьме на чужой земле. «Мурсал-киши верно говорит, соглашайся, Гасан, — поддакивал этот внук шакала Кули-заде. — Мы научим тебя, как сделать с паспортами, чтобы Гюльнара в стороне осталась». Я подумал-подумал, решил, все равно так они меня не выпустят. «Ладно, — говорю, — пиши бумагу».

— Какую еще бумагу? — испугался Касум.

— А, понимаешь, они так сказали, в бумаге написано, за что я деньги у них получил, если обману, они ее сюда в геппеу перешлют.

— И ты подписал?

— Зачем подписал, сказал: «Неграмотный я, палец приложу, ладно».

— Ну, подпись или палец отпечатать — это разница небольшая, — пробормотал Касум.

— И я так думаю, сынок, — согласился Расулов-старший. — Потому и пришел к тебе прощаться.

— Прощаться?

— Я, конечно, плохой человек, через границу ходить никакая власть не разрешала, только бандитам помогать, которые в моего сына стреляют, амбары крестьянские жгут, я не буду. Иранцы говорят: «Нож не режет свою рукоятку». Решил так: пойду к начальнику Орлову, пусть меня сам в тюрьму сажают. Посижу, выйду, контрабанду брошу, хозяйством заниматься стану. Я на этой земле родился.

ГЛАВА VI. «НОЛЬ ПЯТНАДЦАТЫЙ» ВЫХОДИТ НА СЦЕНУ

Часов около пяти невысокий грузноватый блондин лет пятидесяти, в светлом полотняном костюме, соломенной шляпе и больших круглых очках, делавших его похожим на старую сову, приехал на фэзтоне на улицу Камо, отпустил извозчика и, внимательно осмотревшись, свернул в боковой переулок с неудобоброизносимым названием — Третий Нижнеприютский. Так же называлась раньше и улица, на которую он выходил, но ее переименовали, а про переулок забыли.

Дойдя до своей калитки, человек-сова достал ключ, потоптался, старательно «не попадая» в прорезь замка, и, зорко оглядев пустынный переулок, исчез за высоким, выложенным из камня забором.

Маленький дворик утонул в зелени. Могучий великан-карагач, словно папай, накрывал его своей раскидистой кроной, вдоль забора топорщились листвою благородные лавры, на веранду, где хлопотала с керосинкой сгорбленная морщи-

нистая старуха, протягивал свои узловатые ветви старый орех.

Увидев жильца, старушка укоризненно покачала головой.

— Опять вы дома не ночевали, Аркадий Иванович. Все по друзьям, а годы-то немолодые.

— Задержался, тетя Даша! Выходной сегодня! — громко, отчетливо произнес жилец — старушка была глуховата. И, помолчав, добавил: — Заигрался в нарды, а поздно идти не хотелось.

Это, последнее, было чистой правдой. Он был за городом в Мардакянах и хотя был занят отнюдь не нардами, но действительно опоздал на последний поезд.

Войдя в комнату, жилец тети Даши с отвращением содрал с себя влажную тенниску и плюхнулся на диван, блаженно шурясь от прикосновения к его прохладной кожаной обивке. Ощущение было почти такое же, как будто он опустился в ванную, без которой он по-настоящему страдал.

Впрочем, если уж быть совершенно точным, больше всего в последнее время человеку в очках не хватало душевного спокойствия, уверенности в том, что и этот год для него окончится вполне благополучно. То ли начали сдавать нервы, то ли работать действительно стало намного трудней, но только уже довольно давно человек, числившийся в сверхсекретных картотеках Интеллидженс сервис под номером 015, пребывал в постоянном мрачном напряжении.

Его раздражало все. И эта комната, размалеванная по потолку дурацкими толстобокими гуриями, которые с грацией бегемотов кутались в прозрачные накидки, и весь этот город, возмутительно напоминавший Неаполь, где прошла его юность. А главное — люди! Несговорчивые, бесконечно упрямые, с какой-то патологической, фанатичной верой, что все происходящее вокруг — свидетельства больших и важных для них перемен, они были очень трудным материалом.

Собственно говоря, эти перемены замечал и он сам. Опытный разведчик и по долгу службы неплохой экономист, 015 в своих сводках отдавал должное быстрому строительству новых промыслов, первым успехам крестьянских кооперативов, возникновению институтов, заводов, рудников.

Но почему судьба какого-нибудь Дашкесанского рудника волнует и выпускника мединститута, и просоленного морскими ветрами боцмана с танкера-водовоза на линии Баку — Краснодарск, этого жилец тети Даши понять не мог, несмотря на свой опыт и умение разбираться в людской психологии.

«Русский этап» его карьеры начинался в Петрограде, в 1917 году. И тогда он впервые столкнулся с проявлением этих не понятных ему черт человеческого характера. Столкновение получилось довольно жестким, он едва сумел уйти от агентов ЧК и выбраться за границу. С тех пор человек в очках прошел суровую школу и не оступился ни разу. Вторично послали его в Советский Союз в 1928 году. Но хотя теперь он был уже профессионалом высокого класса, работалось ему много труднее, чем прежде.

Чувство не личной обреченности, нет, а скорее всего полной исторической бессмысленности того, что приходилось делать, все чаще и чаще овладевало Аркадием Ивановичем. Он понемногу опускался, забросил гимнастику, начал попивать, обрюзг.

Доведенные до автоматизма навыки пока еще надежно оберегали его от каких-нибудь роковых оплошностей. Но все равно то, что делал, совершалось лишь в силу своего рода инерции.

Проспал Аркадий Иванович довольно долго. Солнце давно уже зашло, когда он, будто поднятый звонком будильника, вскочил, схватился за часы. Было ровно восемь. До сегодняшнего сеанса связи оставалось еще достаточно времени, вполне можно было успеть приготовить очередную сводку.

Аркадий Иванович запер входную дверь, достал из ящика стола отвертку и, подойдя к изразцовой печи, начал методично, поддевая лезвием, вынимать из облицовки голубоватые прохладные плитки. Одна, другая, четвертая... Через несколько минут открылся глубокий тайник, в котором стоял аккуратно упакованный радиопередатчик. Аркадий Иванович поставил его на стол, подключил к сети, соединил с куском провода, поддерживающего над окном плотную штору, — это была антенна, надел наушники. Еще раз посмотрев на часы, он тронул верньеры. Чуть потрескивая, засветились лампы, блестящая игла стрелки поползла по прорези шкалы, рука привычно легла на ключ.

«Я БРС.... Я БРС... Прием... Прием...» — понеслось в эфир.

Через две минуты в наушниках послышался частый писк ответной морзянки. Длинная колонка аккуратно, по-бухгалтерски выписанных цифр быстро выростала на гладкой бумаге блокнота агента 015. Последние несколько знаков он не стал записывать. Они бывали в каждой радиограмме и означали: «Да хранит вас бог. Уильям». Брезгливая усмешка скользнула по обрюзгшему, с двойным подбородком лицу, когда он услышал давно знакомое сочетание точек и тире. Упоминание о боге со стороны шефа, который не моргнув глазом посылал на смерть десятки людей, звучало по меньшей мере неуместно. Но таковы были традиции старой школы, давно уже вызывавшие у Аркадия Ивановича только недобрую иронию.

Закончив сеанс и убрав рацию, 015 снял с полки томик Диккенса, служивший ключом к коду, и стал расшифровывать радиограмму.

«Необходимо изыскать возможность самостоятельно связаться с Гейдар-агой, оперирующим в Закатальских лесах, передать ему известный склад № 4, совместно наметить меры по расширению движения. Ликвидация отдельных советских представителей в деревне — акция, не дающая должного эффекта. Очень важно организовать объединение повстанцев в Заканалах с отрядами Саттар-хана, Али Нияза, направить их на более серьезные действия. При получении вами таких возможностей дадим подробные указания. Связаться с Гейдар-агой надо не позднее первой половины октября. Ждем ваших предложений. В настоящее время повторная присылка средств представ-

ляется затрудненной. По достоверным сведениям, Наджафов-Джебраилов находится в Баку. По возможности примите меры».

Аркадий Иванович дважды прочитал радиogramму и задумался.

Положение осложнялось. Подключаться к руководству действиями повстанцев без достаточно надежного контакта с начальством по ту сторону границы было делом почти бессмысленным. Работа же на рации, питаемой от обычной электросети, требовала частой смены квартир, а деньги были на исходе. Приниматься за розыски Наджафова-Джебраилова Аркадию Ивановичу очень не хотелось. «Проклятый святоша. Беспокоится о червонцах, которые дал Наджафову. Блюдет финдисциплину, ревизии боится, — пробормотал 015, не замечая, что ругает шефа на том самом языке советского служащего, который еще два года назад вызывал у него язвительные насмешки. — Но сам я в это дело не полез. Шалишь...»

Робкий стук в дверь прервал его размышления. Тетя Даша звала ужинать.

Сунув радиogramму в карман, Аркадий Иванович вышел на веранду. Над обеденным столом в неярком свете электрической, под матовым колпаком лампы сновали редкие осен-

ние мошки. Старушка уже поставила блюдо с пловом, графинчик, прибор. Остро вспыхнувший голод напомнил 015, что сегодня он не обедал. Но сразу сесть за стол не пришлось. От калитки донесся громкий стук молотка о железную скобу. Пришлось идти открывать калитку.

— А, Эюб! — с некоторым оживлением произнес он, впуская гостя. — Пришел вовремя, тетя Даша отличный плов приготовила. Кстати, есть о чем и поговорить, я уж и сам думал тебя вызвать. Ну пошли.

— Сказано: дающий сразу — дает вдвойне. Я голоден, как эскадрон кавалеристов, — широко улыбнулся вошедший, протягивая хозяину жесткую ладонь.

Аркадий Иванович, закрывая калитку, с завистью окинул взглядом Эюба. Смуглый, курчавый брюнет, подтянутый, широкоплечий, он был одних лет с Аркадием Ивановичем, но казался значительно моложе его. Четким, размеренным шагом Эюб Гусейнов направился к веранде. Белая рубашка, подпоясанная кавказским ремешком, галифе и мягкие козловые сапоги удивительно шли к его стройной фигуре.

Они уселись за стол. Старуха поставила второй прибор.

— Повар офицерской кухни в «дикой дивизии» тоже неплохо готовил плов. Но угощал им только по большим праздникам, — сказал Гусейнов, накладывая на тарелки плов, желтый от шафрана.

— Что за привычка — где надо и не надо поминать о «дикой дивизии»? Служба в этой «контрреволюционной националистической части», как теперь ее именуют, не делает тебе особой чести в глазах нынешних хозяев.

— А мне плевать. Я горжусь тем, что был офицером, — нахмурившись, ответил Гусейнов.

— Гордись на здоровье. Но про себя. В твоем положении незачем привлекать лишнее внимание. Выпьем?

Первая часть ужина прошла в молчании. Но Гусейнов, непривычный к алкоголю, вскоре раскраснелся, подобрел.

— О чем хотел поговорить, Аркадий Иванович? — спросил он, откидываясь на спинку стула и закуривая. — Плов хорош, курица нежна, как пери*, но наше дело мужское — о делах забывать нельзя.

— Вот прочти, — Аркадий Иванович передал Гусейнову радиogramму.

Тот внимательно прочел ее и вернул Аркадию Ивановичу. 015 сложил листочек, чиркнул спичкой, поджег и положил в пепельницу.

— Ну и что ты обо всем этом скажешь, Эюб?

— Вести эскадрон в атаку я умею. Штаб, если будет нужен, тоже организую. Учить людей воевать — пожалуйста. Но лазить по кустам, искать этого Гейдара? Избавьте! Он что, сумасшедший, твой Уильям?

— Нет, он кадровый офицер разведки. Задание очень сложное, верно. Но если мы категорически будем настаивать, что без связного, знающего Гейдарагу, не можем наладить рабо-

* Пери — фая (перс.).

ту с повстанцами, шеф. что-нибудь придумает, — Аркадий Иванович налил себе еще, залпом опрокинул рюмку. — Он, видимо, не представляет себе, что значит связаться с бандой, которая скрывается в лесу. Да еще найти главаря, заставить себе поверить! И все-таки надо поискать такие пути.

— Ха! Разве я говорю, не надо? Ищи, пожалуйста, что решишь, скажи, тогда делать буду. Ты меня знаешь. Слушай, Аркадий Иванович, — голос Эюба стал мягок и вкрадчив. — Понимаешь, я опять на мели. Ты не сможешь...

— Больно часто ты попадаешь на мель, — недовольно проворчал Аркадий Иванович, но тут же полез за бумажником, извлек несколько банкнотов. — Но учти: это последние. Запасы мои на исходе, а когда будет перевод, никому не известно.

— Слушай, Аркадий Иванович! А может, я найду все же Наджафова? Обидно мне, честное слово, обидно, мы тут сидим без гроша, а этот осквернивший могилу отца кутит на наши деньги. Ну позволь, поищу. Он у меня... — Эюб выразительным жестом положил на край стола литой кулак.

— Не хочется мне в это влезать... — Аркадий Иванович какое-то время помолчал. Потом пристально посмотрел на Эюба. — А впрочем, попробуй, — произнес он, явно думая о чем-то своем. — Попробуй.

— Очень осторожно сделаю.

— Надо менять квартиру, — задумчиво, как бы говоря сам с собой, сказал Аркадий Иванович.

— Зачем менять? Такой плов тетя Даша готовит! Не надо.

— Перестань паясничать. У меня правило: больше пяти сеансов с городской квартиры не проводить. Два уже были. Так что съезжать придется. Ладно. Займись Наджафовым. Только по-умному. Сделаем так...

И Аркадий Иванович начал излагать свой план.

ГЛАВА VII. «БУДЬТЕ ДИАЛЕКТИКОМ, ФРЭНК»

Трехмоторный пассажирский «юнкерс», пройдя над аэродромом, заложил крутой вираж и на несколько минут словно растаял в воздухе, слившись с матово сверкавшим фоном вечных снегов вершин гор. Серебристая машина вновь обрела четкость очертаний уже над самой землей и через мгновение катилась по полю, надменно задрвав тяжелый тупой капот и оставляя за собой быстро тающий шлейф пыли.

Посадка была щегольской, недаром на международных линиях компании «Люфтганза» работали пилотами многие отставные асы. И, подумав об этом, встречавший рейс из Берлина майор английской секретной службы Коллинз невольно усмехнулся.

Действительно, в том, что один из видных работников Интеллидженс сервис прилетал на самолете, за штурвалом которого сидел летчик бывшей кайзеровской авиации, была многозначительная ирония судьбы. Но додумывать неожиданно пришедшую мысль не было времени. Металлическая рыбина,

поблескивая своей серебристой гофрированной кожей, уже подруливала к зданию аэровокзала.

Спустя несколько минут Коллинз пожимал руку статному седому джентльмену, одетому словно для прогулки по Уэст-Энду в Лондоне. Безукоризненный костюм кремовой легкой фланели, палевая сорочка крученого шелка, светло-желтые замшевые туфли. Даже рисунок галстука, единственной темной детали его туалета, гармонировал с фактурой старой данхилловской трубки.

Коллинз поджал губы при виде всего этого великолепия, но вспыхнувшая было ирония тут же уступила место чувству искренней радости. Приезжий был не только его непосредственным начальником, но и давнишним хорошим другом.

— Вот это сюрприз! — Черноволосый, смуглый, внешне очень похожий на местного жителя, майор ловко подхватил портфель гостя и сам, отстранив шофера, распахнул дверцу машины. — Я был оповещен о приезде представителя фирмы, но не ожидал, что им окажется... — Последовала еле уловимая пауза.

— Да, да. Именно Роберт Кемпбелл, который всегда рад вас видеть, — гость с тонкой полуулыбкой вовремя подхватил реплику. — А вы совсем не изменились.

— Лстыть младшим на Востоке не принято. Вы нарушаете обычай. Поехали, Мохаммед.

Носильщики уже кончили укладывать багаж, и шофер расплатился.

— Ничуть не нарушаю. Именно потому, что я совершенно искренен, — вопросительно подняв брови, Кемпбелл взглядом указал на водителя. Коллинз ответил ему чуть заметным пожатием плеч. И оба, понимаяще улыбнувшись, заговорили о чем-то пустяковом.

На одной из самых оживленных улиц машина замедлила ход. Кемпбелл, давно уже не бывавший на Востоке, с любопытством следил за тем, как шофер лавирует среди автобусов, обвешанных корзинами осликов и равнодушных к уличной толпе верблюдов. Коллинз, словно вымуштрованный гид экскурсионного бюро, время от времени давал короткие точные комментарии. Словом, все шло в лучших традициях колониального гостеприимства.

— Поторопитесь, Мохаммед, мы опаздываем, — на фарси приказал Коллинз шоферу и, вновь перейдя на английский, обратился к гостю. — Надеюсь, вы остановитесь у меня? Комнаты для вас приготовлены, обед, — он взглянул на часы, — ровно в семь, как в Палас-отеле.

Кемпбелл с сомнением покачал головой.

— Остановиться придется, пожалуй, в гостинице. Кто я такой? Рядовой коммерсант. Мне предстоят разного рода визиты, переговоры и прочее. Дорожная фирма, которую я представляю, рассчитывает на заключение крупных контрактов. Но прежде всего я бы хотел, разумеется, иметь честь быть представленным миссис Коллинз.

Обедали втроем — Кемпбелл, майор и Эллен Коллинз, милостивая, хорошо сохранившаяся шатенка лет сорока, с чисто коллекционерской страстью обзаводившаяся редкостными меховыми нарядами. О них-то и, в частности, о сравнительных достоинствах каракуля туркменской и иранской выделки и шел разговор поначалу.

Для Эллен Коллинз гость оказался на редкость интересным собеседником, потому что разбирался не только в каракуле, но и в бобрах, песцах, соболях. Телеграмма, извещавшая о его приезде, была послана фирмой, занимавшейся дорожным строительством. Но, судя по эрудиции Роберта Кемпбелла в тонкостях советского пушного экспорта, ему приходилось бывать и в таких уголках этой страны, где, как известно, иностранные фирмы дорог не прокладывают.

Впрочем, миссис Коллинз недолго наслаждалась этой содержательной беседой. Сразу после десерта мужчины перешли в кабинет.

Легкая бамбуковая мебель, крытая звериными шкурами, полуметровый пропеллер под потолком, просторный рабочий стол, застекленная пирамида с ружьями, чучело сокола-сапсана, искусно посаженное на ветвь чертова дерева, голова тура, украшенная кривыми, как ятаганы, рогами.

По обстановке комната напоминала жилище не то ранчмена из разбогатевших ковбоев, не то любителя африканского сафари.

И только длинные стеллажи, заваленные книгами, справочниками, ворохами советских газет и журналов, наводили на мысль о том, что круг интересов хозяина несколько шире. А классический, викторианского стиля камин подчеркивал его британское происхождение.

— А вы неплохо устроились, Фрэнк, — Кемпбелл выдвинул легкое кресло-шезлонг на середину комнаты и расположился под самым пропеллером. — Англичанин всегда останется англичанином. Деловитость и комфорт.

— Жалкие попытки как-то скрасить убожество здешней столицы, — с несколько наигранным пренебрежением отозвался Коллинз, в действительности польщенный комплиментом. — К сожалению, могу предложить только джин или вермут. Порядочного портвейна здесь не достать.

— Вы забыли мои привычки, Фрэнк? — Кемпбелл посмотрел на хозяина с некоторым удивлением. — Там, где только это возможно, местные блюда, местные напитки. Это позволяет сохранять гибкость, ведь нам приходится быть очень разнообразными. Шербет, пожалуйста, и побольше льда.

— На свете сейчас все меняется. За последние годы мне пришлось наблюдать такие перемены, что...

— Нет, майор, нет, — дружеская интимность, прозвучавшая было в тоне Кемпбелла, понемногу уступала место официальной, деловой вежливости. — Когда корабль сбивается с курса, капитан должен дважды в день менять воротнички. Тогда пассажиры спокойны. Но перейдем к делу, у меня, к сожалению, мало времени. Последнее донесение, которое я получил, было недельной давности. Есть что-нибудь новое?

— И да и нет, сэр Роберт. Вербовка Разносчика прошла удачно. Он сейчас здесь, принес бланки паспортов, три штуки, а главное...

— Подождите, майор. Даже моя память не в силах вместить все псевдонимы ваших людей. Разносчик — это?..

— Советский подданный Расулов, которого мы привлекли через одного из местных купцов. Границу знает, как собственный двор, можно сказать, мастер почтенного цеха местных контрабандистов.

— Вы в нем уверены?

— Он слишком многим рискует.

— Нечто подобное, — Кемпбелл помедлил, доставая плоский, на «молнии» трубочный кисет, — я читал в донесении, относившемся к этому... да, Богомольцу. Потом он как будто предпочел пойти на риск и выйти из игры?

— Простите, сэр, — Коллинз резко поднялся и, маскируя вспыхнувшее раздражение, прошел к столу за пепельницей, поставил ее перед гостем. — Простите, но психологическая схема в данном случае совершенно иная. Посылая Богомольца к русским, мы никак себя не застраховали, ему нечего

терять здесь. Я вас предупреждал об этом. Так и вышло. Его соблазнили деньги, которые были у него на руках, и он предпочел воспользоваться ими, не ждать манны небесной. Разносчик, передав нам паспорта, ставит под удар женщину, родственницу, жену сына. Своей жизнью он может не очень дорожить, но пойти на бесчестье, навлекая опасность на другого, старший в роде не позволит себе никогда.

— А вы не допускаете, что эти бланки — ловкий ход ГПУ, которое уже дало их номера каждому своему агенту? — Оторвав картонную спичку, Кемпбелл старательно раскурил свой «данхилл», пыхнул клубом душистого пряного дыма. — За последние годы русские многому научились.

Коллинз пожал плечами.

— Увы, это так, — Кемпбелл чуть нахмурился, восприняв жест майора как проявление несогласия с его собственным заключением. — Возьмите хотя бы их политику на Востоке. Она становится более осмотрительна и эффективна, чем наша. Советы ищут реального сотрудничества и предлагают взаимовыгодные условия, мы цепляемся за прошлые методы, от которых давно пора отказаться. Но мы, пожалуй, отвлеклись. Какими силами будет располагать группы, намеченные для участия в выступлении?

— Объединение всех отрядов позволит создать очень подвижную часть приблизительно в триста-четыре сабеля.

— Вооружение?

— Русские трехлинейки, маузеры, несколько ручных пулеметов. К сожалению, среди повстанцев...

— Будущих или, скажем так, гипотетических повстанцев. Пока это всего лишь банды сельских гангстеров, — глядя куда-то мимо собеседника, холодно уточнил Кемпбелл. — Да, так что «к сожалению»?

На смуглых щеках майора на мгновение вспухли тугие желваки. Сегодня шеф был просто несносен. Но Коллинз сдержался.

— К сожалению, — он попытался смягчить разговор каламбуром, — среди будущих повстанцев слишком мало бывших фронтовиков, так что для столкновения с регулярными соединениями отряд не очень пригоден. Я полагал бы, что целесообразно отсрочить дату выступления с тем, чтобы ввести в окружение наиболее авторитетных вожakov нескольких кадровых военных.

— А зачем? — с откровенной ленивой издевкой протянул сэр Роберт. — Неужели это может что-нибудь изменить? Обойдетесь.

— Простите, сэр, — майор вскочил, вытянулся, опустив руки по швам. — Я, к сожалению, не умею выполнять приказаний, смысл которых мне не ясен. Я полагал, что доброжелательная и тщательная подготовка выступления...

— Потрудитесь сесть, Франклин! — Это прозвучало как команда. Благодушный седой джентльмен, так уютно расположившийся в низком шезлонге, куда-то исчез. Вместо него перед Коллинзом сидел, выпрямившись, властный шеф, холодно поблескивавший из-под бровей серо-стальным взглядом. — Сидите и слушайте, только очень внимательно. Мне не так уж нужно было это путешествие, но я пошел на него. Из-за вас. Из-за того, что мы вместе начинали эту службу и вы кое-что сделали для меня. Сейчас я недоволен вами, Фрэнк. Пока — только я. Это не страшно. Но вы теряете ориентировку, а значит, раньше или позже в работе возможны крупные провалы. Этого вам не простят. Зачем вы ковыряетесь в мелочах? Почему медлите? Неужели вы думаете, что эти «триста-четыре сабеля», даже под командованием самого Лоуренса, могли бы повлиять на судьбу Советов? Для выступления не нужны военные. Это должен быть крестьянский бунт.

Бессмысленный, жестокий и страшный. Такой, о котором можно будет кричать в мировой прессе. Кричать истерично. Это вы понимаете?

— Сэр Роберт, — Коллинз, уже взявший себя в руки, попытался отстоять свою позицию. — Но разве хорошо подготовленное выступление, захват крупного центра, умелые действия повстанцев не дадут должного резонанса? Разумеется, я не рассчитывал сокрушить Советы. Но организовать дело так, чтобы повстанцы не выглядели просто бандитами, считал своим долгом.

— Ерунда! — Кемпбелл очень осторожно, постукивая головкой трубки по костяшке согнутого пальца, выколотил пепел. — Поймите, ради бога, что кадровый военный может только повредить делу. Мы не должны дать возможность увидеть за всем этим нашу работу. Не операция, но бунт! Выступление должно впечатлять не тактикой, а... — он помедлил, подыскивая наиболее точное определение, — а правильно организованным варварством. Зверством, если вам угодно. Пусть захватят какой-нибудь городок. Пусть разнесут его в пыль и заставят власти подавлять восстание самым жестоким и крутым путем. В этом смысл выступления. Это будет первая ласточка из очень голосистой стаи. Ну хорошо. Значит, Разносчик сообщил, что видел Богомольца. И что же?

— Тот был обеспокоен встречей и сразу постарался скрыться в толпе. На базаре это не трудно.

— А если все-таки Богомолец пришел в ГПУ с повинной?

— Абсолютно невозможно, — уверенно ответил Коллинз. — За убийство целой семьи по советским законам ему обеспечен расстрел. ГПУ не станет привлекать такого человека. Основатель советской разведки был очень строгим моралистом. «Чистые руки» и прочее.

— Да-да, — Кемпбелл задумчиво склонил седую породистую голову. — За господином Дзержинским была известна эта слабость. Хотя неизвестно, слабость ли это... Но предположим все-таки, что встреча на базаре тоже придумана на «бакинской Лубянке»? Как и ход с паспортами. Допустим, что Богомолец был задержан, дал показания...

— Ему нечего было показывать, сэр Роберт, — подчеркнуто официальным тоном ответил Коллинз. — Все инструкции он должен был получить уже в Баку. Ноль пятнадцатый не может сам войти в контакт с повстанцами, а Джебраилов — родственник Гейдар-аги, одного из главарей. Через него должны быть установлены связи, передан склад.

— Через него непосредственно? — Кемпбелл, видимо, более довольный этой частью отчета, снова стал благодушен.

— Не обязательно. На самый скверный случай Богомолец мог послать к Гейдар-аге своего человека. У княжеских нукеров, деревенской знати, торговцев, связанных с контрабандой, с давних времен существовала система тайных знаков, вещественных паролей. Примитивная, конечно, но очень трудная для фальсификации.

— Нечто вроде перстней генералов ордена Иисуса? — Сэр Роберт был известен как знаток истории.

— Я полагал, что подобный прием в данном случае мог быть оправдан, — по-прежнему сухо ответил майор. — Богомолец шел к ноль пятнадцатому именно с таким паролем.

Кемпбелл усмехнулся.

— Ну, ну, Фрэнк. Будьте терпимее к стариковским причудам. Ведь я искренне к вам привязан. Хотите вернуться в Лондон? Вам давно уже не тридцать, а я всегда рад видеть вас в отделе.

— Я не справляюсь с обязанностями? — Коллинз все еще был обижен.

— Если бы так, вам пришлось бы вернуться. — Сэр Роберт еле заметной игрой интонаций подчеркнул это «пришлось». — И все-таки подумайте. Восток, конечно, многое значит для Британской империи, но главные события будут разыгрываться не здесь... Будьте диалектиком, Фрэнк. С возникновением такой силы, которой становится Москва, прежняя колониальная политика протянет недолго. Двадцать, тридцать, максимум пятьдесят лет. Подобные примеры очень заразительны. Главная игра скоро переместится в Европу.

— Вы полагаете, начнется война? — искренне заинтересованный Коллинз забыл о недавней обиде. — Но где та сила, которую мы можем столкнуть с большевиками?

— Ее надо растить, майор. — Кемпбелл, поглядев на часы, с явной неохотой поднялся. — И ее растят. Быстро. Азия не выступит против русских, американцы пока заняты своим континентом, поэтому приходится растить ее в Европе. Большая игра начнется там. Хотя, — он тщательно пригладил волосы, — хотя и здесь нам придется очень много работать. Не хотите ехать в Лондон — не надо. Скучать вам не придется и здесь. Кстати, чуть не забыл. Что, мы делаем ставку на одного Гейдар-агу? А кандидатура номер два у вас не подготовлена?

— Увы, к этому пистолету нет запасных обойм. Гейдар-ага единственный, кто может стать во главе крупного дела. Остальные перегрызутся, не успев выйти из леса.

Сэр Роберт, уже направлявшийся к двери, приостановился.

— Вот это самое скверное, майор. А если с ним что-нибудь случится?

— Тогда мне придется подать в отставку, — неохотно промолвил Коллинз.

— Дай бог, чтоб этого не произошло, — помяная господа, седой джентльмен набожно поднял взгляд (в глаза бросился плавно вращающийся пропеллер), чуть усмехнулся и протянул хозяину руку.

...На следующий день высокий старик в расшитой мегребской безрукавке, зайдя в лавку тавризца Кули-заде, перебросился с ним несколькими негромкими фразами и степенно проследовал на задний двор, где останавливались обычно приезжие. А к вечеру Разносчик — Расулов, — получивший новые инструкции, отправился в обратный путь.

На этот раз он ехал верхом почти до самой границы. Человек, пославший старика с перебитым носом — Сеидова, очень торопился.

ГЛАВА VIII. СТАРУХА С ТАЗАПИРСКОЙ УЛИЦЫ

Анатолий Максимович Волков был опытным оперативным работником. На его боевом счету числилось немало сложных и трудных дел. Но если бы не приказ Гордеева, он бы, наверное, и не собрался сам в Акстафу — ведь до сих пор проводившееся на местах выяснение личности и связей Наджафова-Джебраилова почти ничего не дало.

Между тем именно в этом районном городке те отрывочные, разрозненные ниточки, которыми располагали до сих пор сотрудники АзГПУ, завязались в первый, но весьма ощутимый узелок.

Муса Джебраилов, как выяснилось, оказался близким родственником — двоюродным братом — самого Гейдар-аги. Кулацкий главарь в свое время устраивал его на работу, да и побег из-под стражи, дерзкий, среди бела дня, тоже, судя по всему, был организован опытной рукой.

Но три года назад трудно было предполагать, что скромный товаровед винодельческого совхоза Гейдаров вскоре станет одним из бандитских главарей. Джебраилов был арестован за мелкую растрату и приговорен к незначительному сроку. В общем, достаточно серьезно и глубоко его побег не расследовался. Хотя теперь это уже не имело значения.

Достаточно определенным стало самое главное — зачем и почему Джебраилов-Наджафов вновь оказался в Азербайджане. Это, по всем данным, был связник, и скорее всего ему было поручено вступить в тесный контакт с Гейдар-агой.

Отчаянно кляня себя за нерасторопность — все эти сведения можно было получить значительно раньше, — Анатолий Максимович заторпился в Баку.

А тем временем в столице Азербайджана происходили немаловажные события.

...Рабочий день в бакинском адресном бюро подходил к концу. Посетителей стало меньше, телефонные звонки реже, когда в полутемный учрежденческий коридор неуверенной походкой вошла сгорбленная старуха с большой базарной кошелкой.

Из кошелки торчали ножки связанной курицы, перья зеленого лука, горлышко бутылки, заткнутой отломком ку-

курузного початка. Ханум явно запасала провизию, а потом, видно, обсуждала какие-то новости с встретившейся приятельницей — в этот час на базар не ходили даже самые откровенные лентяйки.

В общем, бабушка была ничем не примечательная. Мехтиев, который зашел за Светой Горчаковой, чтобы пригласить ее в кино, не обратил бы на старуху никакого внимания, если бы не вопрос, который она задала Свете по-азербайджански:

— Скажи, доченька, где здесь справки про адреса выдают? Племянник мой в Баку, говорят, переехал, а как его найти — совсем не знаю.

Юсуф перевел Свете вопрос старухи и тут же спросил:

— Как племянника зовут, конечно, вы, бабушка, знаете. А где родился, когда — тоже? Без этого очень трудно адрес найти.

— Наджафов Ашраф, — охотно откликнулась старуха. — Немолодой он, старше тебя. А родился где-то под Агдамом, села не помню.

«Наджафов Ашраф» — это поняла и Горчакова, не зная азербайджанского языка. За последние полтора месяца Света уже пять раз выдавала справки о Наджафове и только что жаловалась Юсуфу, что задание, которое она выполняет, оказалось совсем не похожим на настоящую оперативную работу.

Минуту спустя, приставив к старушке в качестве переводчицы какую-то девушку, уже получившую нужную ей справку, Мехтиев звонил в управление. Дальнейшая схема была отработана более чем четко.

Пока Горчакова очень старательно, круглым ученическим почерком заполняла бланк запроса, от управления уже отъехала машина с двумя сотрудниками. Лена Шубина и Николай Киреев заняли наиболее удобное место на скамейке в скверике, расположенном прямо перед входом в адресное бюро.

Девушке, которую Юсуф попросил помочь старушке, удалось с трудом выяснить возраст племянника. Оказалось, что родился он вскоре после холеры в Карабахе и лет за десять до русско-японской войны. Столь относительная точность лишь усложняла работу Горчаковой. Исчерпывающих сведений по таким данным Света найти не могла. Тогда бабушка попросила дать ей справку на всех Наджафовых Ашрафов.

— Хорошо, — сказала Горчакова и ушла в соседнюю комнату к картотекам.

Старуха поправила сбившуюся чадру, вытащила из бездонной своей кошелки клубок, спицы, уселась на скамейку и принялась за вязанье. А переводчица, обрадованная тем, что ей наконец-то представилась возможность уйти, выскользнула в дверь.

Сообщив необходимые сведения в управление, Юсуф перешел на противоположную сторону улицы и делал вид, что внимательно изучает витрину. Интуиция подсказывала ему: на этот раз запрос относился к «тому самому» Наджафову Ашрафу.

Для такого предположения было довольно много оснований.

Гордеев, в свою очередь, сопоставив данные, думал так же, как и Юсуф, хотя Мехтиев не мог даже предположить этого.

После того как ушедший за границу с бланками паспортов Расулов должен был сообщить своим новым «хозяевам» о якобы имевшей место встрече с Джебраиловым, прошло уже больше недели. За это время чекисты установили, что нелегальный радист, прежде работавший в окрестностях города, дважды выходил в эфир непосредственно из Баку. Три дня назад в адресное бюро с запросом о Наджафове обратился некто Шарафов, эмигрант, который, по слухам, в прошлом был близок к англичанам.

Короче говоря, фигуры, расставленные опытной рукой на невидимой доске, вдруг пришли в движение.

И хотя слухи о связях Шарафова, ходившие среди его земляков-эмигрантов, надо было еще проверять и проверять, Николай Семенович уже не сомневался в приближении развязки. Это подсказывал ему немалый опыт контрразведчика.

На следующий день после того, как Расулов вернулся с той стороны, он через своего сына сообщил начальнику погранотряда Орлову, что принес очень важные известия.

Юсуфу очень хотелось принять участие в проверке «тетки» Наджафова. Но от этого этапа его пришлось отстранить. Во-первых, старуха могла запомнить своего случайного переводчика, а во-вторых, посылать к Расулову какого-то нового человека Гордеев считал нецелесообразным.

Он и Юсуфа-то посылал в пограничный городок с очень большой неохотой. Коллинз, старая лиса, был опытен, и сведения о частых встречах Расулова с каким-то приезжим могли до него дойти и обязательно насторожить.

Впрочем, Юсуф навещал Расуловых под видом двоюродного брата Касума. Соседи знали, что в Баку у старого Гасана немало родни, и такой риск Николай Семенович считал не чрезмерным.

Волков возвращался из Акстафы во вторник днем, Мехтиеву пришлось выехать накануне вечером, а в среду, тоже вечером, после окончания работы, сотрудники, наблюдавшие за домом на Тазапирской улице, где проживала «тетка» Наджафова — Масьма Гусейнова, сообщили, что ее внук, старший бухгалтер финуправления треста «Азнефть» Эюб Гусейнов начал обход адресов, полученных старухой в адресном бюро.

Сам Волков для наблюдения за Гусейновым не годился совершенно. Его богатырская фигура могла бы привлечь внимание даже в многолюдных местах. Поэтому по маршрутам Гусейнова направили других сотрудников.

Эюб Гусейнов обходил всех живших в Баку Наджафовых. Ашрафов возрастом старше сорока и с глубочайшими извинениями предупреждал о возможном беспокойстве, избавить от которого он, к сожалению, не в силах.

По словам Гусейнова, Масьма, его бабушка, уже довольно давно впала в тихое помешательство. А сейчас она вообразила, что один из ее племянников неожиданно разбогател и не хочет поделиться с бедной старухой. Эюб случайно увидел у

бабки справку адресного стола и сам решил найти бабкиного племянника, чтобы он был в курсе.

Срочно проверили, действительно ли больна Масьма Гусейнова — она числилась на учете в психиатрическом диспансере. Выяснили, что с месяц примерно назад Эюб Гусейнов жаловался одному из своих сослуживцев на большое воображение бабки, причиняющее внуку много неприятностей. Медики подтвердили: при некоторых формах циклотонии такой бред вполне возможен. Изучение прошлого Гусейнова не выявило ничего подозрительного. Правда, Эюб служил в «ди-кой дивизии», но ведь это было почти десять лет назад.

А скромный бухгалтер тем временем продолжал свой неторопливый обход. Али Байрамова, 53а; Коммунистическая, 15; Первая Баилловская, 24; улица Красина в поселке Сабунчи, Замковый переулок в Крепости. И так далее.

Гордеев выходил из себя — наблюдение продолжалось, а результатов пока никаких. Эмигрант Шарафов последним перед Гусейновой приходил в адресный стол. Он, так же как и ее внук Эюб Гусейнов, работал в Азнефти, только в другом ее управлении. Так что слабая зацепочка, которую могли дать документы, найденные у погибшего Джеббраилова, в данном случае не играла роли.

Шарафов вел себя как-то подозрительно. Получив справку, он демонстративно не спешил отправляться по названному ему адресу, а несколько раз, не дойдя до дома, сворачивал в другую сторону, словно чувствуя, что за ним следят.

Аркадий Иванович Юдин, агент под номером 015, разрабатывая с Эюбом Гусейновым план поисков Наджафова, предусматривал, что, посетив адресный стол, они могут попасть в ловушку. В соответствии с этим и был подготовлен отвлекающий мажор с полусумасшедшей бабкой. Масьма Гусейнова вполне оправдала возлагавшиеся на нее надежды — поведение ее внука, во всяком случае на первых порах, не давало возможности подозревать его.

Аркадий Иванович Юдин в поле зрения Гордеева оказался в общем-то неожиданно. Собственно говоря, в визите Эюба Гусейнова к своему сослуживцу не было ничего подозрительного. Мало ли по какому поводу могут встретиться они в нерабочее время. Но сразу после того, как Эюб Гусейнов покинул уединенный домик в Третьем Нижнеприютском переулке, неизвестный радист снова вышел в эфир.

До этого передачи шли в строго определенное время. Но тут рация заработала в совершенно неурочный час. Пошло сообщение о результатах поиска Наджафова? В городских условиях засечь рацию, работающую очень недолгое время, достаточно сложно. Но если предположительно известно ее местонахождение, то становится много проще. Занимавшийся этим работник АзГПУ Хентов поклялся Николаю Семеновичу, что при следующем же сеансе сможет дать точный ответ относительно дома в Нижнеприютском.

Дальнейший ход событий можно было определить лишь в том случае, если окажется, что неизвестный радист действительно Юдин. А пока же изучались люди, с которыми он поддерживал знакомство.

ГЛАВА IX. ДЕЛО ПРОЯСНЯЕТСЯ

Как только Юсуф вернулся из поездки к Расулову, Гордеев вызвал немедленно Волкова и Мехтиева к себе.

— Докладывай, — сухо приказал он Юсуфу.

Рассказ Мехтиева был лаконичным, но весьма содержательным. Старый Гасан не преувеличивал, что принес с той стороны очень важные новости. Мурсал-киши, встречавшийся с Расуловым в лавке тавризского купца, поручил ему увидеться с Гейдар-агой и предложить тому воспользоваться тайным складом оружия, оставленным англичанами на территории Азербайджана во время второй интервенции, больше десяти лет назад. Старому Гасану дали и координаты склада. По словам Мурсала-киши, запасов на этом складе достаточно, чтобы поставить под ружье полноценный батальон. Получив склад, Гейдар-ага убедился бы в реальности помощи англичан. После этого Расулову поручалось передать главарю банды пожелание английских друзей об установлении с ним регулярной и надежной связи. Для этого Гейдар-аге следовало в первых числах следующего месяца направить одного из наиболее преданных ему людей в Баку. Этот человек должен будет позвонить по телефону 45-44 с 9 до 10 утра и, услышав мужской голос, назвать себя Гюрзой-заде. Ему назначат встречу.

— Анатолий Максимович, быстро выясни, чей это телефон, — выслушав доклад распорядился Гордеев.

И не успел Мехтиев доложить свои впечатления о поведении самого Расулова, как Волков возвратился, откровенно сияя.

— Ну, Николай Семенович, — забасил он, — английской разведке пятьсот лет от роду, а мы только-только...

Гордеев глянул на него так, что Анатолий Максимович разом осекся.

— Выяснил?

— Да, 45-44 — это телефон конторы, в которой работает Гусейнов. По словам наших ребят, наблюдавших за ним, он там единственный мужчина, остальные сотрудники — женщины. Аппарат висит на стене у его стола.

С минуту Гордеев молчал, потом мотнул головой, как боксер, стряхивающий темную пелену нокдауна:

— Ладно. Давай дальше.

Но Юсуфу больше было нечего докладывать. Расулов остался себя в селе и ждал указаний. По вполне понятным причинам задерживаться там ему не стоило.

— Введи Мехтиева в курс дела, — не поднимая головы, сказал Гордеев, и Анатолий Максимович, не вдаваясь в детали, посвятил Юсуфа в результаты своей поездки и события последних двух дней.

— Ну, что будем предпринимать, товарищи?

Поломать голову было над чем. Тот факт, что Коллинз доверил судьбу склада еще недостаточно проверенному агенту, каким в его глазах должен был быть Расулов, с очевидностью говорил по крайней мере о двух важных обстоятельствах.

Прежде всего о том, что какой-то надежной, действенной связи между Коллинзом и лесными бандами пока нет и что с установлением ее англичане очень торопятся.

Полученные данные позволяли сделать и еще один вывод, хотя не столь уж неожиданный, но теперь получивший прямое и окончательное подтверждение. Гейдар-ага должен был стать не исполнителем какой-то отдельной, частной акции, а центральной фигурой будущего выступления. А это, в свою очередь, в какой-то мере раскрывало и его задачи.

Если до этого Гордеев мог только догадываться о том, какая роль отводится Гейдар-аге в предстоящих событиях (сведения о них, хотя и очень скудные, поступили и из других источников), то теперь достаточно точно можно было представить себе и то, в чем будут заключаться будущие действия кулацких банд.

Разумеется, и до этого Николай Семенович не питал каких-либо иллюзий в отношении своих противников, знал, что они способны на самую изощренную и жестокую провокацию. Но заведомая обреченность игры, в которую вовлекали своих лесных партнеров Коллинз и его руководители, бессмысленность того, что должно было свершиться, даже с их собственной точки зрения, заставило Гордеева ощутить приступ такой бешеной ярости, какой не испытывал он, пожалуй, за все годы своей работы в органах.

Но что конкретно можно было предпринять, чтобы сорвать планы противника?

Подменить Расулова кем-то из чекистов было очень соблазнительно. И все же от этой мысли пришлось отказаться. Хотя Гейдар-ага в прошлом сам и не встречался с Расуловым, но кое-что о Гасане он знал, направлял к нему брата, когда тот собрался уйти за границу, был осведомлен о его профессии. Да и по возрасту своему старый контрабандист должен был меньше насторожить подозрительного главаря бандитов. Идти в лес должен был все-таки сам старый Гасан.

В преданности Расулова чекисты не сомневались. Но хватит ли у него выдержки, умения, чтобы самостоятельно вывести банду под удар?

А вот как поступить со складом? Ликвидировать, вывезти оружие? Но Гейдар-ага почти наверняка захочет предварительно удостовериться в его наличии, и если склада не обнаружит, Расулову будет угрожать смертельная опасность. Остается пока в неприкосновенности, использовать как приманку? Но если бандиты, сделав какой-то непредвиденный маневр, сумеют завладеть складом?

Нужно было найти какой-то ход, позволяющий совместить несовместимое — обеспечить безопасность старому Гасану, установить надежный контроль за складом, гарантировать захват Гейдар-аги.

На решение этих вопросов ушла неделя. Выяснилось много нового. Сначала Шарафов нашел своего Наджафова и вышел, наконец, из игры. Потом вернулся из Закатал обескураженный Расулов. Он рассказал Гордееву о своих долгих мытарствах в поисках возможности связаться с Гейдар-агой.

Сделать это никак не удавалось до тех пор, пока старый Гасан не познакомился с местным муллою, который, как оказалось, встречался с главарем банды. Мулла повидался с Гейдар-агой и объявил Расулову, что главарь знает Расулова, но примет его лишь при условии, что тот явится вместе со своим сыном. Сказав мулле, что поедет за Касумом, старый Гасан поспешил в Баку.

Он дал понять Гордееву, что не хотел бы втягивать в это опасное дело сына, ставить на карту его жизнь. Возникла новая сложная задача.

ГЛАВА X. В ЛОГОВЕ «БАРСА»

Затяжной осенний дождь мелкой водяной пылью ложился на тугой зеленый шатер Закатальского леса. Отроги хребта, скрытые тесно сомкнувшимися кронами, сменялись узкими, но глубокими ложбинками, где деревья росли не так густо. И от этого казалось, что на краю Алазенской долины растянулся, отдыхая, гигантский, многолапый, мохнатый зверь.

Впрочем, увидеть все это мог лишь тот, кто поднялся бы наверх, к субальпийским лугам, сейчас безжизненным, утратившим фантастическую яркость своей палитры, выжженным солнцем, отмытым дождями. А в самом лесу...

Кряжисто, подобно ржавым утесам, стояли грубокорые карагачи, у их подножий застывшими волнами расплескалось море орешника, дикой яблони, алычи. Даже зоркий глаз не смог бы ничего рассмотреть и на расстоянии в сто метров — настолько плотен был «ворс» этой растительной шубы, настолько густ ее «подшерсток».

Лесной кордон — просторное приземистое здание, сложенное из каменной твердости дубовых стволов, стояло на поляне, задней своей стеной приткнувшись к отвесному склону утеса. Подход к нему открывался лишь с одной стороны — поляна была длинной и узкой, да и дом внешне изрядно смахивал на старинный блокгауз.

Фундамент, выложенный из неотесанных валунов, скрепленных известью, с примесью крупного щебня, выглядел надежней любой баррикады. Выходившие на три стороны отдушины подвала могли служить отличными бойницами. На веранде, обнесенной низкой, из крупного плитняка балюстрадой, свободно могли расположиться полтора десятка стрелков.

Сейчас на веранде было всего четверо. Гейдар-ага, привычно настороженный, даже здесь не расстегнувший ремней снаряжения, жилистый горбоносый старик в запачканной кофтой белой бурке и длиннорукий Керим, палач банды, еще более оборванный и неряшливый, чем в тот день, когда он покинул родную деревню. Четвертый, хлопотавший около подносов с пловом и фруктами, бритый толстяк в простой крестьянской одежде, некогда лесничий и егерь местного бека, теперь не то чтоб кулак, просто крепкий хозяин себе на уме. С одинаковым лицемерным радушием раздобревшего холуя

он принимал бы тут любого из тех, с кем ссориться было небезопасно.

Полсотни ульев, надежно спрятанных в лесной глуши, хорошая отара, не обложенная никакими налогами (ее до самых снегов выгуливал на горных пастбищах старший сын), огород и небольшой кусок пашни, на которых работали два других сына и снохи, делали его двор более чем просто зажиточным. Хозяин кордона числился в лесниках, исправно выполнял все распоряжения сельских властей, вспоминавших о нем не слишком часто. А представься случай, он сам перерезал бы горло любому из представителей этой власти.

Не с большой любовью относился он и к Гейдар-аге, которого потчевал теперь так усердно. Но поскольку ссориться с главарем банды явно не имело смысла, закатальский «барс», как сам себя называл Гейдар-ага, нередко находил на кордоне теплый прием, сытный стол и спокойный ночлег. А с приближением осени нужда в этом ощущалась все острее.

Сегодня Гейдар-ага приехал на кордон не для отдыха. Два дня назад местный мулла передал через верного человека, что Гейдар-агу разыскивает контрабандист Расулов, принесший из-за рубежа важные вести.

Сокрушаясь и разводя руками: почтенные гости совсем не кушали плов, толстяк хозяин убрал действительно почти нетронутые блюда, заискивающе предложил:

— Становится прохладно. Может быть, Гейдар-ага и его уважаемые друзья пройдут в комнаты?

— Нет, мешади, — Гейдар-ага бросил на хозяина быстрый подозрительный взгляд. — Я хочу сам увидеть, с какими глазами подойдут они к дому.

— Но твои люди охраняют дорогу, а Керим ястреба бьет пулей на лету. В моем доме тебе нечего опасаться. — В голосе хозяина притворная обида смешалась с плохо скрытым испугом.

Гейдар-ага коротко усмехнулся, сузил глаза, погладил ручку лежащего рядом маузера.

— Пусть опасаются те, кто захочет меня обмануть. Я должен знать, с какими глазами подойдут они к этому дому.

— Воля гостя — закон для хозяина. Всегда все пусть будет так, как ты сказал. Кушайте виноград, пожалуйста. Сейчас принесу чай, — толстяк с неожиданной для него легкостью проскользнул в полуоткрытую дверь с подносом в руках.

— Охо-хо, — ни к кому не обращаясь, вздохнул старик, сидевший рядом с главарем. — Сейчас бы ко мне домой...

— Ты прав, Новруз-бек, — голос Гейдар-аги немного смягчился. — Твой дом был просторен, уютен. А сколько слуг... Иншалла, скоро ты опять войдешь туда как хозяин.

Новруз-бек поплотнее стянул завязки наброшенной на плечи бурки, поежился. Взгляд его стал рассеянным, почти мечтательным.

— Какой дом! Его строил еще мой прадед... — заговорил он протяжно, почти нараспев, чуть покачиваясь корпусом взад и вперед. — А сколько земли — не окинешь глазом. А сад,

а табуны коней... Теперь все это называется — совхоз имени Алиева. Когда я все это подарил Алиеву? Я не помню, когда я это дарил! — неожиданно выкрикнул старик и за-молчал, злобно оскалившись.

— Ну, ну. Успокойся, Новруз-бек. — Гейдар-ага огладил свою густую давно не подстригавшуюся бороду. — Скоро, очень скоро все получишь обратно. А кто такой этот Алиев?

— Какой-то большевистский вожак. Я хотел бы видеть его на той чинаре. — Усы и верхняя губа у Новруз-бека подрагивали, как у пса, готового зарычать.

Коротко просвистав в воздухе, на вытопанную площадку перед домом шлепнулся кусочек плитняка. Через мгновение, подхватив винтовки, все трое были уже на ногах.

— Керим! — Гейдар-ага рукой ткнул в сторону поляны. Длиннорукий Керим в два прыжка выскочил из-под навеса, поднял голову, всматриваясь куда-то наверх, и успокаивающе произнес, обращаясь к Гейдар-аге:

— Зейтун их видит. Едут. Только трое.

— Мешади! — Даже в это почтительное обращение к па-ломнику, совершившему путешествие к гробу пророка, Гейдар-ага сумел вложить все, что должно быть в команде. — Ты встретишь гостей.

Молча поклонившись, толстяк заспешил с веранды.

— Керим! — еще жест в сторону полуоткрытой двери. — Будешь держать их под прицелом. — И Гейдар-ага вновь опу-стился на место, спокойный, невозмутимый, каким и должен быть почтенный гость в ожидании запоздалых гостей.

В дальнем конце поляны показался пузатый, откормленный ишак. На нем восседал тщедушный человечек в большой, потемневшей от дождя чалме, казавшейся особенно нелепой над его хилым, обернутым накидкой телом. Немного позади легкой поступью вышагивал Расулов, еще на шаг-другой от него отстал Юсуф Мехтиев, в русских сапогах, брезентовом плаще, в круглой плоской крестьянской папахе.

Хозяин, подхватив ишака под уздцы, подвел гостей к ве-ранде, почтительно помог мулле слезть со своего «скакуна». Вблизи слугитель аллаха оказался еще невзрачнее с виду. Изможденный, морщинистый, со слезящимися глазами, длин-ной, но тощей бородашкой и такой же шеей старик. Следом за ним поднялся под навес и Расулов, который даже здоровя-ку Гейдар-аге, если б дело дошло до рукопашной, мог бы оказать сопротивление. Старый Гасан остановился у края ков-ра. Мехтиев, как и полагалось младшему, молча поклонился и отошел в дальний угол веранды.

Главарь окинул незнакомцев быстрым внимательным взгля-дом. «Да, — мысленно оценил он старшего гостя. — Этот станет ходить через границу. Похож на Новруз-бека, только покрепче. Такой на любое дело пойдет... И в гешеу тоже. Второй еще щенок! Я переломлю его одной рукой. А вот стал неудобно. Кериму не виден». Он указал Юсуфу место поближе, на краю ковра. Еще раз поклонившись, тот подошел и стал, ожидая, пока сядут старшие. «Обычай знает, — подумал Гейдар-ага, — почтителен, скромн, не поднимает глаз...»

— Да пошлет тебе аллах благополучия и успеха во всех твоих делах, — нараппев произнес мулла, здороваясь с главарем банды. Гейдар-ага склонил голову, приложив руку к сердцу, потом с приветственным жестом повернулся к Расулову.

— Тебя я тоже рад видеть, старший брат.

Мулла, подобрав полы накидки, опустился на ковер, оперся на подушку, подложенную ему хозяином.

— Плохие новости, совсем плохие, Гейдар-ага, — дребезжащим рецитативом затянул он. — Разгневался на нас всевышний, смуту поселил в умах мусульман. Крестьяне забывают дорогу в мечеть, мо-

лодежь не слушает старших, женщины потеряли стыд. Не только в Закаталах — в селах снимают чадру, ходят в больницу, спорят с мужьями. Закон шариата уже не закон, — вещал мулла, ерзая на ковре, как курица, устраивающаяся на насесте.

Гейдар-ага с трудом сдерживал раздражение. Каноны восточной учтивости не позволяли, встретившись, сразу переходить к цели свидания, но болтовня старого пустомели злила его.

Подчеркнуто неторопливым жестом атаман расстегнул пояс с кинжалом, отложил в сторону. Испытующе глядя на Расулова, скинул с плеча перевязь маузера. Старый Гасан, приняв позу человека, собравшегося совершить омовение, раскрыл перед собой пустые ладони и медленно опустил на корточки рядом с муллой. «Умен», — подумал Гейдар-ага и неприменно покосился в сторону младшего гостя. Тот, помедлив, тоже присел, сложив на коленях скрещенные руки.

Хозяин поставил перед гостями стаканчики с чаем. Мулла торопливо схватил свой, стал греть о него озябшие руки, потом начал пить мелкими глоточками, причмокивая и отдуваясь. Воспользовавшись паузой, Гейдар-ага кивнул Расулову.

— Войдем в дом, там поговорим.

Поднявшись, оба вошли в комнату, расположенную рядом с той, откуда за встречей наблюдал Керим. В нее вела отдельная дверь, проем между обеими был прикрыт ситцевой занавеской.

— Я здесь в гостях, но ты будь как дома, пожалуйста, — доброжелательно произнес Гейдар-ага, усаживаясь на разбросанные по ковру подушки, и, не меняя тона, будто вскользь, спросил: — Где ты живешь?

— Я из Пойлы, что вблизи границы, — ответил старый Гасан. — Ты должен знать Расуловых.

— Ты брат Наджаф-кули?

— Он умер пять лет тому назад. Надеюсь, аллах нашел ему место в раю.

— Но занимаешься его же ремеслом?

— Так принято у нас в семье, Гейдар-ага.

— Наджаф-кули был другом моего двоюродного брата Мусы. Ты знал его?

— Гейдар-ага, я старый человек, зачем со мной играть, — нахмурясь, произнес Расулов. — Ты сам прислал ко мне Мусу Джебраилова. Я помог ему перейти границу. Хочешь узнать, с чем я пришел, — слушай. Не хочешь — разреши, мы уйдем.

Широкоскулая рябая маска ухмыльнулась, в черной бороде ослепительно блеснули зубы. Гейдар-ага умиротворяюще поднял открытую ладонь.

— Прости, старший брат. У меня нет гешеу, я сам должен вести эти разговоры. Ты сделал, как я просил, привел с собой сына, я верю тебе. Но ты слышал, как было под Шушей? Не сердись, скажи, кто тебя послал?

— Я говорил с Мурсал-киши, он дружит с англичанами. Они хотят тебе помочь.

— А что ждет Мурсал-киши? Зачем я ему?

— Он много знает о тебе. Знает, что ты хочешь собрать все лесные отряды, поднять знамя газавата. Мурсал-киши сказал так: если Гейдар-ага сможет договориться с Саттар-ханом, с Али Ниязом, мы дадим ему много оружия. Скажешь «да» — я тебе укажу, где находится оружейный склад.

— О каком складе говорит старший брат? — Гейдар-ага поднял клочковатые, цвета полыни брови.

— Носить оружие через границу тяжело и опасно. Когда англичане были здесь, они оставили склад на десять таких отрядов, как твой. Мне точно объяснили, где он, я проверил, все на месте. У железной дороги, где станция Ганджа. Они думают так: будет у тебя оружие — сможешь собрать другие отряды, начнешь большую войну.

— Что в этом складе? — Гейдар-ага подался вперед. Новость ошеломила его, и сохранять равнодушный вид не хватило сил.

— Пулеметы, винтовки, маузеры, гранаты. Патроны тоже, конечно. Мне называли чего сколько, прости, не запомнил, только много.

«Не запомнил?» — Гейдар-ага снова насторожился.

— А как с Мусой? Он перешел границу? И где сейчас? — Вопрос был задан неожиданно.

Но за годы занятий контрабандой старому Гасану не раз приходилось оказываться перед всякими неожиданностями, и он привык не теряться.

— Я думаю, где-нибудь в Ленкорани, — насмешливо улыбаясь, отвечал он. — Мурсал-киши хотел к тебе Мусу прислать. Тот деньги взял, границу перешел, но исчез куда-то.

Гейдар-ага ухмыльнулся.

— Муса неглупый человек, зачем ему в Закаталы идти? Здесь каждый милиционер его знает. Наверно, спрятался... — успокаиваясь, произнес атаман. — Хорошо, скажи теперь, ты склад покажешь, что потом?

— Потом в Баку мне надо ехать. Найти человека одного, сказать ему, как ты решил. Этот человек с Мурсал-киши связь имеет. По телеграфу, только без проволоки который. Ему все расскажу, к себе в Пойлу поеду. Если что надо за границей — пришли ко мне своего человека, я провозжу.

— Да благословит тебя аллах за эту новость! — торжественно произнес Гейдар-ага, поднимаясь. — В Баку с тобой будут мои люди. А сейчас... Ты можешь ехать сразу?

— Для этого я шеп сюда, Гейдар-ага. — Расулов тоже встал, лихорадочно соображая, можно ли задать вопрос, почему Гейдар-ага согласился встретиться с ним лишь в том случае, если Гасан придет на свидание вместе с сыном, или лучше от этого воздержаться. Но Гейдар-ага сам развеял эти сомнения.

— Оставишь сына здесь. Поедешь с Новруз-беком. Покажешь место, склад.

— Сына? — Расулов оскорбленно вскинул голову. — Ты мне не доверяешь? Не будет склада, ничего не покажу!

— Слушай, я говорю, почтенный Гасан, — Гейдар-ага подался вперед, свел глаза в узкие щелки. — Пусть моя осторожность не обидит тебя. Но два раза не надо, чтоб я говорил. Или будет, как я хочу, или будет нехорошо. Керим! — Длиннорукий, откинув ствол винтовки занавеску, двинулся в комнату. — Позови Новруз-бека!

— Да, Гейдар-ага.

Новруз-бек вошел, поддерживая рукой у шеи спадавшую бурку.

— Поедешь с нашим братом, куда он покажет, — обратился к нему главарь, не отрывая своих прищуренных глаз от Гасана. — Хорошо запомнишь место. Привезешь мне со склада гранаты и маузер. Скажешь нашему брату спасибо. Где меня потом найти, сам знаешь. Поедешь сейчас.

— Наконец-то аллах вспомнил о нас! — Глаза Новруз-бека радостно заблестели. — Будь покоен, Гейдар-ага, все сделаю как надо. — И повернувшись к Расулову: — Пойдем. Коня для тебя хозяин даст.

— Но потом ты отпустишь сына? — В голосе старого Гасана звучало неподдельное волнение.

— Потом... Потом, конечно, отпущу. Разве мусульманин платит злом за добро? — свистящим шепотом произнес Гейдар-ага.

ГЛАВА XI. ГОНКИ С ПРЕПЯТСТВИЯМИ

Вечером того самого дня, когда Гейдар-ага встретился со старым Гасаном, в кабинете Николая Семеновича резко, требовательно затрещал телефон. Гордеев, уже третьи сутки не выходивший из управления, схватил трубку.

— Докладывает Киреев. Гусейнов только что пришел на квартиру к Юдину. Продолжаю работу.

Прижав кнопку звонка, Николай Семенович не отпускал ее до тех пор, пока в комнату не влетел секретарь.

— Хентова ко мне!

Через несколько минут появился Хентов, носатый, похожий на грача брюнет в мятой гимнастерке. Плохо затянутый командирский ремень скособочился под тяжестью крупнокалиберного кольта, голенища были слишком просторны. Вид у него был непрезентабелен, но Хентов никогда не был в управлении мишенью для насмешек, так как специалистом он был великолепным. «Такой выйдет в эфир на спичечном коробке да на паре женских шпилек», — говорили о нем радисты. За виртуозное мастерство Хентову прощалась и внешняя расхлябанность, и полное отсутствие чувства юмора.

— Как у тебя? — Гордеев не скрывал своего беспокойства. Хентов пожал плечами.

— Люди дежурят в должном радиусе, — негромко, чуть картавя, отвечал он, — заработает рация, сразу засечем.

— Ты адрес-то, часом, не перепутал?

— Зачем? — Хентов опять пожал плечами. — И сейчас хорошо помню. Третий Нижнеприютский, четырнадцать. Разрешите идти?

— Да, да, пожалуйста. И скажите там, чтобы Волкова ко мне прислали.

Хентов вышел. Анатолий Максимович появился почти тотчас же, видимо, ждал вызова. Сегодня он был в штатском, накладные плечи просторного пиджака подчеркивали громоздкость его корпуса.

— Так точно, — Волков привычно вытянулся. — Киреев, Бероев, Онищенко, Горчакова.

— Не простит тебе Юсуф, что девушку на такую операцию берешь, — одними губами скупно улыбнулся Гордеев. — Да ты садись давай. Все равно мне первому сообщать.

— Что вы, Николай Семенович, — опускаясь в кресло, отвечал Волков. — Юсуф гордиться будет. Горчакова в адресном неплохо себя показала, здесь посерьезнее дело будет. Хотя для нее опасности нет, дальше хозяйки ходить ей незачем.

— Слушай, — несколько смущенно начал Гордеев, — а как вообще у них. Ну... с Горчаковой? Ты не думай, Максимыч, я не потому спрашиваю, Юсуфу, как сыну, верю; просто хочется, чтоб у ребят было по-настоящему хорошо, а поговорить — спугнешь еще, обидишь...

— Смешные они, — Волков улыбочиво прикрыл тяжелыми веками выпуклый фарфор белков. — Друг от друга прячутся, таятся, а со стороны — оба как на ладони. Смотреть на них и завидно и смешно.

Оба замолчали. Большие кабинетные часы — гордость начальника управленческой хозяйственной части, недавно появившиеся в комнатах второго этажа, пощелкивали словно все чаще и чаще. Казалось, что стук маятника с ощутимой быстротой набирает темп, силу.

— Точно до чего так сидеть, — не выдержал Анатолий Максимович.

— Куда уж, — начальник кивнул. — Только ему сейчас того тошнее. Как думаешь, возьмем без стрельбы?

— Кто-о их знает, — уклончиво протянул Волков. — Мужики вроде тертые. Постараемся.

Вдруг распахнулась дверь, и Хентов, еще более растрепанный, чем полчаса назад, появился на пороге.

— Работает рация, товарищ... Николаи Семенович. Она самая, ошибки нет. В Нижнеприютском.

— Ну, хоп, — по вынесенной еще из Средней Азии привычке бормотнул про себя Волков и, встав, одернул топорщившуюся над левым бедром полу пиджака. — Я спускаюсь, Николай Семенович?

— Да, выходите. Сейчас доложу, и поедем, — кивнул Гордеев, поднимая грубку.

...Потные, тяжело дышавшие Юдин и Гусейнов возились у печки, старательно заделывая опустошенный тайник. Рация, упакованная в вещевой мешок, стояла у двери, агент номер 015 заметал следы.

Каменщики и Юдин и Гусейнов, прямо сказать, были никудышные. Когда работа, наконец, была завершена, пол оказался залепанным раствором, у самой печи образовалась настоящая лужа, вещи покрылись налетом красной кирпичной пыли. Перед уборкой присели отдохнуть, закурили.

— Аркадий Иванович, — Гусейнов с отвращением оглядел неприбранную комнату, — и не зря мы все это затеяли?

— Нельзя долго работать на рации из одного места, — Юдин взъерошил свои редеющие волосы, потянулся, отхлебнул из стоявшей на столе початой бутылки. Почему-то неотвязно лезли в голову стереотипные слова в шифровках: «Да хранит вас бог. Уильям».

Гусейнов потянул к себе лежавшие на столе нарды и открыл их.

— А я думал, что мы успеем сыграть сегодня партию, — сказал он и, вынув из ящика обломанную половинку нардовской шашки, спросил: — Что ты не заменишь целой эту гадость? Сколько времени она валяется здесь.

— Оставь, пожалуйста, — сердито буркнул Юдин и, выхватив из рук Гусейнова обломок, сунул его в карман.

Послышался робкий, хорошо знакомый обоим стук тети Даши в дверь. Юдин быстро встал, надел пиджак, сунул правую руку в наружный карман. Под натянутой материей ясно обозначилось револьверное дуло, шагнул к двери, прислушался, открыл. Старушка поманила его в коридор.

Беспокойство хозяина начало, видно, передаваться и гостю. Поднявшись, Эюб подошел к окну, попробовал, крепко ли сидят в гнездах шпингалеты, поколебавшись, выдернул их, вернулся на свое место. Через минуту вошел и 015.

— Что там? — спросил его Эюб.

— Чертовщина какая-то. Нашу старуху срочно вызывают к племяннице. Есть у нее такая. Подружка пришла, говорит — та внезапно заболела. Не нравится это мне.

— Разве племянница не может болеть? Аркадий Иванович, клянусь своей головой, ты стал похож на человека, который боится своей тени. Нельзя так, слушай...

Юдин тяжелой походкой подошел к столу, взялся было за бутылку, потом отставил.

— Чувствую я, что наша проверка в адресном плохо обернется. Оттого и тороплюсь с переносом рации.

— Оставь, Аркадий Иванович. Ты же не тетя Даша, чтобы верить в черных кошек, тринадцатое число и прочую чепуху... Хотя я понимаю, что лучше быть пять минут трусом, чем всю жизнь покойником, но сейчас, думаю, зря расстраиваешься. Скажи лучше, что дальше делать?

— Там, под шторой, провод натянут. Сними-ка его, брат.

Легкой, пружинистой походкой Гусейнов пересек комнату и оказался у окна в тот самый момент, когда с треском распахнулась дверь и в комнату шагнули двое с оружием.

— Стоять! Не дви...

Выключатель был у окна, и реакция Гусейнова оказалась мгновенной. Ударив рукой по кнопке, он выключил свет, стремительно распахнул окно и выпрыгнул наружу. Волков, стелющимся вратарским прыжком метнулся к дивану. Глухо, словно за стеной, стукнул выстрел. Под окном послышался сдавленный вскрик, и все стихло.

Через секунду свет вспыхнул опять. Гордеев стоял у окна, наган вплотную прижат к бедру, средний палец на собачке, указательный вытянут вдоль ствола, левая рука на выключателе. Но только что прозвучавший единственный выстрел был направлен не в Волкова. Анатолий Максимович стоял у дивана, поддерживая обвисшее тело Юдина. Волков, нахмурясь, опустил Аркадия Ивановича. Нагнулся, взялся за пульс.

— Вызвать «Скорую»? — спросил кто-то из сотрудников...

— Не надо, — покачал головой Анатолий Максимович. — Не захотел платить. Стрелял прямо в сердце.

— Все равно врач нужен. Акт составит. Вызывайте, — распорядился Гордеев. И, сдвинув штору, спросил у подошедшего к окну сотрудника: — Что там у вас?

— Похоже, ушел, — оба, и Киреев и Онищенко, старались не глядеть на начальника.

— С чем вас и поздравляю. Идите помогите при обыске, — распорядился Гордеев. Жестом предложив Волкову и Кирееву следовать за собой, Николай Семенович почти сбежал с веранды.

Волков, сняв с кровати покрывало, прикрыл им труп и вышел вслед за Гордеевым.

— Унес с собой всю агентуру. Теперь придется повозиться... — ни к кому не обращаясь, пробормотал он.

— Слушай, Максимыч, — быстро, будто диктуя стенографистке, заговорил Гордеев. — Бери Киреева. В машину — и к Гусейнову домой. Не медли. Ему из Баку выбраться надо, а одет неудачно. рубашка пижонская, редкой расцветки, не дурак, обязательно сменит. Да и денег с собой может не быть. Я сейчас в управление, порт перекроем, на шоссе посты выставим, организуем в городе розыски. А ты, если дома не застанешь, давай по линии железной дороги. У него сейчас два пути. Хорошо, если к границе. А вдруг к Гейдар-аге? Перехватить его надо, во что бы то ни стало. Иначе... — Он не договорил.

...Громоздкий «бенц», рывком взяв с места, понесся в сторону Тазапирской улицы, на которой жил Гусейнов.

— Как же у тебя получилось, Павлуша? Ты ж под окном стоял, — отрывисто проговорил Волков.

— Дьявол его знает... — Киреев закурил, стараясь быть спокойным. — Он выскочил прямо на Онищенко. Тот упал, я думал — убит, я к нему... Ну и промедлил. Всего-то доля секунды, а тот уже в кусты и к пролому. Бероев у другого окна стоял, с него не спрос.

— Ловок, бестия. Между пальцев ускользнул. Если мы с тобой его не найдем, будет плохо, — Волков замолчал и, взявшись рукой за спинку сиденья, всем корпусом подался вперед, словно пытаясь ускорить этим бег машины.

Масьма Гусейнова была искренне удивлена, что Эюба в такую позднюю пору разыскивают друзья. Киреев, отлично говоривший по-азербайджански, минут десять беседовал с заспанной бабкой, убедился, что спрятаться в квартире невозможно, и быстро спустился к машине.

— Прежде чем на вокзал, давай еще один адрес проверим, — предложил он Волкову. — Старуха говорит, что Эюб

дядю часто навещает. Мовсумов Дадаш, в торговле работает. Если действительно из дому без денег вышел...

— Давай на Завокзальную, Сережа, — Волков за эти дни успел запомнить всех родственников и знакомых Гусейнова.

Дадаш Мовсумов был заметно смущен визитом, но утверждал, что не видел Эюба уже больше месяца. Однако в доме, несмотря на поздний час, никто не спал, похоже было, что хозяева чем-то напуганы. В углу комнаты стоял наспех прикрытый незастегнутый чемодан.

— Ну вот что, — Анатолий Максимович решил не терять времени. — Ближе к делу. Я знаю: Гусейнов только что был здесь. Говорите, куда поехал?

В этот момент Киреев на всякий случай запустил руку за диван, пошарил там и извлек знакомую обоим яркую рубашку Эюба. Это выдало Мовсумова с головой. Разом ослабев, он опустился на стул.

— Воды хлебните, — сверкнул на него глазами Анатолий Максимович. — И рассказывайте. Быстро.

Уходя от преследования, Эюб Гусейнов успел сочинить историю, которая была встречена с сочувствием в доме Мовсумова. Бухгалтер рассказал, что на днях был арестован за растрату его коллега Юдин, до этого поссорившийся с Эюбом, и теперь Гусейнов опасается оговора. Дядя, видимо, достаточно хорошо знал, что подобное не совсем невозможно. Во всяком случае, он дал Эюбу пятьсот рублей, другую рубашку, пиджак, кепку и подсказал довольно безопасный маршрут.

— Здесь рядом узкоколейка. Я сказал: езжай в Бинагады, а там, в поселке, на ученический поезд пересядешь, до Баладжар доберешься. Оттуда хочешь на пассажирском, хочешь — на товарном уехать можно.

— А он не в Закаталы собрался? — равнодушным голосом спросил Волков.

— Он сказал, что в сторону Тифлиса поедет. Правда или нет, не знаю, — развел руками Мовсумов.

Когда Волков и Киреев приехали на станцию узкоколейки, выяснилось, что поезд уже давно ушел. Гусейнова на станции не было.

— Куда теперь? В Бинагады? — Сергей, шофер оперативной машины, уже сориентировался в коротких репликах, которыми перебрасывались его пассажиры.

— Не стоит. Гони прямо в Баладжары. К ученическому тоже опоздать можем, а так время выиграем, — решительно сказал Волков.

Киреев засомневался.

— Анатолий Максимович, может, он тоже на ученический не успеет?

— Ну на следующем выедет. Если решил уходить по железной дороге, Баладжар ему не миновать. Давай, Сережа, давай, дорогой...

Шофер нажал на акселератор.

В «краю нефти», Азербайджане, асфальт появился раньше, чем во многих других республиках страны, а поздним вечером в те годы водителей резко ослепляли фары встречных ма-

шин. Вспарывая темноту узким лучом бокового прожектора, скрипя покрышками на поворотах, «бенц» рвался вперед, словно гончая, взявшая свежий след. Но Волкову казалось, что тянутся они немного быстрее крестьянской арбы.

За свои без малого сорок лет Анатолий Максимович повидал немало такого, о чем лучше бы никогда и не знать, что не могло, конечно, не сказаться на его характере. Был он трезв умом, рассудителен, когда было необходимо — шагал вперед первым, но без надобности рисковать не любил. Добродушный по натуре, как все очень сильные люди, он был искренне привязан к Юсуфу. И мысль о том, что жизнь Мехтиева, может быть, зависит сейчас от того, успеют ли они перехватить бежавшего Гусейнова, заслоняла для него все.

Волков не думал о том, сколько труда придется затратить, чтобы выявить оставшуюся после Юдина агентуру. И о том, что через какие-то считанные часы он, уж он-то обязательно, пойдет на захват Гейдар-аги, которого во что бы то ни стало надо взять живым.

На последнем совещании в управлении решался вопрос о том, кто пойдет под видом сына Расулова к Гейдар-аге. Мехтиева Гордеев еще ни разу не выпускал в одиночку на связанные с непосредственным риском задания, не без оснований полагая, что тот еще молод, не слишком опытен.

Но в этот раз Юсуф сумел доказать Николаю Семеновичу, что именно он, Мехтиев, незадолго до этого дважды побывавший в доме Расуловых, лично знакомый с сыном старого Гасана Касумом, лучше кого-либо другого сможет его подменить.

...Мотор отказал неожиданно, сразу, когда до станции оставалось лишь около двух километров. Водитель, в прошлом флотский моторист, выругался, кинулся открывать капот. Волков, не говоря ни слова, отбросил дверцу и выпрыгнул на шоссе.

— За мной, Павлуша, бегом! — хрипло бросил он в темноту и надолго замолк, сберегая дыхание.

Сухопарый, легкий на ногу Киреев на первых ста метрах обошел было Волкова, давно уже не бегавшего кроссы, потом начал сдавать. Мерным размашистым шагом, сильно работая руками, Анатолий Максимович уходил все вперед и вперед, словно не ощущая тяжести своего огромного тела.

— Максимыч... Убавь, дорогой... Не могу... — задохнувшись и перейдя на шаг, с трудом выкрикнул в темноту Киреев. Темнота отозвалась одним лишь словом: «Юсуф!» И Павел вновь побежал, шатаясь от изнеможения, жадно хватая воздух, чувствуя, что сердце колотится где-то в ушах и вот-вот выпрыгнет.

На станцию они успели вовремя.

ГЛАВА XII. ИСПЫТАНИЯ ЮСУФА

Юсуф лежал на свеженарезанных ветках орешника, застеленных толстой, остро воняющей лошадиным потом попоной, с головой завернувшись в брезентовый плащ. Он сдерживал волнение, пытался успокоиться, заснуть, войти «в норму». Пытался

и не мог. Мешал Керим, лежавший рядом, неслышный, как зверь, и такой же опасный.

С позапрошлого вечера, когда старый Гасан и Новруз-бек отправились к Гандже для проверки склада, Керим был представлен к Юсуфу в качестве караульного, хотя старательно пытался представить себя телохранителем, вел себя вполне доброжелательно, старался, чтобы «гость» ни в чем не знал нужды. Но это радушие не могло бы обмануть и младенца. Слишком неотступно следовал Керим за каждым шагом мнимого Касума, слишком зорко следил за ним, когда Гейдар-ага, неожиданно для всех, велел «Расулову-младшему» вычистить свой маузер.

Внешне это выглядело, как знак большого доверия. К оружию атамана могли прикасаться только абсолютно надежные руки. Но «Касум» вовремя и верно понял, что его проверяют, и начал разбирать пистолет с видом самонадеянным, восхищенно-завистливым, но столь неумело, что Керим вынужден был вмешаться.

Час спустя хозяин, суетливый, озабоченный, отыскал юношу и заявил, что вдруг, от чего — неизвестно, захромала одна из его лошадей. «Не может ли уважаемый Касум, он, кажется, занимается коновальством, посмотреть, что случилось с Серой?»

На этот раз «Касум» испугался по-настоящему. Ухаживать за лошадьми он, разумеется, умел. Но лечить? Однако отступать было некуда.

Мехтиев согласился и на этот раз.

— Я помогу. Если захочет аллах. Вели сыну провести лошадь перед верандой, — уверенно распорядился он, словно не допуская мысли, что его могут и не послушаться.

«Касум» подошел, ласково погладил лошадь, прощупал переднюю лопатку.

— Покажи копыто! — неожиданно резко бросил он угрюмо молчавшему сыну хозяина. Тот повиновался.

Среди стертых почти до блеска шляпок давно вбитых гвоздей одна отчетливо выделялась. Явно свежая, немного скособоченная.

Презрительно хмыкнув, «Касум» ткнул в нее пальцем.

— Если в Закаталах все так куют лошадей, пусть лучше ездят на ишаках, — бросил Юсуф хозяину и с равнодушным лицом отошел в сторону, показывая, что здесь разговаривать больше не о чем.

Потом наступила передышка. То ли Гейдар-ага исчерпал на время свою изобретательность, то ли решил, что стоит дать гостю успокоиться, расслабиться, забыть о том, что ему не доверяют, но, во всяком случае, весь остаток дня на «Касума» вроде даже не обращали внимания.

Мехтиев поспал, потом помог одному из сыновей хозяина привести в порядок осыпавшийся тандыр — яму, заменявшую в деревнях печь для выпечки хлеба, довольно долго, с непростительным удовольствием рубил привезенный из лесу хворост. Жизнь на лесном кордоне шла своим чередом, а для «Касума» самым важным было ничем не выдать своей настороженности.

И, в общем-то, на первых порах это ему удавалось относительно даже легко — ведь он заранее подготовил себя к такой роли, услышав о том, что Гейдар-ага непременно условием ставит приход Гасана не одного, а вместе с сыном. Еще в Баку было ясно, что какое-то время ему, видимо, придется провести среди шайки в качестве заложника. Однако на первых порах опасность была не столь уж и велика, — в отличие от Гейдар-аги Мехтиев точно знал, что любая предварительная проверка склада пройдет для участников банды вполне благополучно.

И потому, в паре с Керимом орудуя на заднем дворе у кучи нарубленного хвороста, неприметно, но памятно присматривался к тому, где и как размещались караульные. Он не волновался и, закончив работу, даже предложил Кериму сыграть партию-другую в нарды.

Азартный, как большинство уголовников, тот согласился с большой охотой. У хозяина нашлась старинная доска с выжженным по крышке персидским орнаментом.

Они расположились здесь же, на бревне, где рубили хворост, расставили на доске шашки, и Керим первый бросил кости.

— Шешу-беш! (Шесть и пять!) — лишь успел воскликнуть он; из-за угла дома показался Гейдар-ага при всем снаряжении.

— Седлать коней! Мы уезжаем, — хрипло, как тогда, на площади в Агри, сказал-выдохнул он. И, поправляя перекрутившийся ружейный погон, добавил, обращаясь уже к Юсуфу: — Ты поедешь с нами.

— Хорошо, Гейдар-ага, — отвечал Юсуф, поднимаясь. — Далеко ехать будем?

— Там увидишь, — и, круто повернувшись, Гейдар-ага направился к веранде, куда уже подводили его жеребца.

Мехтиев спокойно зашагал за ним.

Ехали долго, часа три-четыре. Несколько раз меняли направление. Гейдар-ага с племянником агрийского кулака Сеид-Аббаса двигались во главе, один из сыновей хозяина кордона замыкал маленькую колонну. Мехтиев оказался между Керимом и еще одним бандитом из свиты Гейдар-аги.

Отличный карабах, на котором ехал Керим, никак не мог примириться с тем, что хозяин заставляет его держаться позади колченогого мерина Юсуфа, зло всхрапывал и норовил оттолкнуть того грудью, вырваться вперед. В эти моменты растегнутая кобура керимовского нагана оказывалась почти вплотную к руке Мехтиева.

И наверное, с самого начала службы Юсуфа в органах еще ни одно задание не требовало от него больших усилий, чем та личина, которую он надел, выезжая с кордона, и должен был сохранить до самого привала.

От ненависти мутилось в глазах. Левая рука, временами касавшаяся чужого оружия, каменела от напряжения. Но Юсуф продолжал погонять своего заморенного коня, не забывая посматривать по сторонам.

На привал остановились в лоштинке, у разбитого молнией старого широколистного граба. Сын лесника с Гейдар-агой отъехали в сторону, но вскоре вернулись. Через седло у парня

был перекинут тугой, испачканный свежей землей мешок. Он попрощался, гикнул и, нахлестывая лошадь, исчез, растворился в сумерках, раньше обычного сгустившихся на затененной вершинами гор лесной тропинке. «Расплачивается за по-

стой, — подумал Юсуф. — Ну погоди! Мы тебе за все заплатим. Другой монетой». Мехтиев спрыгнул на землю, ослабил подпругу, нарвал пук пахучего папоротника и начал старательно протирать взмокшую спину своего коня.

Привал оказался продолжительным, хотя огня и не разводил

ли. Всухомятку, но сытно подкрепились сами, накормили коней. Юсуф полагал, что они сейчас же двинутся дальше, но Гейдар-ага не торопился.

Скрестив ноги, он сидел под деревом на толстой кошке, положив на колени винтовку, и время от времени поглядывал на свои старинные, с толстой серебряной крышкой часы. Когда совсем уже стемнело, атаман подозвал Юсуфа и завел с ним разговор о разных способах ловли диких уток.

В этой области Мехтиев чувствовал себя достаточно уверенно — вместе с Касумом они ходили на озеро, где местные охотники вручную, даже без силков, ловили жирных глупых птиц на местах их жировки.

Там, куда утки слетались подкормиться перед осенним перелетом, жители Пойлы постоянно выбрасывали в воду высушенные тыквы. А потом, по плечи войдя в воду и накрыв голову выдолбленным тыквенным «шлемом», подбирались к стае вплотную и, поймав птицу за лапы, просто-напросто утаскивали ее под воду, топили.

Бывали ловкачи, которые успевали привязать к поясу трех-четырёх откормленных крякух, прежде чем сая снималась с места. Когда Юсуфу рассказали об этом, он не поверил. Но во второй его приезд младший Расулов постарался выкроить время для такой охоты, за что теперь Мехтиев был ему очень благодарен — ведь этот разговор тоже был испытанием.

Гейдар-ага слушал юношу внимательно, даже с интересом, и разговор, наверно, мог бы затянуться, если бы где-то совсем рядом не раздался осторожный, негромкий свист.

Не меняя позы, Гейдар-ага вложил в рот согнутый углом палец, подал ответный сигнал. Минуту спустя на темном фоне деревьев обозначился силуэт серой лошади и четкий светлый прямоугольник уже знакомой Юсуфу белой бурки Новрузбека.

— Салам алейкум, Гейдар-ага. Мир и вам, люди, — чуть надтреснутый тенорок старого бандита звучал устало, но оживленно. — Какая была дорога? Все ли здоровы?

— Алейкум салам. Ты привез? — Гейдар-ага, не задавая предписываемых этикетом вежливых вопросов, сразу приступил к делу. «А-а, нервничаешь, бандюга», — подумал Мехтиев и, поднявшись, отошел в сторону. Содержание беседы было ему известно заранее, а лишний раз проявить воспитанность не мешало.

— Подожди здесь! — окликнул его главарь. Юсуф послушно остановился.

— Обратно ехал спокойно? — спросил Гейдар-ага, обращаясь к Новрузбеку.

— Как на своих выпасах.

— Будем ночевать здесь?

— Зейтун может съездить за людьми. Ты хочешь забрать сразу все?

— А мы увезем? — Гейдар-ага говорил в полный голос, как будто бы никого рядом не было. «Почему они перестали меня опасаться? — подумал Мехтиев. — Неужели заподозрили и ре-

шили кончать? Нет, не может быть». Он опустился на корточки, затих. Новруз-бек с нескрываемым удовольствием описывал атаману все, что видел на складе, перечислял ящики с винтовками, патронами, маузеры, пулеметы, гранаты.

— А если это не английский склад? — неожиданно перебил его Гейдар-ага.

— Посмотри. Я оторвал это от ящика, — спокойно ответил Новруз-бек.

Вспыхнувшая спичка осветила небольшую, покрытую пятнами смазки деревянную пластинку. На ней было что-то написано. Что — Юсуф не видел.

— Буквы нерусские. Такие, как на маузере, — пробормотал Гейдар-ага и, бросив догоревшую спичку, распрямился, будто поднятый пружиной. — Зейтун!

Мимо Мехтиева торопливо прокосолапил кривоногий бандит в кожаной куртке.

— Я здесь, Гейдар-ага.

— Поедешь в лагерь. Возьмешь Махмуда и десять человек, — Гейдар-ага чеканил короткие, точные фразы-приказания.

«А он прирожденный вожак, — подумал Мехтиев. — Решает на ходу. И умно решает. Тем важнее...» — Он оборвал себя, чтобы чего-нибудь не упустить. Но можно было не прислушиваться.

— В Калакенде возьмите две арбы. Махмуд знает у кого. Будете ждать нас на рассвете. На опушке у моста через Гянджинку. Знаешь?

— Ты сказал, я слышал, Гейдар-ага.

— Пусть аллах даст силы твоему коню, — напустуя и прощаясь, произнес Гейдар-ага. Он опустился на кошму и двойным ударом в ладоши подозвал Керима.

— Скажи людям, пусть разводят огонь. Ночевать будем здесь. Выедем до рассвета.

Теперь Юсуф понял, что задумал Гейдар-ага. Закатальский «барс» решил еще раз застраховаться, сохранить заложника до того момента, когда почувствует себя в полной безопасности. Что же делать? И прежде всего, как реагировать на это ему, «Касуму»? Притворяться, что ничего не понял? Но ведь Расулов в присутствии Гейдар-аги велел сыну лишь дожидаться возвращения Новруз-бека, не больше. Значит, уходить? Или хотя бы попытаться сделать это?

Почему главарь по-прежнему опасается какого-то подвоха, не желает показывать постороннему свою основную стоянку? Ведь безоружный юноша полностью в его руках. Вывод мог быть только один. Гейдар-ага провоцирует, создает условия, способные толкнуть на опрометчивый шаг. Как поступить?

Посланные Керимом люди рубили кинжалами сушняк для костра. Выждав немного, Юсуф встал и, кашлянув, чтобы обратить на себя внимание, приблизился к дереву, под которым расположились вожаки.

— Мне уходить, Гейдар-ага, или я еще должен остаться?

— Побудешь с нами, — коротко бросил главарь.

И вот теперь Юсуф лежал, завернувшись в свой плащ, всем телом, словно болванку, раскаленного металла, обжигающую на расстоянии, ощущая присутствие рядом настороженного, при-

тихшего Керима, и безудержно пытался отыскать какую-то спасительную лазейку.

Было страшно. Он вспомнил, как после ликвидации кулацкой шайки под Шушей вместе с другими чекистами хоронил останки двух работников районного отделения АзГПУ, незадолго до этого попавших в руки бандитов и зверски замученных.

Было трудно заставить себя приказом воли подчиниться, когда хотелось вскочить, отчаянно драться, бежать.

И все-таки он лежал неподвижно, равномерно и тихо посапывая, будто спокойно спящий человек, сильно уставший за день.

Гейдар-ага должен был поверить, что «Касум» — действительно Касум.

Поднялись часа за два до рассвета, когда за дырявым пологом уже по-осеннему поредевшей листвы смутно засерело. В закопченном котелке, стоявшем на потухающих угольях, бурлил кипяток. Самед — племянник Сеид-Аббаса — подогнал пасшихся коней. Группа тронулась.

Потом начало светать. Обрели объемность литые колонны стволов, окаймленные понизу бархатистой, кудрявой листвой подлеска. Заколебавшись, стали расплываться, таять легкие ключья запутавшегося между деревьями тумана. Наконец и птицы, каким-то своим, неведомым чутьем узнающие о наступлении восхода, даже если солнце скрыто еще за горами, щебечущим, чирикающим, высвистывающим хором возвестили о наступлении дня.

Уже третий день они ехали легкой рысцой, временами переходя на шаг. Юсуф искренне был увлечен сумрачной прелестью не знающего топора леса. Он вбирал в себя звуки, запахи, краски этого, быть может, последнего в его жизни утра.

Все реже становились деревья, все просторней поляны. Впереди поднялась гряда невысоких, щетинящихся кустами утесов. Теперь Юсуф узнавал эти места. До железной дороги отсюда было километров пятнадцать. Видимо, Гейдар-ага не рассчитал время — к мосту через Гянджинку им не добраться и через три часа.

Выветренные, тесно сомкнутые скалы перегородили долину. Постепенно снижаясь, они тянулись далеко на юго-запад, а на севере вплотную подступали к отрогам хребта. Чтобы обогнуть этот естественный барьер, уже давно надо бы сворачивать, но, к удивлению Юсуфа, группа продолжала двигаться прямо к утесам. Гейдар-ага, очевидно, знал здесь какой-то тайный проход.

И проход действительно открылся. Узкий, плотно занавешенный спутанными ветвями орешника, карабкающегося по скалам барбариса, дикой ежевики, проход был так скрыт, что даже заподозрить о его существовании, не подъехав совсем вплотную, было совершенно невозможно.

Юсуф решил, что сейчас они спешатся. Но Гейдар-ага, стиснув коленями бока своего жеребца, первый заставил его броситься грудью на колышущийся зеленый занавес и исчез. За ним последовали остальные кони бандитов, видимо, привыкшие к этой дороге.

Лишь пегий мерин Юсуфа оказался непригодным для подоб-

ных аттракционов, и Керим, схватив его за повод, буквально протащил седока с его конем через проход.

Мехтиев огляделся. Сразу же за кустами расщелина раздвинулась, по ее ровному, проточенному водой дну можно было ехать одвуконь до самого поворота.

Юсуф и Керим ехали по-прежнему рядом. Перед Юсуфом двигался обросший, небритый парень на молодой, пугливой лошадке с простреленным ухом. Остальные скрылись уже за поворотом, когда сверху послышался пугающий треск. Оба разом вскинули головы. Старая, видно, давно уже подгнившая сосна с раздвоенной вершиной падала прямо на них, все ускоряя свое стремительно-плавное движение.

Юсуф видел, как выворачиваются из мелкого земляного кармана трухлявые обрывки корней. Слышал резкий, словно от взмаха бичом, свист воздуха, рассекаемого упруго хлестнувшими ветвями. И сам, своим телом, ощутил тяжесть Керима, когда, оглушенный ударом, тот опрокинулся на шею его пегаша.

За доли секунды до этого кобыла небритого бандита, прынув с места, вынесла хозяина из-под удара и шарахнулась за угол, ничего не видя перед собой. Оттуда доносились гневные крики, суматошный топот копыт, тревожное ржание. Рухнувшая вершина, чудом не задев Юсуфа, надежным завалом перекрыла проход. Потерявший сознание Керим, цепляясь стволом перекинутого за спину карабина за ветви, медленно сползал с дрожащей шеи коня, сползал и никак не мог упасть.

«Лошади понесли, сразу не справятся. Вот он, выход, — мелькнула обжигающая мгновенной радостью мысль. — Винтовка и наган, тринадцать пуль. — Их четверо, и конный здесь не пройдет. О-хей, Юсуф, рано еще умирать!»

Керим, завалившийся на сторону, бессильно уронивший вперед руки, будто ныряя, свалился, наконец, на каменистое ложе ручья. И одновременно с мягким звуком падения его тела в сознании зазвучал размеренный, четкий голос Гордеева: «Физическая ликвидация Гейдар-аги — не выход. Он связан со всеми бандами, он слишком много знает. Во что бы то ни стало его надо взять живым».

И, понимая, что больше такого шанса не представится, готовый закричать от бессильной ярости и жалости к самому себе, Юсуф прыгнул с коня и, подхватив словно бескостное тело бандита, стал оттаскивать его в сторону.

Это и увидели Зейтун и Новруз-бек, потом и Гейдар-ага, когда, справившись с лошадьми, осторожно, с оружием наготове, они вышли из-за каменного откоса.

— Молодец, Касум. Настоящий джигит. Товарища не бросил. — Всегда хмурое рябое лицо главаря расплылось в белозубой ухмылке. Гейдар-ага поверил. Поверил до конца.

...На опушке леса к груде старинного, ручной выделки кирпича, валяющегося здесь с незапамятных времен, подъехали четверо. Чуть поодаль остановились две крестьянские арбы, окруженные десятком вооруженных всадников. Откуда-то издалека донесся мирный шум проходящего поезда.

— Похоже на могилу святого человека, — задумчиво произнес вожак, внимательно рассматривая развалины старинной постройки.

— Не, Гейдар-ага, — возразил Новруз-бек. — Тут когда-то была водокачка, а потом дорогу железную перенесли в сторону.

— Аллах знает, что делает, — негромко пробормотал Гейдар-ага и махнул плетью, подзывая к себе бандита в кожаной куртке. — Давай фонари, Зейтун.

У правого края груды кирпичей валялась ржавая консервная банка от любимых Волковым бычков в томате. Это был заранее обусловленный сигнал: «Приближение бандитов видели, готовы к встрече».

Гейдар-ага, Новруз-бек и Юсуф спешили.

Втроем отвалили покрытую толстым слоем земли крышку люка. Из открывшегося провала пахло сыростью, прелью и чуть-чуть ружейным маслом.

— Идем со мной. Я подарю тебе настоящий маузер. — Похлопав по плечу Юсуфа, Гейдар-ага первым ступил на застланные уже сгнившими досками земляные ступени.

Спускаясь вслед за ним, Мехтиев обернулся. Местность была по-прежнему пустынна.

ЭПИЛОГ

Многие пожилые люди не любят шумных больших городов. Под старость человек начинает тянуться к земле.

Вот и этот старик, сухой, легкий в движениях, с густой волнистой, снежно-седой шевелюрой, уже давно живет за городом. Он вышел на пенсию рано, ему не было и шестидесяти. Но не всякая работа одинаково изнашивает сердце.

Врачи говорили, что после инфаркта обязателен строгий режим, покой, разумная физическая нагрузка. Но хотя за долгие годы службы старик привык безропотно выполнять все распоряжения по-армейски строгой санчасти, в этот раз он позволил себе отмахнуться от медиков.

Юсуф-муэллим *, так его называют в поселке, встает с рассветом. Натягивает легкие брюки, полотняную гимнастерку с большими накладными карманами, туго подпоясывает широкий командирский ремень. Часов до одиннадцати он трудится в саду — окапывает, подрезает, поливает, опрыскивает.

Сухая почва требует ухода, а виноградные лозы капризны и требовательны.

Старик спокоен. Дом построен, сын давно работает, и теперь осталось лишь вырастить два дерева там, где росло одно.

Его жена чем-то внешне напоминает своего мужа, такая же легкая, не по возрасту стройная, быстрая в движениях, снежно-седая. Она очень общительна, может быть, потому, что последние годы директорствовала в школе и немного скучает в этом тихом, заселенном в основном стариками поселке.

Тридцать пять лет назад после долгих бессонных ночей, проведенных в госпитале у койки тяжело раненного Юсуфа, она

* М у э л л и м — учитель (азерб.).

поняла, что ее жизнь принадлежит только этому человеку, с тех пор ничто их не разлучало.

Сын обычно приезжает по воскресеньям, но случается, что исчезает надолго, такая уж у него работа. Его называли Анатолием — в честь друга отца, Волкова, погибшего в тот памятный день. Гейдар-ага дорого отдавал свою жизнь, отбивался отчаянно, едва не взорвал склад, отстреливаясь возле ящика с гранатами. Его обезоружил Фархад, агрийский комсомолец, избравший для себя профессию чекиста и сумевший отомстить бандиту за гибель своих односельчан. Обезоружил, когда Юсуф, получивший две пули в упор — в грудь и в голову, почти бездыханным лежал на полу подземелья.

Соседи знают, что перед дождями Юсуф-муэллим не может работать в саду — его мучают жестокие головные боли, — и обычно приходят помочь, хотя никто не задумывается над тем, где и как хозяин маленького садика потерял свое здоровье.

Из всего поселка о прошлом Юсуфа Самедовича догадываются лишь девушки — телефонистки с местной почты. Иногда, очень редко, когда Анатолий долго не приезжает к родителям, отец идет на переговорный, заказывает Баку и звонит одному из своих старых товарищей, нынешнему начальнику сына.

Для посторонних разговор их ничего не значит, обычный обмен новостями между немолодыми людьми, один из которых живет в городе, а другой в поселке. Все, что можно, передается интонациями, паузами, недомолвками. И имя Анатолия в этом разговоре даже не упоминается. Но девушки-телефонистки знают, что соединяют Юсуфа-муэллима с его другом, работающим в республиканском КГБ. И стараются дать ему разговор как можно скорее.

СЕМЬ ПЯДЕЙ

*Фантастическая история Вити Сайкина,
десятиклассника*

«После очередного опыта синтеза, поставленного в Шестой лаборатории 30 марта сего года, получен новый объем вещества; затем, обычным порядком, вещество подверглось воздействию биотоков 432 сотрудников лаборатории.

Эксперимент впервые принес ожидаемый результат. Как известно, две предыдущие модели отличались направленным математическим настроем и были лишены каких бы то ни было иных качеств; среди более ранних была модель, интересующаяся исключительно футболом, а также в свое время была получена модель, усвоившая лишь огромное количество текстов современных эстрадных песен. В отличие от всех предшествующих новая модель, как показали уже первые дни работы с ней, аккумулировала в себе громаднейший запас самых разнообразных знаний. Этот факт свидетельствует о том, что впервые получено вещество достаточно сложной организации и структуры, и должен быть расценен как огромный шаг вперед по сравнению со всеми предыдущими опытами синтеза...»

(Выдержка из отчета заведующего Шестой лабораторией П. П. Дырова. Отчет представлен в Ученый Совет института.)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Обложка футбольного календаря была ярко-зеленой; в центре обложки, словно в центре футбольного поля, художник изобразил большой черно-белый мяч...

Витя Сайкин, только что вынырнувший из метро, заметив обложку в витрине киоска «Союзпечати», замедлил шаг. Густая толпа, увлекавшая Витю по привокзальной площади

к конечной цели — платформам пригородных поездов, — увела его от киоска в сторону. Витя бросил взгляд на гигантских размеров циферблат, нависавший над площадью (всего несколько минут оставалось до отбытия клинской электрички, не хотелось на нее опаздывать), чуть-чуть поколебался, по инерции продолжая путь вместе с дачниками, туристами, рыбаками, но потом, не выдержав, все-таки резко повернул — хотя сезон давно начался, футбольный календарь еще не попался Вите ни разу.

Конечно, тут же кто-то толкнул Витю в плечо, и от этого он едва не выронил свой старенький чемодан, в котором лежала клубничная рассада. Витя сердито обернулся, но в этот момент какой-то пыхтящий толстяк, навьюченный множеством свертков, прокатил по Витиным ботинкам, старательно начищенным утром, колесики хозяйственной тележки, которую волочил за собой вдобавок ко всем своим остальным грузам. Потом веселая стайка девушек и парней с рюкзаками, ведрами, гитарами взяла Витю в плотный переплет, и он чуть не потерял авоську с продуктами, а также учебником физики и справочником «Куда пойти учиться?», которую держал в другой руке. Но спустя четверть минуты Витя Сайкин все же выплыл из потока нескончаемой человеческой реки к берегу, и теперь он стоял прямо перед витриной.

Солнце выливалось на привокзальную площадь потоки нестерпимого зноя. Витя вытер лоб, поставил чемодан с клубничной рассадой на землю и полез в карман за кошельком. Перед окном киоска толпились люди. Держа в одной руке лямки авоськи, а в другой монеты, Витя протиснулся к киоску и здесь с удовольствием обменял двадцать пять копеек на новенький, пахнущий типографской краской футбольный календарь.

Вернувшись к своему чемодану, Витя так и замер на месте, зачарованно перелистывая страницы и забыв обо всем на свете. Но сразу же ближайший динамик привокзальной площади, откашлявшись прямо над его ухом, хрипло известил граждан пассажиров о том, что до отправления электропоезда Москва—Клин остается одна минута. Витя быстро запихал футбольный календарь в карман, поднял чемодан и опять окунулся в толпу. Жаркий дачный поток вновь подхватил Витю вместе с его поклажей, легко пронес несколько десятков метров, отделяющих киоск от входа на пригородные платформы, поднял по ступенькам и прибил его наконец к электричкам. Крепко сжимая в руках чемодан и авоську, Витя продрался сквозь густые человеческие наслоения к дверям последнего вагона электропоезда Москва—Клин и успел вскочить в тамбур в самый конечный момент, — ядовито прошипев, створки пневматических дверей сомкнулись.

В тамбуре, кажется, было еще жарче, чем под открытым небом. Но пробиваться в глубь вагона тоже не было никакого смысла: вагон наполнен был так, как только он может наполняться в жаркий субботний день. Витя с трудом нашел место, опустил чемодан на пол, положил на чемодан тяжелую авоську и пристроился на нем сам. Пальцы его уже нащупали в кармане брюк заветный футбольный календарь.

Пожилая кассирша с очень суровой наружностью (никого больше из железнодорожной администрации на маленькой дачной станции не оказалось) рассматривала Витю рассеянно и без особой приязни.

— Да, — сказала кассирша, когда Витя закончил свой рассказ, — попали вы в положение. Что с вами делать, даже не знаю...

Она немного подумала.

— Вы, молодой человек, сдайте этот чемодан в отделение, в милицию.

— Но как же, — сказал Витя растерянно и даже оглянувшись. — Откуда же здесь отделение? Обыкновенного начальника станции и то нет...

От субботного радостного настроения, помноженного на коэффициент солнца и тепла, с которым Витя вышел из дому, теперь не осталось и следа.

Кассирша нахмурила брови и снова стала думать. Через несколько секунд она приняла окончательное решение:

— Придется вам, видно, вернуться в Москву. Сдадите чемодан в камеру забытых вещей, на вокзале. Там, может, найдется и ваш собственный чемодан. Это если тот, к кому он попал, уже его туда сдал...

— Вы правы, — потерянно сказал Витя. — Ничего другого мне не остается.

Отчаянно на себя досадуя, он побрел на платформу, с которой электрички возвращались в Москву. Платформа была почти пуста — никому, наверное, в такой день не хотелось быть в жарком городе. Здесь, пользуясь тем, что никто его не может услышать, Витя громко обозвал себя растяпой и ротозеем. Отведя душу, он сел на нагретую солнцем скамейку под плакатом «Прыгать с платформы опасно!», поставил на землю злополучный чемодан и стал заново переживать все сначала.

Ужасное открытие, мигом лишившее его душевного равновесия, подкараулило Витю в тот момент, когда электричка подъезжала к станции назначения. Витя закрыл календарь, взял авоську и потянулся к ручке чемодана. Но, взглянув на чемодан пристально (народу в тамбуре уже почти не было, можно было спокойно осмотреться), Витя так и застыл от удивления: чемодан был совсем другой — не тот, в который положены были кустики клубники и с которым он вышел из дому. Не веря своим глазам, Витя взгляделся еще внимательней, и у него не осталось сомнений. Чемодан с рассадой был чуть меньше в размерах, немного другого оттенка и к тому же без таких вот блестящих никелированных заклепок. Обмен чемоданами произошел там, у киоска «Союзпечати», — это было ясно. Возле киоска стояло несколько человек — в спешке кто-то унес Витин чемодан, а Витя, в свою очередь, унес этот неизвестно чей чемодан, и вместе с Витей он совершил вынужденное путешествие в шестую пригородную зону.

Витя переменял на скамейке позу. Очень строго он взглянул на чужой чемодан, источник волнений. Чемодан был невозмутим и безмятежен. Вите вдруг захотелось показать ему язык. Сдержавшись, Витя полез в авоську и извлек из нее железнодорожное расписание.

Поезд на Москву должен был пройти лишь через двадцать четыре минуты. Витя взвесил тяжелую авоську на руке и задумался. Прогрохотала еще одна электричка из Москвы; оставив на противоположной платформе несколько десятков человек, она покатила дальше. Посмотрев на сгибающихся под тяжестью дачных сумок людей, Витя решительно поднялся с места.

— Понимаете, — издали начал он, обращаясь к окошечку кассы, — я, пожалуй, отнесу домой свою авоську, она очень тяжелая. А потом вернусь и поеду в Москву с одним чемоданом. Оставьте, пожалуйста, пока чемодан у себя. Я вернусь к поезду.

Крошечное окошко осталось безмолвным; подойдя к нему ближе, Витя обнаружил, что за ним уже никого нет. Тогда он обошел кассу вокруг, направляясь к двери, но на двери висел замок. Сомнений не оставалось: воспользовавшись временным затишьем (поезд из Москвы только что прошел, поезд в Москву будет не скоро), мрачная кассирша, видно, куда-то ушла.

Витя хмуро качнул замок. Замок был тяжелый и чуть тронутый ржавчиной. Пожав плечами, Витя повернулся, снова подхватил чемодан с заклепками и пошел по жаре прочь — в ту сторону, куда указывала большая деревянная стрела, укрепленная на столбе. Черной краской на столбе коряво было выведено: «Садовые участки мебельной фабрики «Уют».

Тропинка нырнула в лес, над ней навис зеленый потолок листьев. Ноги, привыкшие к городским тротуарам, ощутили блаженную упругость не скрытой асфальтом земли, по щиколотки ушли в траву. Лес был наполнен свежестью, свежесть бесследно растворяла жару. Волоча за собой тяжелый чемодан, Витя прошел по тропинке несколько шагов и вдруг почувствовал, что лесная свежесть начинает растворять и его досаду. Ничего страшного в общем-то не произошло. В конце концов все должно было разрешиться благополучным образом. Обнаружив ошибку, человек, которому достался Витин чемодан, естественно, должен был тут же на вокзале сдать его кому следует и дожидаться Витю. Правда, не могла ли завянуть рассада? Познания Вити в садовом деле были невелики, всем, что было с ним связано, заправляла в основном мама. «Несколько часов, во всяком случае, рассада выдержит, — предположил Витя эмпирически, — должна выдержат». В приключении, решил он в конце концов, есть несомненная забавная сторона...

Взглянув на часы, Витя ускорил шаг. Чтобы успеть на электричку, стоило поспешить. Три минуты спустя он посмотрел на часы еще раз и после этого зашагал еще быстрее. Когда тропинка вынырнула наконец из леса и стала пересекать большую поляну, на другой стороне которой выстроились ряды маленьких разноцветных домиков, Витя побежал.

Бежать с тяжелой авоськой и тяжелым чемоданом было не так-то просто, Витя уже жалел, что не остался на станции спокойно дожидаться электрички в Москву. В калитке своего участка Витя споткнулся и не смог удержать чемодан в руках. Чемодан неуклюже ударился о землю, и, звонко щелкнув, замки его разошлись. Витя повесил авоську на забор, присел на корточки, кляня себя за неловкость, и повернул чемодан так, чтобы удобнее было его закрыть. От этого резкого движения крышка чужого чемодана неожиданно распахнулась.

— Ну, наконец, — обрадованно сказал кто-то совсем рядом с Витей. — Сколько же можно ничего не видеть?!

Витя вздрогнул и испуганно оглянулся. Рядом не было никого. Голос исходил из воздуха.

— Как? — удивленно продолжал тот же голос, — почему... А где же Пал Палыч?..

3

В мире не изменилось ничего. Витя по-прежнему сидел на корточках перед раскрытым чемоданом и упирался ладонями в песок. Где-то в лесу вдруг принялась куковать кукушка. На участке соседей Ивановых, скрытом от взглядов густыми зарослями малины, Петр Матвееч, глава семьи, с сыном, студентом гидромелиоративного института, копали колодец — комья сырой земли, сбрасываемые с лопат, разбивались с глухим стуком, который разносился, казалось, на километры вокруг. Пахло травой, дорожной пылью и свежей землей. Но совсем рядом с Витей из пустоты чей-то мягкий баритон сыпал вопросами:

— Почему чемодан лежит на земле? Что-нибудь случилось? Почему мы не дошли до дома?

Витя Сайкин поднялся и, как робот, обернулся к дому. Дом, как и все вокруг, тоже был в полном порядке — невысокий, выкрашенный в зеленый цвет финский домик с двумя комнатами и застекленной террасой. Придирчиво осмотрев его, Витя аккуратно вытер руки, испачканные в земле, о носовой платок, старательно обошел лежащий на дороге чемодан и машинально зашагал к дому. От загадочного чемодана хотелось уйти как можно скорее.

— А чемодан? — слышалось сзади. — Вы хотите оставить его здесь?

Похититель чемоданов закрыл глаза. Тогда не стало ни дома, ни чемодана, вообще ничего. С закрытыми глазами было просто и хорошо, легко было представить себя не на даче, а в любом другом месте, где гарантировалось отсутствие навяздений. Витя сосчитал до десяти и неуверенно открыл глаза.

Поперек желтой песчаной дорожки, что мимо грядок и розовых кустов вела от калитки к крыльцу, все еще лежал расплахнутый настежь чужой чемодан, из которого выглядывали довольно поношенные зеленые домашние тапочки, большой клубок шерсти и что-то еще прямоугольное, завернутое в газету «Пионерская правда». Из-под этого свертка выбивался на свет краешек розового махрового полотенца, а клубок шер-

сти лежал на каком-то футляре, похожем на увеличенных размеров дорожный несессер. Кроме того, как автоматически отметил Витя, в чемодане лежали оранжевая зубная щетка, тюбик пасты «Апельсиновая», зеленые японские плавки с желтыми полосками, толстенная папка, на которой была выведена сложная и загадочная надпись «К вопросу о принципах постановки эксперимента и о некоторых спорных явлениях, сопровождающих экспериментальную работу Шестой лаборатории», а также флакон одеколона «Василек».

Витя поморщился и вновь шагнул к чемодану. Продолжая морщиться, он снова, одернув брюки, присел на корточки. Стараясь не глядеть на содержимое чемодана, конфузясь от того, что случай приоткрыл ему завесу над чужой личной жизнью, Витя взялся за крышку.

— Все-таки где же Пал Палыч? — спросил баритон. — Я давно уже чувствую, что его нет рядом. Вы, молодой человек, кем-нибудь приходитесь Пал Палычу?

Витя испуганно потянул крышку на себя. Чемодан никак не хотел закрываться, крышке что-то мешало изнутри. Витя определил, что от сотрясения в чемодане нарушилась строгость укладки вещей, и, сморщившись еще сильнее, полез в чемодан. Скорее всего мешал клубок шерсти. Витя переложил его в другой угол и стал поплотнее запихивать в глубь чемодана большой футляр, похожий на несессер. Футляр был тускло-фиолетового цвета, холодный на ощупь. В нижней его части блестела какая-то решетка, похожая на решетку динамика радиоприемника. Радиоприемник и есть, решил Витя, большой по размеру, какой-то устаревший транзистор. «Транзистор» никак не хотел укладываться — Витя сильно его тряхнул, и тогда снова раздался голос:

— Поосторожнее, да что вы, в самом деле! Разве не знаете, что нег ничего опаснее тряски! — Голос был сердитым и недовольным.

Витя отдернул руки — голос исходил из этого таинственного футляра. После некоторой паузы — Вите вдруг показалось, что кто-то осматривает его с ног до головы, — голос осторожно спросил:

— Скажите, да кто же вы такой?

Витя сел на дорожку. Очень хотелось проснуться и быстро сделать зарядку. В мире все по-прежнему шло, как обычно. За лесом, где лежала линия Октябрьской железной дороги, послышался отдаленный перестук колес — наверное, проходила электричка на Москву. Потом раздалась песня: на одном из садовых участков, скорее всего у Шабельниковых — песня раздавалась с той стороны, — включили магнитофон, «Филиппинки» пели «Батуми». Витя вспомнил, что в семье Шабельниковых есть взрослая дочка Соня, кажется, продавщица в магазине «Галантерея», интересующаяся музыкой, кино, эстрадой.

— Нет, все-таки скажите! Кто вы? Почему я вас раньше не видел? Почему вы себя так странно ведете?

Витя тупо смотрел прямо в решетку таинственного футляра:

— Я — Витя Сайкин.

— Сайкин? — переспросил баритон. — Какой еще Сайкин?
— Сайкин, — уныло повторил Витя.
— Ничего не понимаю, — с заметным раздражением сказал баритон. — Это Поваровка?

Витя набрал полные пригоршни желтого песка и тоненькими струйками стал пускать его себе в ботинки.

— Нет, это не Поваровка, — ответил Витя. — Поваровку мы с вами проехали... Вам надо было сойти раньше...

— Проехали? — огорчился баритон. — Ну, а где же все-таки Пал Палыч?

Витя Сайкин пошевелился и сделал слабую попытку встать. Пора было выяснить отношения до конца.

— Я вам представился, кажется, — начал Витя, — и я...

Баритон удивился:

— Не-ет, значит, вы в самом деле посторонний?

— Как — посторонний? — переспросил Витя.

— Забавно! — сказал баритон. — Откуда же вы взялись?

— Я здесь у себя дома, — ответил Витя сухо и с достоинством. — Это наш участок. Здесь мы живем летом.

— Но тогда как же я сюда попал? — настаивал баритон. Несколько секунд не отрываясь Витя смотрел на «Транзистор»; на Витю находила еще более густая волна ошеломления.

— Чемодан, — растерянно сказал Витя, — он... чемодан..

Возникла долгая пауза.

Голос слегка кашлянул.

— Почему бы нам все-таки не войти в дом, — сказал темно-фиолетовый футляр. — Произошло, наверное, недоразумение. Надо во всем разобраться, поговорить...

С трепетом, дрожащими руками Витя все-таки переложил говорящий предмет в другой угол чемодана, потеснив тапочки и одеколон «Василек». Предмет оказался неожиданно тяжелым — не меньше двух килограммов. Быстро запахнув крышку — звонко лягнули замки, — несколько долгих минут Витя сидел неподвижно, ничего не предпринимая и только словно бы заново разглядывая чужой чемодан.

Чемодан был таким, каких существует на свете десятки тысяч. Время и путешествия основательно потеряли его коричневые бока, одного металлического уголка уже не доставало. Кто-то неизвестный гвоздем или перочинным ножом выцарапал на крышке инициалы «П. Д.». Витя медленно выпрямился и снял с забора свою тяжелую авоську. Потом он так же медленно поднял чемодан и медленно направился к дому. На ходу он вяло размышлял, стоит ли открывать чемодан еще раз или лучше сейчас же вернуться на станцию, отвезти его в камеру забытых вещей Ленинградского вокзала и обо всей этой истории забыть. Ничего толком решить Витя так и не успел: пора уже было открывать дверь в дом. Он долго возился с замками, потом толкнул дверь плечом и вошел на террасу. Поставив чемодан в угол, рядом со старым велосипедом, Витя снова со странным чувством стал смотреть на чемодан.

Кончилась песня «Батуми», теперь на террасу долетали песенные звуки иной, незнакомой Вите песни. Зачем-то тронув ручку чемодана ладонью, Витя повернулся, прошел через террасу и вышел на крыльцо. Здесь он сел на прохладные от

тени деревянные ступеньки, подпер подбородок кулаками и накрепко задумался.

Положение, что и говорить, было странным, ничего подобного в недлинной Витиной жизни еще не было. Днем родители (сами они не могли выбраться за город, потому что мама купила на вечер билеты в театр) доверили Вите отвезти на садовый участок клубничную рассаду, вскопать грядку и посадить клубнику. Как утверждала мама, это должно было дать уставшему Витиному мозгу отдых перед последним экзаменом. Сначала все шло хорошо — Витя благополучно доехал в метро до «Комсомольской» и вышел на привокзальную площадь. Дальше — Витя обхватил голову руками, — дальше началась цепь удивительных происшествий, одно невероятнее другого. В суматохе были перепутаны чемоданы. Потом оказалось, что в чемодане находится что-то говорящее, какой-то странный футляр, вступивший с Витей в беседу. Причем он не был ни приемником, ни магнитофоном — сомнений в этом быть не могло. Какая-то электронная машина непонятного назначения? Нет, это объяснение, тоже было мелькнувшее, критики не выдерживало: футляр в самом деле вел себя так, как если бы он был живым человеком — короче, никакая машина вести себя так не могла. Витя тихонечко застонал и, крепче сжав руками виски, стал раскачиваться из стороны в сторону, словно его мучила зубная боль. Потом Витя вроде бы ни с того ни с сего стал представлять, как повели бы себя, оказавшись в такой ситуации, его лучшие друзья-одноклассники Валя Корсетов или Петя Поташников. Представив, Витя тихо и удовлетворенно засмеялся, но тут же встрепенулся и замолчал.

Нет, положение надлежало выяснить до конца. Чемодан надо было открыть снова и прямо обратиться к собеседнику с вопросами. Витя поднялся с места и пошел на террасу, формулируя в уме вопросы, которые следовало бы задать. Формулировки получались странными и, пожалуй, даже нелепыми. Так ничего толком и не придумав, Витя пересек террасу и положил чемодан на старенькую, продавленную тахту. Зачем-то набрав в грудь побольше воздуха, он взялся за чемоданную крышку.

4

Щелкнули замки. Витя открыл рот, чтобы спросить хоть что-нибудь, но спросить он ничего не успел — «Транзистор», вероятно, тоже все это время не оставлявший своих встречных размышлений по поводу происшедшего недоразумения, молвил фразу, от которой у Вити запылали уши.

— Признавайтесь! — сказал баритон величественно и строго. — Вы просто-напросто увели этот чемодан у Пал Палыча? Где-нибудь в сутолоке на вокзале, а возможно, и в электричке. Признавайтесь!

— Что? — спросил Витя тихо. — Вы... Да как вы... Кто дал вам право! — Витю душило негодование, он отвернулся и вдруг топнул ногой. В стареньком, сделанном отцовскими руками буфете звонко встряхнулась чайная посуда.

— М-да, — протянул баритон задумчиво. — В жизни я разбираюсь, умею! Беру свои слова назад. Так что же все-таки произошло? Кстати, не надо так топтать, а то чашки могут разбиться. Бывали, кроме того, случаи, когда в таких же ситуациях шкафы опрокидывались или даже проваливался пол. Что же случилось?

Запинаясь и часто останавливаясь, Витя стал выдавливать из себя печальную повесть о футбольном календаре, чемодане с клубничной рассадой, киоске «Союзпечати», клинковой электроричке пятнадцать пятьдесят пять. Он кончил говорить и даже удивился тому, что так покорно стал рассказывать вместо того, чтобы, как было намечено, самому задавать вопросы.

— М-да, — протянул баритон. — Вот так история!

Витя внимательно смотрел на «Транзистор». Опять в уставшей Витиной голове стали складываться неясные вопросы. «Транзистор» угадал его мысли словно на лету.

— Кто я? — спросил баритон. — Теперь вас, конечно, интересует, кто я? — Он выдержал паузу. — Вы, конечно, не можете себе этого даже предположить? Весьма забавная ситуация!

Витя снова почувствовал, как чей-то цепкий взгляд скользит по его лицу.

— Я — Мозг! — сказал баритон.

Витя все смотрел и смотрел. Он засунул руки в карманы и стал легонько раскачиваться на носках. Лицо его оставалось сосредоточенным.

— Я — Мозг! — повторил баритон. — Мозговое вещество, синтезированное искусственно. Я — результат первого синтеза, который дал вещество, ничуть не уступающее по организации и структуре человеческому мозгу. Пал Палыч Дыров, о котором мы с вами уже говорили, заведует лабораторией, осуществлявшей этот синтез.

Витя вновь качнулся на носках. В его уставшей голове — наконец-то! — появились какие-то более или менее вероятные догадки. Догадки, впрочем, были еще смутны и неопределенны. Витины мысли стали лихорадочно обегать страницы прочитанных в свое время научно-популярных книг и брошюр, посвященных биологии, психологии и ряду других дисциплин, имеющих хоть какое-нибудь отношение к услышанному.

— Разве, — начал Витя, — разве мозговое вещество уже синтезируют? Ведь я-то думал... Фантастика!

— Но вы же со мной говорите! — баритон, кажется, обиделся.

Витя сконфузился. Воцарилась неловкая тишина.

— Значит, вы синтезированы, — прервал Витя томительную паузу, чтобы сказать хоть что-нибудь и все еще не очень веря, — искусственным путем?..

— Синтезирован, — сказал баритон. — А после синтеза было вот что: мозговое вещество подверглось воздействию биотоков четырехсот тридцати двух сотрудников лаборатории. Так в лаборатории синтезированное вещество проверяют на качество: если искусственный мозг примитивен по организации и структуре, он, естественно, воспринимает и аккумулирует в себе не все передающиеся ему знания, а лишь какую-то их часть. Первые модели, синтезированные в лаборатории, были примитив-

ны. Одна из них, например, знала только футбол. Другая — только тексты эстрадных песен. Ну и так далее. Я — первая модель, качество которой не уступает среднему человеческому мозгу и, может быть, кое в чем его превосходит. Я аккумулировал в себе абсолютно все, что только знали все эти люди. Знания по самым разным вопросам, обо всем на свете. А вместе с их знаниями, конечно, и их жизненный опыт. Представляете? Колоссальный жизненный опыт...

— Колоссальный жизненный опыт, — повторил Витя, как эхо. — Вам, кстати, все ли понятно? — поинтересовался баритон. — Если хотите, я буду объяснять еще проще, доступнее.

Опять Витя почувствовал на себе чей-то взгляд. Вглядев, как ему вдруг показалось, был чуть высокомерным и, может быть, даже чуть насмешливым. Баритон говорил вроде бы с чувством значительного своего превосходства. Но Витя на это ничуть не обиделся. Наступала реакция.

— Так кто же вы? — спросил баритон.

— Я — школьник! — ответил Витя весело. — То есть теперь я уже, наверное, абитуриент. Школу я уже кончаю... десятый класс... Остался один экзамен по физике...

— Хорошо! — сказал баритон. — Объяснять, впрочем, больше, по сути дела, нечего. Могу добавить только, что я наделен совершенно человеческим восприятием окружающего мира — с помощью зрительных и слуховых нервов. Налажена полная речевая система. Жизнедеятельность поддерживается постоянно при помощи...

Витя наконец не выдержал. Не дослушав до конца, он стал смеяться. Сначала он смеялся стоя, заново переживая все то, что случилось с ним за последние полчаса, пока история не объяснилась таким хотя и неожиданным, но все-таки вполне достоверным образом. Потом, продолжая смеяться, Витя сел на стул.

— И значит, Пал Палыч вез... вас... футляр с вами... куда-то к себе на дачу? — выдавил Витя из себя сквозь смех. — И значит, все... все это...

— В Поваровку! — сказал Мозг. — Чтобы поставить на мне еще какой-то эксперимент. Пал Палыч работает даже по субботам и воскресеньям. То и дело возит меня в Поваровку. Он работает даже по праздникам. У них каждый сотрудник в лаборатории работает с утра и до позднего вечера. И все для того, чтобы изучить меня как следует. Один эксперимент следует за другим. И, надо сказать, иной раз эти эксперименты бывают очень неожиданными и просто оригинальными. Иногда я, следя за их ходом, получаю даже большое удовольствие. Пал Палыч великолепный экспериментатор, очень интересно следить за ходом его мысли. Всегда можно ждать какого-то любопытного сюрприза, есть чему поучиться... Да прекратите же наконец смеяться!

Витя Сайкин перешел со стула на тахту. Он сдвинул чемодан с Мозгом на самый ее край, а сам лег на спину, высоко задрав ноги. Все его тело содрогалось от приступов смеха.

— Нет, а я-то думал! — Витя бормотал и захлебывался. — Мне показалось... Нет! Здорово! — Витя кулаком размазывал по лицу выступившие слезы. В буфете тихонечко стала

позванивать чайная посуда. Мозг все это время говорил про себя что-то неясное, но Витя ничего не слышал.

Счастливым, облегченным смех Вити Сайкина наконец захихикал. Встав на ноги, Витя некоторое время ходил по террасе взад и вперед. На чемодан с имуществом заведующего таинственной лабораторией, освоившей синтез мозгового вещества, он не поднимал глаз. Потом Витя взглянул на часы и снова взялся за железнодорожное расписание.

— Что вы собираетесь делать? — спросил баритон.

— Как что? — с легким сердцем ответил Витя. — Сейчас мы с вами поедем в Москву, вы скажете мне, где живет ваш Пал Палыч. Наверное, он очень волнуется. А я возьму у него свой чемодан. Мне клубнику надо сажать.

Баритон вдруг кашлянул. Витя уже водил пальцем по строчкам расписания. «Расскажу ребятам, не поверят, — думал он. — А ведь было. В футляре, похожем на транзистор, спрятан мозг, полученный искусственно! Говорящий, видящий, кажется, даже со своим индивидуальным характером. Фантастика!»

Мозг кашлянул еще раз. Он словно бы принялся лихорадочно что-то про себя обдумывать, что-то очень важное и такое, что нужно было решить безотлагательно. В темно-фиолетовом футляре определенно созревало какое-то решение. Вполголоса, про себя, Мозг бормотал какие-то загадочные фразы.

— Кажется, все условия... Человек молодой, и, бесспорно, работать с ним просто... Надо пробовать... В лаборатории, конечно, все это было бы труднее, слишком много людей вокруг. Значит, повезло...

Витя отложил расписание и пошел к чемодану.

— Послушайте, Витя! — сказал вдруг Мозг.

Витя остановился.

Баритон, которым сотрудники лаборатории наделили синтезированное ими искусственное мозговое вещество, вновь кашлянул.

— Послушайте! — У Мозга теперь были какие-то очень странные интонации. — Оставьте меня у себя... Взамен я обязуюсь... Ведь вы уже знаете, что у меня колоссальный жизненный опыт. И я могу взять на себя разрешение всех ваших жизненных трудностей...

Витя недоуменно смотрел на футляр, ничего толком не понимая.

— Я могу полностью освободить вас от всех ваших забот, — продолжал баритон, — да-да! Мои знания позволят легко решать любую встающую перед вами жизненную задачу. С моей помощью вы безо всякого труда будете справляться со всем, за что только не возьметесь. Например, без малейших усилий со своей стороны сдадите любой экзамен, без всяких усилий поступите в любой институт...

Витя все еще ничего не понимал. На него пристально смотрел невидимый взгляд Мозга.

— Всякий раз, когда в этом у вас будет необходимость, — сказал баритон, — я буду приходить вам на помощь:

подсказывать все, что нужно делать, вплоть до мелочей, чтобы разрешить любую жизненную задачу именно с тем результатом, к которому вы стремитесь. Самому вам при этом не придется делать ни малейших умственных усилий, ваш мозг полностью освободится от нагрузки. Ваша жизнь будет облегчена в тысячи раз. Соглашайтесь!

Витя тупо смотрел на раскрытый чемодан.

— Соглашайся! — повторил темно-фиолетовый футляр. — Предлагаю перейти на «ты». Кстати, — голос Мозга стал дружеским и доверительным, — за мой громадный жизненный опыт в лаборатории меня называли Семь Пятей. Во лбу — подразумевалось. В лаборатории мне уже просто надоело — там изо дня в день одно и то же. С тобой мне, кажется, будет интереснее...

5

Витя донес чемодан до калитки и вышел с ним на улицу садового поселка мебельной фабрики «Уют». В мыслях не было никакого порядка — они лихорадочно перескакивали с одного на другое. В основном Витя был полон возмущения и негодования. Стоило только подумать, что Мозг, синтезированный искусственно, наделен каким-то индивидуальным характером, и тут же, словно в подтверждение, этот характер выкачивается налицо — характер вздорный и нехороший. Ему, искусственному Мозгу, видите ли, надоело в лаборатории! И чтобы избавиться от утомительных ежедневных экспериментов — ученые делают большое, нужное дело! — он предлагает Вите не что иное — взятку! Ну и ну! Отчего только суммированные биотоки 432 наверняка хороших людей вдруг дали такой результат? Взятку! Необыкновенную возможность применять для достижения любых своих целей синтезированное искусственно мозговое вещество, знающее все на свете. Самому отныне не ломать голову ни над чем: верное решение в любой жизненной ситуации подскажет тебе Мозг. Готовый жизненный опыт нескольких сотен людей...

Витя остановился и опустил чемодан с инициалами «П. Д.» на землю. Немного постояв, он тряхнул головой, вновь подхватил его и прошел еще с десяток метров. Поставив чемодан на землю во второй раз, Витя стоял над ним уже гораздо дольше. Губы его слегка шевелились, он бормотал что-то такое, чего, возможно, не слышал и сам. И вдруг он ярко и отчетливо представил: вот он, Витя Сайкин, абитуриент, действительно приходит в выбранный вуз на первый вступительный экзамен. Он просит Мозг помочь ему сдать на пятерку. Мозг подсказывает: вот тебе ответ на первый вопрос, вот на другой. К тому экзаменатору лучше не ходи, говорит Мозг, отметки он ставит строго, это так и написано на его лице. Иди к другому, садись... Да нет, прими другую позу, увереннее. Вот так, теперь улыбнись: улыбка — катализатор человеческих отношений. И еще что-то подсказывает Вите Мозг, что-то очень важное и нужное, что-то такое, до чего

Витя никогда бы не додумался сам. А вот и результат — пятерка!

Витя тряхнул головой и отогнал видение прочь. На экзамен все равно Мозг не пронесешь, подумал он с невольной тоской, ведь подсказку услышат. Хотя, наверное, Мозг с колоссальным жизненным опытом легко найдет какой-то выход, способ помочь так, чтобы никто этого не заметил. «Господи, о чем это я?» — подумал Витя. Тут же перед глазами одно видение пошло за другим, словно стремительные кадры немого кино. В каждой встающей перед глазами ситуации Витя с помощью Мозга легко преодолевал разные возникающие перед ним сложности. Сколько людей, должно быть, из-за отсутствия жизненного опыта в точно таких же ситуациях ошибались, и жизнь их, может быть именно из-за этого, складывалась совсем не так, как бы им хотелось. Ему же, Вите Сайкину, Мозг пообещал — с его, Мозга, помощью Вите будет удаваться все, за что только он ни пожелает взяться. Любой на его месте... Надо радоваться! Ведь кто знает, к кому еще мог попасть чемодан?!

Витя взял чемодан и пошел назад. Дойдя до калитки, он остановился, чуть постоял, не опуская чемодана, а потом повернулся и снова пошел по улице. То, что он собирался сделать еще секунду назад, называлось кражей, да-да! Мало того, что будет присвоено искусственное мозговое вещество, принадлежащее научно-исследовательскому институту, — будет присвоено и достаточное количество личных вещей ученого-экспериментатора Пал Палыча Дырова — полотенце, тапочки, флакон одеколона «Василек», толстая папка, заключающая в себе научный труд, наконец, сам чемодан. Будет совершен поступок, соответствующий меркам Уголовного кодекса. Все личные вещи, исключая Мозг, можно, впрочем, вернуть, подумал Витя, в камеру на Ленинградском вокзале. Хотя, наверное, лучше совсем уж ничего не возвращать — у следственных органов не будет тогда даже этой зацепки. Или уж лучше все-таки вещи вернуть? Мозг, вооруженный громадным жизненным опытом, если его спросить, быстренько перебрал бы в уме все, что знал по этому щекотливому вопросу, и тут же подсказал бы безошибочный выход. «О чем, о чем это я?» — снова подумал Витя. А как объяснить дома пропажу чемодана с рассадой — нельзя же ведь сказать правду?! Ничего, решил Витя, если спросить Мозг, он, конечно, запросто придумает что-нибудь и здесь. Здорово, если на каждый твой вопрос «что делать?» и «как быть?» тебе тут же дадут безошибочный ответ, и, не ломая голову самому, останется только поступить именно так, как надо.

Витя поставил чемодан с заклепками в пыль и присел на его край. Любопытно, подумал Витя, что может прийти в головы соседям, если на их глазах молодой человек из всеми уважаемой на садовых участках семьи Сайкиных носит по улице то назад, то вперед коричневый чемодан средних размеров? Витя поднял чемодан и пошел с ним к дому. Внеся чужой чемодан на террасу, он положил его на тахту, а сам вышел на крыльцо, чтобы посидеть на его прохладных ступеньках и еще немного подумать.

Сидя на крыльце, Витя вдруг ни с того ни с сего стал представлять, как выглядит этот таинственный Пал Палыч, не прекращающий научную деятельность даже по субботам и воскресеньям. Воображение почему-то нарисовало его пожилым человеком с бородкой клинышком и в пенсне. В более мелких деталях воображение сплеховало, и никаких других черт, несмотря на все усилия, Витя представить так и не сумел. Тогда он резко встряхнул головой, и мысли, словно этого только и ждали, тут же повернули в другое русло.

Как это называл Мозг? Трудность? Житейская трудность! Большая или маленькая житейская трудность. Будь то пустяковая задача или нелегкий экзамен. Или принятие какого-то важного жизненного решения. Или когда просто не знаешь, какой найти выход в том или ином положении. Ах, как часто в жизни приходится ломать голову над решением разных задач! По самым различным поводам. Утром и вечером. Днем. Задачи следуют друг за другом непрерывно, из них состоит вся жизнь. Так неужели же отказаться от необыкновенной возможности — переложить мучительную обязанность на универсального советчика, предлагающего свою такую необыкновенную помощь!

Оставить или не оставлять?

Витя устало пошевелился. С соседнего участка все еще доносился глухой стук падающих комьев земли. Отец и сын Ивановы медленно и трудно приближались к желанному водоносному слою.

6

...Остаток этого необыкновенного дня, принесшего целый каскад событий, прошел так. Решившись до конца, Витя снова открыл чемодан и, отводя взгляд в сторону, объявил о своем решении Мозгу. Баритон, которым сотрудники лаборатории наделили синтезированное искусственно мозговое вещество, после этого заметно оживился. Вероятно, Мозгу сразу же захотелось зарекомендовать себя с самой лучшей стороны. Темно-фиолетовый футляр объявил — давно уже пора обедать, — и, не дожидаясь, что Витя его об этом попросит, деловым тоном осведомился, что есть в авоське из продуктов. Узнав, он вдруг перечислил длинный список самых разнообразных блюд, о существовании большинства из которых Вите не случалось прежде ни читать, ни слышать. Витя смятенно выбрал то, что казалось попроще, и, следуя поминутным советам, приготовил несколько кушаний, оказавшихся на вкус отличными. Все же во время обеда совесть изредка насылала волны сомнений, но с каждой волной Витя справлялся все легче и легче, пока наконец прилив их не сошел на нет окончательно.

Немного смущаясь, Витя спросил: что надо сделать с чемоданом Пал Палыча, чтобы его никто не нашел? Мозг мгновенно ответил: лучше всего зарыть чемодан на садовом участке на достаточной глубине и тщательно уничтожить после этого все следы землекопных работ; лучше всего закопать там, где

следовало сажать клубнику, и потом устроить на этом месте грядку.

Витя спросил:

— А как же объяснить дома, куда делся мой чемодан с клубникой?

Мозг ответил:

— Лучше всего сказать, что забыл его в электричке. Такие случаи бывают сплошь и рядом. Вышел на платформу, а в руке только авоська, чемодан уехал в Клин.

Витя принялся размышлять. Размышлял он не очень долго.

— Мама пошлет меня в камеру забытых вещей. Туда должен вернуть мой чемодан тот, кто его найдет в электричке.

— Не обязательно должен вернуть, — мгновенно возразил Мозг, — не всегда так бывает.

Витя пристально взглянул на футляр. На несколько минут на террасе воцарилось молчание. Мозг опять словно о чем-то размышлял. Потом Витя снова услышал его голос.

— Ты будешь все время носить меня с собой, — деловым тоном сказал баритон, — предположим, в каком-нибудь портфеле, где будут проделаны дырочки, чтобы я все видел и слышал, что с тобой происходит. Чтобы я, когда ты об этом попросишь, мог моментально прийти к тебе на помощь.

Витя кивнул. Мозг помолчал еще немного. Витя вдруг просто физически почувствовал, как в тускло-фиолетовом футляре снова идет напряженная работа — Мозг, вероятно, обдумывал, как лучше выразить словами еще какую-то очень важную мысль.

— Я могу разговаривать не только голосом, — сообщил Мозг.

Витя ошеломленно уставился на раскрытый чемодан.

— В обработке вещества биотоками была одна закономерность, — невозмутимо произнес баритон. — Ошеломляющая, как говорили в лаборатории. Всякое искусственное мозговое вещество после воздействия биотоками приобретало по неизвестной причине способность телепатической связи. Я не был исключением. Да, мне достаточно лишь нескольких минут всестороннего изучения человека, чтобы я мог настроиться на его телепатическую волну. Я буду подсказывать тебе не вслух, а мысленно. Согласись, что это гораздо удобнее — скажем, если вокруг много людей или на экзамене... У каждого человека своя собственная телепатическая волна, очень редко встречаются люди с одинаковыми телепатическими волнами. То, что я буду тебе подсказывать, на расстоянии до пятнадцати метров будешь слышать только ты один...

Витя Сайкин провел рукой по лбу. На террасе снова возникла долгая пауза. Со стороны участка Шабельниковых вдруг вновь донеслась мелодия «Батуми».

— Прежде чем зарывать чемодан, — деловым тоном продолжал баритон, — ты дождись, чтобы совсем стемнело. Не надо, чтобы кто-нибудь видел, как ты зарываешь чемодан.

Витя слабо кивнул головой и проглотил слюну. Ощущение, что все это происходит в каком-то сне, никак не проходило.

Рисунки Г. НОВОЖИЛОВА

6 «Искатель» № 4

Мозг между тем хорошо поставленным баритоном говорил дальше:

— До темноты осталось не так уж много времени. Ты пока Расскажи мне подробнее о себе. Мне надо знать о тебе как можно больше.

Витя еще раз провел рукой по лбу. Лоб был сухой и горячий. Не очень складно Витя стал рассказывать о себе — о том, что живет он в Москве, на Седьмой Песчаной улице; о том, что заканчивает десятый класс средней школы и собирается поступать в институт, учиться на биолога вместе с одноклассником Леовой Кругловым или же вместе с другим одноклассником, Аркашей Исаченковым, учиться на конструктора космических кораблей, точно пока еще не решено; о том, что отец его, Николай Васильевич Сайкин, работает на мебельной фабрике «Уют» начальником цеха, выпускающего секционную мебель, и всегда очень занят, а мама, Татьяна Сергеевна, — библиотекарем в районной библиотеке...

За окнами постепенно стемнело. Тогда с чемоданом в руке и с Мозгом под мышкой Витя спустился в сад и пошел к сараю, где хранился семейный сельскохозяйственный инвентарь. Осторожно, стараясь не звякнуть чем-нибудь металлическим, он достал из сарая лопату. Чужой чемодан по совету Мозга был упакован в плотный мешок из-под калийной селитры. В саду теперь было прохладно и сыровато. Поеживаясь и слегка вздрагивая, Витя положил Мозг на скамеечку, устроенную отцом в меже, и с чемоданом и лопатой шагнул туда, где надлежало сажать клубнику. Все происходило именно так, как должно было происходить в каком-нибудь остросюжетном приключенческом фильме.

В эту ночь Витя Сайкин долго не мог уснуть. А когда сон все-таки пришел, Вите все время виделось, что он так и не засыпал яму землей и наутро соседи увидят на ее дне чужой чемодан. Несколько раз он даже выбегал в сад, а потом брел назад на террасу, облегченно вытирая со лба холодный пот. Уже на рассвете Вите приснился человек в пенсне и с бородкой клинышком. Человек бегал за Витей вокруг садовых участков и сердито кричал что-то не очень разборчивое.

Но утро было великолепным. Витя проснулся, выглянул в окно, и от ночных тревог не осталось и следа. Грядка, вскопанная под клубнику, выглядела так, словно по ней никто не ходил сто лет. Солнце, несмотря на ранний час уже начинавшее припекать, заливало зеленый летний мир потоками ласкового света. Громко и весело пели птицы. С участка Ивановых донеслись позывные воскресной радиопередачи «С добрым утром».

Тускло-фиолетовый футляр, лежащий на столе, спросил:

— Ну, чем бы я мог тебе для начала помочь?

Решившись, Витя попросил у Мозга первой серьезной помощи.

— Вы мне можете помочь, — сказал Витя застенчиво. — Очень хотелось бы сдать экзамен по физике, он послезавтра. Физика для меня всегда самый трудный предмет, по физике

у меня всегда тройка. И Серафим Валентинович, он всегда...
Витя вздохнул.

— Но прежде у меня объяснение с родителями по поводу чемодана, — напомнил Витя. — Хотя ваша версия, конечно, безукоризненна, — Витя вежливо улыбнулся, — объяснения не миновать все равно. Мама припомнит все вещи, которые я потерял за всю свою жизнь. Вы еще не знаете мою маму! Самое неприятное то, что разговоры будут долгие. Наверное, можно что-нибудь сделать, чтобы все прошло полегче и побыстрее?

В тускло-фиолетовом футляре вновь начались какие-то сложные мыслительные процессы.

7

Днем Витя вернулся в Москву.

В правой руке Витя держал свою красную авоську, и вместе с учебником физики и справочником «Куда пойти учиться?» в ней лежал теперь Мозг, завернутый в старую газету. В газете были прорезаны аккуратные дырочки, сквозь которые Мозг с колоссальным жизненным опытом мог видеть все, что происходило с его подопечным. От предстоящего объяснения с родителями у Вити все же немного замирало сердце.

Но синтезированное искусственно мозговое вещество действительно знало, что надо делать. На площади возле метро «Сокол», где шумно торговали цветами, не без удивления Витя купил по совету Мозга три великолепных пиона. Полчаса спустя, дома, когда Витя уже изложил версию, подсказываемую Мозгом (постоянно ощущать в голове чьи-то чужие мысли поначалу было немного странно и даже не очень приятно, но потом Витя привык), он вдруг преподнес маме цветы — из своей авоськи, лежавшей в углу комнаты, Мозг точно подсказал, в какой момент это сделать, чтобы подарок был естественным и своевременным. К Витиному изумлению, всякие разговоры с маминой стороны после этого немедленно и полностью были прекращены. Отец, вечно занятый, но тоже любивший при случае проводить воспитательные беседы, говорил о злополучной рассаде («Где она, что с ней в самом деле?» — смятенно подумал Витя) лишь на несколько секунд дольше: заливая воду в цветочную вазу, мама вдруг ни с того вроде бы ни с сего припомнила старую семейную историю, уже обросшую многими легендарными и полуфантастическими подробностями, о том, как двенадцать лет назад папа забыл на кольцевой линии метро предмет куда более ценный — новенький контрабас, предназначенный в подарок Витиной двоюродной сестре, шестилетней тогда Наденьке, принятой в музыкальную школу. Отец после этого растерянно замолчал и стал выглядеть, как человек, совсем не знающий, что сказать. Витя был ошеломлен и подавлен: Мозг продемонстрировал блестящее знание психологии мира взрослых. Самому себе рядом с Мозгом Витя показался слабым и жалким.

Владелец Мозга, знающего все на свете, очень бережно взял авоську и пошел с ней в свою комнату. Там, встав на ко-

лени, он стал шарить под книжным шкафом, где со дня предыдущего экзамена лежал черный школьный портфель. Наконец отыскав его, Витя вытер с портфеля трехдневную пыль и вытряхнул из него на письменный стол учебники по химии и толстые тетради, исписанные формулами и уравнениями реакций. Химию Витя сдал на четверку, химия по сравнению с физикой давалась ему не в пример легче. Уложив в портфель Мозг, Витя стал проделывать в портфеле ножницами отверстия.

Чуть позже он сделал слабую попытку сесть за письменный стол с учебником физики. Открыв учебник, Витя искоса взглянул на портфель, и Мозг тут же промыслил — раз Витя просил его взять на себя заботу об успешной сдаче экзамена, значит ему незачем ломать голову над учебником самому. Не настаивая, Витя с большим удовольствием отложил учебник в сторону. Кажется, всерьез наступала новая жизнь, жизнь без забот и волнений...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1

Серафим Валентинович, учитель физики, вздохнул и посмотрел на окна с глубокой тоской. Ничего хорошего он не увидел. Окна были распахнуты настежь, но вместо желанной прохлады с улицы в них вливался обжигающий зной. Мощные солнечные лучи усердно преломлялись в оконных стеклах, и поэтому на стекла больно было смотреть. Полюс холода, сугробы и снегопады существовали где-то в другом, далеком от реальности мире.

Серафим Валентинович еще раз вздохнул и придвинул к себе поближе экзаменационную ведомость. Бумага тоже была теплой от солнца. За спиной учителя, там, где висела доска, шел монотонный, словно размякший от жары, ученический рассказ о некоторых физических явлениях, объединенных вопросами одного билета.

Теплая ведомость отражала точное положение дел. На текущий момент в ведомости были восемь четверок и четыре пятерки. Троек и двоек не было. Один ученик отвечал, трое других у доски готовились к ответу — против их фамилий были поставлены точки. Остальные графы были пока пусты — взволнованные и напряженные, остальные ученики сидели на своих местах и ждали очереди.

Учитель немного поколебался и украдкой расстегнул еще одну пуговицу на своей белой полотняной рубашке. Расстегивать дальше уже не позволяли правила поведения в обществе. Рубашку очень хотелось снять совсем, но на экзамене об этом нечего было и думать. За спиной продолжался монотонный, словно резиновый, ответ. Послушав еще немного, Серафим Валентинович мягким голосом сказал: «Хорошо!» — и клетчатым носовым платком вытер лоб.

Одно из оконных стекол преломляло солнечные лучи хуже, чем все остальные. Серафим Валентинович вдруг увидел в нем свое отражение — толстенький, маленький и кругленький человек в белой рубашке и в белых полотняных брюках, сидя за кафедрой, совершенно изнывал от жары. По лицу человека, мешая видеть как следует, струились противные ручейки пота. Весь внешний вид был далек от должной экзаменационной строгости и торжественности. Учитель вздохнул, вывел в ведомости очередную четверку и, сделав усилие, повернулся назад.

Справа и в центре доски дела шли именно так, как и должны были идти: Лариса Свечникова и Аркаша Исаченков, твердые четверочники, бойко стучали по доске кусочками мела, возводя на ней именно те физические построения, которые можно было оценить твердыми четверками. За Ларису и Аркашу беспокоиться не было никаких причин. В левой части готовился к ответу Витя Сайкин, ученик, в физике ненадежный и способный преподнести на экзамене любой неприятный сюрприз. Серафим Валентинович безрадостно пригляделся и пожал плечами. Витя Сайкин успел уже исписать две трети своей части доски, почему-то опередив и Ларису, и Аркашу. Насколько можно было оценить с первого взгляда, ошибок на доске еще не было. Учитель снова отвернулся к классу и, изнывая, украдкой стал вытаскивать под столом ноги из ботинок. Словно съжившиеся от жары, ботинки казались орудием утонченной пытки, окончательным результатом долгих экспериментов святой инквизиции.

Учитель подождал еще несколько минут. Минуты текли медленно, время хотело остановиться совсем. За спиной, в левой части доски, перестал постукивать мел.

— Сайкин, — без особого энтузиазма сказал Серафим Валентинович, — ваша очередь отвечать, Сайкин!

Он вытащил наконец ноги из ботинок и с облегчением поставил их на пол. Доски пола были блаженно прохладны. Безжалостные солнечные лучи под стол не проникали; он был надежно закрыт с трех сторон — маленькая и уютная кафедра...

2

...В конце концов Витя увидел, что Серафим Валентинович даже привстал со своего места и оглядел его с ног до головы так, словно видел впервые в жизни.

— И благодаря своей односторонней проводимости, — продолжал Витя невозмутимо, — электронная лампа используется для выпрямления электрического тока. Если рассмотреть последовательно всю электрическую цепь...

Учитель кашлянул и снова сел.

Витя рассмотрел последовательно всю электрическую цепь, и этим ответы на вопросы билета были исчерпаны. Встревоженным голосом учитель задал Вите один за другим несколько

ко труднейших дополнительных вопросов. Уловив мгновенную мысленную подсказку Мозга, Витя ответил и на них. У Серафима Валентиновича вид после этого стал таким, словно бы он услышал, что законы Ньютона в действительности были совсем недавно открыты школьной буфетчицей тетей Ниной. От такого неожиданного сравнения Вите стало очень смешно; и, чтобы скрыть улыбку, он стал смотреть в пол, усыпанный обломками мела. Глядя в пол, Витя вдруг припомнил, что кто-то из учеников десятого «А» прозвал Серафима Валентиновича Мостиком Уитстона (опыт с Мостиком Уитстона был излюбленным опытом учителя), и от этого ему стало еще веселее.

В кабинете физики было теперь очень тихо. Со всех сторон Витя чувствовал на себе десятки удивленных, недоверчивых, настороженных взглядов учениц и учеников десятого «А». Мостик Уитстона, толстый, маленький, кругленький, снова встал в полный рост и полез в карман белых полотняных брюк за платком. Вытерев с круглого лба пот, он некоторое время напряженно оглядывал доску с безукоризненными Витиными записями. Потом дрогнувшим голосом Мостик Уитстона начал:

— Смогли бы вы мне ответить...

Витя обернулся туда, где лежал его черный портфель, и стал ждать вопроса. На круглом лице Мостика Уитстона отражалось невероятное душевное напряжение. Серафим Валентинович, не договорив, снова сел и вдруг безразлично, едва слышно пробормотал:

— Пятерка!

Вытирать доску было, пожалуй, даже немного жаль — под тряпкой должны были исчезнуть все эти великолепные физические построения, выполненные его, Витиной, рукой. С истощающей, ужасающей полнотой были изложены ответы на оба вопроса билета, задача на параллельное и последовательное соединение электрических проводников решалась тремя равноценными способами. Вытерев доску, Витя вернулся к своему месту и очень бережно взял за ручку черный портфель. В классе стояла невероятная тишина. Витя слушал тишину, и на него вновь, как это уже бывало, волнами стало находить удивительное ощущение того, будто бы все происходящее на самом деле происходит с кем-то другим, лишь присвоившим себе его, Витин, внешний вид, внутренний мир, фамилию и имя. Ощущение, впрочем, уже заглушалось поднимающейся откуда-то изнутри огромной и жаркой волной совершенно неопишуемой, неправдоподобной радости.

— Но как же, — растерянно вдруг молвил вслед Вите учитель, словно бы вот только сейчас до конца осознав все, что произошло. — Ведь вы... да ведь прежде...

Витя обернулся. Мостик Уитстона, в своих белых брюках, в белой полотняной рубашке, зачем-то сделав какие-то странные движения ногами под столом, уже вылезал из-за кафедры и секунду спустя, смешной рысцой пробежав через класс, оказался рядом с Витей. Со странным выражением на лице учитель огляделся вокруг и приблизился чуть ли не к самому Витиному уху.

— Послушайте, Витя, — зашептал он, горячо дыша, — как же это так, а? Я не хотел говорить этого вслух, но ведь вы... Да что там говорить, разве я мог ожидать... Вы, как бы это сказать, — толстяк запнулся. — Чтобы средний ученик... Феноменально! Я не слышал такого ответа за все тридцать лет...

Взгляд учителя постепенно подергивался какой-то неясной дымкой. Несколько секунд спустя Серафим Валентинович очень по-приятельски хлопнул Витю Сайкина по плечу и дрогнувшим голосом произнес:

— Молодец!

Витя крепче сжал ручку портфеля и, ликуя, толкнул тяжелую дверь.

3

Школа вся была в розовом свете. Выскочив в коридор, лишь неимоверным усилием воли Витя заставил себя остановиться. Больше всего хотелось подпрыгнуть высоко вверх, чтобы достать рукой до больших электрических часов, висевших под самым потолком, а потом, наверное, стремглав промчатся по коридору и кубарем скатиться по лестнице до самого первого этажа.

Солидных размеров плакат, висящий как раз напротив дверей физического кабинета и требующий от всех тишины («Тише! Идут экзамены! Тише!»), казался розовым. Розовыми казались шеренги цветочных горшков, выстроившихся на широких розовых подоконниках. Отменным розовым блеском, казалось, сверкали старательно начищенные паркетные половицы, розовыми выглядели укрепленные на стенах коридора и знакомые до мелочей стенды: большой стенд, посвященный жизни и научной деятельности великого русского физика, изобретателя радио Александра Степановича Попова, стенд с многочисленными геологическими образцами, собранными в Подмоскowie учащимися старших классов во время туристских походов, и стенд, на котором висела общешкольная газета «Очевидец». Все еще сдерживаясь, Витя сделал по коридору несколько шагов и не узнал своей привычной походки. Походка была теперь упругой и легкой, даже чуть-чуть пританцовывающей, под ногами приятно пружинили паркетные половицы. С фотографий и рисунков огромного стенда за каждым Витиным движением удовлетворенно и одобчительно следил великий русский физик Александр Степанович Попов. Витя улыбнулся великому ученому еще издали и подошел к стенду поближе.

Шариковая авторучка появилась из кармана на свет словно сама собой. В коридоре было пусто и тихо. Витя занес авторучку и стал оглядывать стенд, еще толком не зная, что именно он сейчас делает. Очень хотелось каким-нибудь письменным способом выразить свое уважение всей науке физике вообще и великому физiku в частности. Подпись под одной из фотографий стенда утверждала, что великий ученый запечатлен на ней в окружении своих любимых учеников. Фами-

лии учеников приводились, и, секунду подумав, завершая длинный и блистательный перечень, Витя старательно вывел свою: «Сайкин В. Н.». Подумав еще секунду, Витя дописал: «профессор и академик». Александр Степанович поощряюще улыбался.

Сдерживаться становилось все труднее, чувства кипели и требовали немедленного выхода. Прямо перед Витей коридор пересекала широкая солнечная полоса, падавшая из окна. Преодолев полосу одним гигантским прыжком, Витя перестал сдерживаться и в мгновение ока очутился в вестибюле первого этажа. Позади медленно оседала взорванная грохотом каблучков торжественная экзаменационная тишина.

Но нянечка тетя Соня, строгая и принципиальная, одиноко сидевшая в углу с двумя спицами и клубком белой шерсти, крайне неодобрительно подняла голову, и Витя, дав выход первому, самому бурному потоку радости, перешел на обычный шаг. Дверь, разделявшая мир мраморной вестибюльной прохлады и мир жаркого, нагретого солнцем дня, была распахнута настежь. Пролетев мимо тети Сони, одним своим взглядом наведшей в школе должный порядок и снова взявшейся за вязанье, Витя радостно шагнул из одного мира в другой.

Школа стояла в маленьком и уютном саду. По бокам аллеи, что вела от школьных дверей к воротам сада, разместились несколько уютных скамеек, на них падали тени от больших и развесистых лип. Витя опустился на одну из этих скамеек — на ее спинке чьей-то рукой была вырезана убийственная характеристика «Глеб — козел!» — и осторожно положил рядом с собой свой черный портфель.

Еще некоторое время у Вити продолжалась счастливая реакция на экзамен. Сначала он просто сидел на скамейке, подставив лицо солнечным лучам, пробывавшимся сквозь завесу из листьев, и блаженно ощущал, что наконец-то сдан самый последний экзамен, самый трудный предмет, и теперь окончен десятый класс, приобретено среднее образование, и жизнь вступает в новый период.

Потом Витя удобно вытянул ноги и стал насвистывать zapomнившийся мотив «Батуми». Просвистев мелодию до конца, он с наслаждением начал восстанавливать в памяти вереницу событий, только что происшедших в физическом кабинете, — и то, как он выгащил билет и сел готовиться за передний стол, и как Мозг, телепатически ознакомившийся с содержанием билета, когда Витя мысленно повторил его вопросы, стал ему подсказывать издали подробные и обстоятельные ответы на них, диктовать формулы и рассказывать, как надо рисовать чертежи; как Витя записал все это на листочке, а потом с листочка переписал на доску, когда вышел к ней отвечать; как легко было отвечать, если Мозг подсказывал, что говорить, едва Витя делал малейшую паузу; и, наконец, как это было приятно, когда в ведомости появилась пятерка — первая за весь этот тяжелый и ответственный экзаменационный период. Пятерка, которая станет для родителей несомненным семейным праздником.

Вспомнив о родителях, Витя спохватился. Вскочив с места, он кинулся к будке телефона-автомата, стоявшей возле школьных ворот, и позвонил маме в библиотеку. Взволнованный Витин рассказ на другом конце провода был воспринят именно так, как этого следовало ожидать. От радостных маминых интонаций мембрана завибрировала так, что Вите даже пришлось слегка отстранить трубку от уха. Выслушав все, что сказала мама, Витя повесил трубку на рычаг и некоторое время зачем-то смотрел на старенький и потертый телефонный диск.

Человека, только что лучше всех из класса сдавшего физику, вдруг снова кольнула совесть. Причиной Витино успеха был не он сам, а Мозг, аккумулировавший в себе множество самых разнообразных знаний, и в том числе обширные знания по физике. Путь к успеху был, следовательно, не очень-то честным. Не снимая трубки с рычага, неожиданно для себя самого, Витя вдруг набрал зловеющий пожарный номер 01 и послушал, как в тишине будки долго замирает жужжание диска.

Потом он вышел из будки и шагнул на асфальт. Толчок совести был мимолетным и почти незаметным, совесть куда-то бесследно спряталась уже секунду спустя, вновь уступив место нестерпимой радости. В голову Вите пришло совсем другое — наверное, Мозг надо было как-то поблагодарить. Витя остановился, не дойдя до своей скамейки.

Конечно! Каким же неблагодарным надо быть, если такая мысль не пришла ему в голову сразу, едва он вышел из класса. Вместо того чтобы поблагодарить, Витя оставлял на стенде А. С. Попова легкомысленные автографы и прыгал через полосы солнца. Мозг делал для него все, что он просил, Мозгу будет приятно, если ему показать, как его ценят и как он необходим. Витя пытался найти какие-нибудь подходящие к случаю слова благодарности. Сказать хотелось очень красиво и вместе с тем точно выразить свои мысли. В голову почему-то не приходило ничего путного. «Мозг, — подумал Витя с невольной тоской, — наверняка мгновенно подсказал бы, как его лучше всего поблагодарить...»

К скамеечке с убийственной характеристикой, адресованной неизвестному Глебу, Витя вернулся, так ничего и не придумав. Он присел на самый краешек сиденья, досадуя на себя так, как только можно было досадовать в такой ситуации. На черный портфель он не мог поднять глаз.

— Ну, — добродушно поощрил баритон, — а чего бы тебе хотелось теперь?..

Витя приподнял голову. «Вот-вот, — подумал Витя, — он снова предлагает мне свою помощь, а я даже не знаю, как мне его за это благодарить...»

— Не стоит! — неожиданно сказал баритон. — Не стоит благодарностей. Я лишь делаю то, что должен.

Витя вопрошающе уставился на портфель.

— Не забывай о телепатической связи, — пояснил Мозг добродушно.

Витя облизал пересохшие губы и немного смутился.

— Вот я и говорю — благодарностей не стоит!

Черный портфель сделал паузу.

— Лучше бы мне знать, — повторил баритон секунду спустя, — в чем я могу помочь тебе теперь?..

Витя Сайкин огляделся по сторонам. В уютный школьный дворик долетал шум машин с Новопесчаной улицы. От недавно подстриженных газонов поднимался жаркий сennyй настой. Раскаленный асфальт, казалось, вот-вот прожжет подошвы. Было вполне достаточно жизненных трудностей, которые хорошо было бы разрешить. Наверняка Мозг мог легко справиться с любой. Если у Вити и были на этот счет какие-либо сомнения, после объяснения с родителями, когда Мозг продемонстрировал глубокое знание психологии взрослых, и после экзамена по физике, где Мозг был по-настоящему велик, сомнения растворились бесследно. Владельцу Мозга с колоссальным жизненным опытом позавидовал бы кто угодно.

Витя вздохнул и не очень уверенно посмотрел на черный портфель. Он встретился взглядом с невидимым взглядом Мозга и почувствовал, что взгляд полон дружеского участия и готовности немедленно прийти на помощь.

— Теперь? — переспросил Витя и слегка покраснел. — Вы говорите — теперь?

Он отвел от черного портфеля глаза.

— Понимаете, — начал Витя, робея и глядя в темно-серый асфальт под ногами. — Это началось еще задолго до того, как вы у меня появились... И до сих пор... То есть не будь вас, все бы, наверное, опять... и еще бы, наверное, долго... Короче, теперь мне бы очень хотелось...

Смущаясь и краснея, то и дело останавливаясь, Витя договорил все до конца.

4

Весело прыгая по ступенькам (гулко стучали каблучки), Верочка Лейтенантова взволнованно переживала свою только что полученную четверку. Положительная отметка досталась чудом, ценой значительных душевных издержек. Все три дня, отведенные на подготовку к экзамену, она не вставала из-за письменного стола. Труднее всего оказалось разобраться в принципе действия трансформатора, к вечеру последнего дня вопрос так и оставался открытым. Принципа не знали ни папа, ни мама. Сочувствующая бабушка дала совет — на ночь положить учебник под подушку, и сослалась на собственный полувековой давности опыт. Папа, услышав это, отверг подобное средство как пережиток и суеверие, но сказал что-то положительное о гипнопедии и обучении иностранному языку во сне. Утром, когда Верочка проснулась, учебник действительно лежал под подушкой — его, очевидно, все-таки тайком положила бабушка, дождавшись, когда внучка заснет. Пользы никакой не было. Спать на учебнике тоже было не очень удобно — всю ночь снились плохие сны. В снах Верочка

вместе с классом ходила на экскурсию на трансформаторный завод, покупала повенький трансформатор для холодильника в магазине «Электротовары» и дарила лучшей подруге в день рождения набор из нескольких трансформаторов разной величины и мощности. На экзамене она вытащила билет, второй вопрос в котором был о принципе действия трансформатора...

Верочка счастливо улыбнулась и задержала шаг. На подоконнике одного из лестничных окон расцвел красивый цветок — безукоризненной формы малиновый гиацинт. Она тронула цветок пальцами и немножко постояла у окна. Трудное время ушло в прошлое, теперь можно было позволить себе радоваться и замечать все прелести мира.

То, что произошло на экзамене с нею, можно было считать настоящим чудом. Верочка хорошо ответила на первый вопрос и с замирающим сердцем уже приготовилась обнаружить свои недостаточные знания по второму. Но в этот кульминационный момент Серафим Валентинович как-то странно махнул рукой и прервал ее на первом же слове, сразу поставив четверку. После того как Витя Сайкин, закоренелый троечник в физике, поразил всех своим блестящим ответом, с Серафимом Валентиновичем вообще стало твориться что-то странное. Ларисе Свечниковой и Аркаше Исаченкову он поставил по четверке, ни о чем их не спрашивая и даже не глядя на то, что они написали на доске. Лучшего ученика класса Алешу Андреева он, напротив, разбил в пух и в прах столь каверзными вопросами, каких никто и никогда не слышал от него ни разу в жизни. Едва-едва вытянув на троечку, Алеша был очень счастлив. Потом, словно бы почувствовав желание закончить экзамен как можно скорее, Серафим Валентинович распорядился разделить доску не на три части, а на пять, и стал спрашивать пять человек одновременно. Получилась великая и долгая путаница, учитель долго размышлял, кому какую поставить отметку, и поставил всем тройки. Потом отвечала Верочка...

В вестибюле первого этажа не было никого, кроме тети Сони. Верочка вежливо с ней поздоровалась, и тетя Соня поинтересовалась, как она сдала экзамен, — у Верочки были с нянечкой очень хорошие отношения. Нашелся человек, с кем можно было тут же поделиться всем, что переполняло душу, рассказать о странностях, происшедших в кабинете физики. Когда Верочка высказала естественное предположение, что причиной всему — феноменальный ответ Вити Сайкина, тетя Соня оторвалась от вязанья и с уважением, хотя все же и не очень доверчиво, посмотрела в окно. Проследив за направлением ее взгляда, Верочка увидела, что Витя Сайкин, виновник всего, сидит на скамейке, словно кого-то ждет. Верочка Лейтенантова вдруг почувствовала, что слегка краснеет. Вите Сайкину она должна была быть благодарной — чудо случилось из-за него! Интересно, подумала Верочка неожиданно для себя, кого это он может ждать? Завершив разговор с тетей Соней, она направилась к выходу, по пути украдкой взглянула на себя в зеркало...

...Витя Сайкин ждал уже полтора часа. За этот отрезок времени по указанию Мозга были куплены два билета в близлежащий кинотеатр «Ленинград». Фильм был очередной, умопомрачительной по отзывам, серией похождения знаменитого преступника Фантомаса. Пока Витя ходил к кинотеатру и возвращался назад, он очень робел и смущался. От предчувствия чего-то нового, неизведанного, немножко тревожно было на сердце и, кажется, участился пульс.

Девушка, которую он ждал, появилась наконец в школьных дверях, и тогда Витя, зачем-то изо всех сил сжав ручку портфеля, встал со скамейки с надписью «Глеб — козел!» и шагнул ей навстречу...

Верочка Лейтенантова, блондинка с изумрудными глазами, очень похожая на знаменитую звезду немого кино Лилиан Гиш (Витя видел по четвертой программе телевидения ее фильмы «Великая любовь», «Роман счастливой долины», «Верное сердце Сузи»), была лучшей девушкой во всей школе, во всем Ленинградском районе и даже во всем городе Москве. Ситуация, о которой, смущаясь и запинаясь, Витя поведал Мозгу, до сегодняшнего дня была такой: отношения никак не могли выйти из тесных рамок отношений сугубо учебных. Вот уже третий или четвертый месяц, с того самого момента, когда все Верочкины достоинства стали для Вити очевидны, ему хотелось бы внести в отношения целый ряд изменений — например, для начала пригласить ее в кино. Как именно подойти к застенчивой Верочке и заговорить с ней на тему, не имеющую отношения к учебе, Витя совершенно не представлял. Ничего подобного в его жизни еще не случалось. На это трудно было решиться, и к тому же было не ясно, как к этому отнесется она сама. От всего этого Витя казался себе страшно неловким и неуклюжим и ничего с собой поделать не мог. В художественной литературе никаких аналогий не было: герои, изредка испытывавшие чувства, схожие с Витиными, испытывали их, как правило, при обстоятельствах иных, и применять их тактику в школьных степях казалось нелепым и невозможным. Пожара, в котором сгорела бы вся школа и в котором Верочку Лейтенантову можно было бы спасти, рискуя собственной жизнью, и тем обратить на себя наконец ее внимание, все не было и не было. Во время туристских походов электрички, в которых передвигался десятый «А» по железнодорожным путям, никогда не терпели крушений, а лодки, в которых совершались путешествия по воде, были устойчивы и надежны. Когда Нинель Зиновьевна, классный руководитель, первого сентября рассказывала свой класс по партам, соседкой Вити Сайкина оказалась не Верочка Лейтенантова, как следовало бы, а длинная и нескладная Исидора Готпит; у Готпит был резкий, громовой голос, и она обращалась с Витей очень величественно и строго. И вот в такой, совершенно безнадежной ситуации у Вити вдруг появился Мозг, взявший на себя заботу о разрешении всех его жизненных трудностей, и можно было обра-

таться к нему с деликатнейшей просьбой — помочь пригласить Верочку Лейтенантову в кино.

То, что происходило вслед за тем, как Верочка спустилась по ступенькам на асфальт, снова было подернуто в сознании какой-то неясной дымкой. Все, что Витя мог думать или даже сказать сам, никакого значения не имело: голова до отказа вдруг наполнилась мыслями Мозга, и Витя лишь повторял то, что промышливалося ему из черного портфеля. Повторять и ни о чем не думать самому было легко и приятно, у Вити сладко замирало сердце.

Верочка остановилась в нескольких шагах от Вити и слегка покраснела. На Витю она взглянула с некоторым любопытством, и это было понятно — не каждый день Витя Сайкин потрясал преподавателей глубиной своих знаний. Очень непринужденно (слова ложились друг к другу в каких-то новых, не очень привычных Вите сочетаниях) он спросил, как она сдала экзамен. Верочка застенчиво улыбнулась и отве-

тила — экзамен она сдала на четверку. Очень непринужденно Витя сказал, что им, кажется, по пути. Верочка удивленно посмотрела на Витю и признала его несомненную правоту. Они пошли по аллее к школьным воротам, и Мозг сделал короткую передышку, видимо давая Вите возможность как-нибудь проявить себя самостоятельно. После нескольких минут тоскливого молчания — Вите не приходило в голову ни одной хоть сколько-нибудь путной фразы, которой можно было бы продолжить завязавшуюся беседу, — Мозг начал мыслить снова. Витя подробно, весело, даже не без юмора, а главное — к месту стал вдруг рассказывать забавную историю из чьей-то дачной жизни, которую Мозг почему-то приписывал ему самому. Верочка заулыбалась и стала поглядывать на Витю иначе, не так, как прежде. Тогда Мозг немедленно приказал Вите остановиться. Витя остановился и выпалил вслед за Мозгом фразу-приглашение. Самые изумрудные на свете глаза взглянули на Витю в упор. Верочка Лейтенантова вздохнула, на лице ее было написано колебание. Вслед за Мозгом Витя еще раз повторил название увлекательной кинокартины. Верочка нерешительно глянула на свои часики. Удивляясь все больше и больше, удивляясь себе самому, Витя повторил вслед за Мозгом еще несколько убедительных доводов...

В зале кинотеатра было темно и страшно. Похождения Фантомаса леденили душу и кровь. Когда, казалось, Фантомас берет верх над симпатичными положительными героями, Верочка вскрикивала от испуга и крепче сжимала крошечными пальчиками Витин локоть. Витя сидел рядом, чувствуя себя очень взрослым и очень сильным, и у него все сильнее и сильнее кружилась голова. Черный портфель с синтезированным искусственно мозговым веществом стоял на полу у Витиных ног.

По дороге к дому Верочки Лейтенантовой — по указанию Мозга выбран был самый длинный путь — Витя творчески переосмысливал некоторые сцены фильма, вкладывая в это много выдумки и юмора, подсказываемых Мозгом, отчего Верочка не переставала улыбаться.

Они долго стояли у Верочкиного подъезда, болтая о каких-то пустяках, и ежеминутно на Витю накатывались волны густого ошеломления оттого, что так легко и просто происходит все то, о чем прежде он мог лишь мечтать. Потом они наконец распрощались, и Витя пошел домой. На душе было много совершенно непонятных, неизведанных чувств, смешанных в непонятных пропорциях. Благодаря Мозгу отношения с Верочкой наконец-то сдвинулись с места; это казалось невероятным и невозможным. Но, сбивая всю эту сложную гамму чувств, в голове снова прозвучал вопрос Мозга, чем еще он может помочь, и тогда Витя стал приходить в себя.

Он шел по Новопесчаной улице, мимо в обе стороны проносились легковые и грузовые автомашины. Потом где-то вдали, за спиной, послышался слабый мотороллерный гул. Витя обернулся — мотороллер стремительно приближался. Вблизи он оказался «Вяткой», которой управлял интеллигентного вида человек в темном костюме и белоснежной рубашке. Лицо у

человека, как успел Витя заметить, было одухотворенным; к заднему сиденью мотороллера был приторочен большой черный футляр, скрывавший в себе какой-то музыкальный инструмент, скорее всего виолончель. Витя проводил виолончелиста долгим взглядом и окончательно вернулся в трезвый мир объективной реальности.

Мозг с колоссальным жизненным опытом был послан Вите самой судьбой, а главное — вовремя.

— Конечно, — вдруг страшно обрадовавшись, сказал Витя, — вы мне снова можете помочь, было бы очень здорово, если бы сейчас вы опять мне помогли...

Он еще раз посмотрел вслед стремительно исчезающему вдаль мотороллеру.

— Ведь школу я теперь кончил? — спросил Витя у самого себя и сам ответил: — Кончил! С вашей, конечно, помощью! — добавил он, спохватившись. — А раз кончил, значит теперь уже самое время...

Очень-очень надеясь, Витя стал излагать суть своей новой просьбы. Отец, Николай Васильевич Сайкин, два месяца назад неосторожно пообещал, что подарит сыну в честь окончания школы мотороллер. Вскоре после обещания отца как подменили: на все осторожные Витины разговоры о будущей «Вятке» он стал отвечать крайне уклончиво и осторожно. Симптом был очень тревожным — очевидно, Николай Васильевич, как это часто бывает с родителями, дал обещание сгоряча и, поразмыслив, не собиравшись его исполнять. Витя попробовал поделиться своими сомнениями с мамой, но та сказала, что отец совершенно прав и что мотороллер — это неминуемое лихачество, дорожная опасность и смерть под колесами. Положение было безнадежным, Витя уже махнул на мотороллер рукой. Теперь было самое время с помощью Мозга действительно напомнить об обещании снова — напомнить так, чтобы теперь у отца даже не было возможности отвертеться.

Мозг выслушал и попросил Витю подробнее рассказать об отце. Витя рассказал — отец был вечно занят на своей мебельной фабрике «Уют». Дома он тоже всегда был очень занят — беспрерывно звонил телефон, часто междугородный, и разные люди спрашивали товарища Сайкина, именуя себя заготовителями, поставщиками, подрядчиками и заказчиками; Николай Васильевич с ними говорил, уговаривал, спорил и ругался. В редкие, но выдававшиеся все-таки свободные часы отец все равно был очень занят — свободные часы целиком уходили на хобби. Результатами хобби являлись отличного качества платяные шкафы, прекрасные обеденные столы, резные стулья, столики под телевизоры и радиоприемники, тумбочки-пифоньерки и подобные же отличного качества мебельные изделия, которые отец для собственного удовольствия исполнял своими золотыми руками. Эту мебель дома уже негде было хранить, она по всякому поводу дарилась всем родственникам и друзьям...

Мозг присвистнул и с удовлетворением произнес:

— Человеческий тип ярко выражен. Очень ярко!

Витя взглянул на портфель и вдруг припомнил, что схожий случай в его жизни уже был: в восьмом классе отец точно так же однажды пообещал подарить с квартальной премии транзистор «Сокол», но вместо него вдруг купил себе набор каких-то редкостных столярных инструментов. Мозг выслушал и это, мелко рассмеялся и разразился целой серией восклицаний:

— Так я и знал! Очень ярко! Все яснее простого!

Витя смотрел на портфель с большой надеждой.

Мозг подсказал:

— Иди домой. Все, что для меня в этом деле еще не ясно, я выясню сам путем наблюдений, сравнений и сопоставлений. Помощь обещаю!

Витя радостно встряхнул портфель и полетел домой как на крыльях.

6

От мебельной фабрики «Уют» до Седьмой Песчаной улицы в оживленное вечернее время троллейбус шел ровно десять минут, рабочий день кончался в шесть...

В половине седьмого Николай Васильевич Сайкин вышел из фабричных ворот и зашагал к троллейбусной остановке. От многих забот голова, как всегда, продолжала идти кругом. Но в шесть часов тридцать пять минут (троллейбус в этот момент сделал остановку на большой оживленной улице) Николай Васильевич усилием воли прекратил все еще мелькающий перед мысленным взором калейдоскоп рабочей дневной суеты и подчинился заведенному с некоторых пор порядку. Порядок заставил его подняться с места, увлек на тротуар и понес по улице сквозь энергичную по-вечернему толпу пешеходов. Волнение нарастало в душе привычным крещендо. Перед витриной магазина «Комиссионный» оно достигло апогея, и тогда Николай Васильевич резко остановился, нетерпеливо нашел взглядом один из витринных предметов и облегченно перевел дух: ничего за истекший день не изменилось!

От шести часов сорока минут до без десяти семь начальник цеха секционной мебели зачарованно стоял на месте, в который уже раз любуясь предметом. Потом он тихонько вздохнул, наконец отвернулся от витрины и уже не спеша пошел к следующей по направлению к дому троллейбусной остановке. У Николая Васильевича был вид человека, в душе которого происходит напряженная внутренняя борьба.

Когда троллейбус подвез его к дому, часы показывали начало восьмого. Все еще сохраняя на лице признаки внутреннего разлада, Николай Васильевич вошел в свой подъезд, поднялся на лифте на пятый этаж и стал искать в кармане пиджака ключ.

Перешагнув порог, он остановился, слегка озадаченный. По квартире распространялся характерный аромат свежего домашнего торта, неоспоримый признак какого-то важного семейного события. Застыв на месте, Николай Васильевич добросовестно порывлся в памяти и, не вспомнив ничего, стал прислушиваться. С кухни доносились оживленные голоса жены и

сына, слово «экзамен» повторилось несколько раз подряд. Тогда Николай Васильевич, спохватившись, посмотрел на часы, и выкладка, тотчас же произведенная в уме, подтвердила — налицо было почти часовое против обещанного времени опоздание. Час в подобный день было много: ничего хорошего из опоздания выйти, конечно, не могло.

Не теряя больше времени, Николай Васильевич поспешил на кухню. Во второй половине дня, несмотря на катастрофический водоворот дел, он сумел все-таки позвонить домой и узнать из разговора с женой, что сын Витя сдал последний школьный экзамен на пятерку. Телефонный разговор завершился тем, что жене дано было твердое обещание хоть сегодня не задерживаться на работе и прийти домой вовремя: надо было оказать помощь в подготовке к семейному торжеству по поводу окончания сыном средней школы. Но уже несколько минут спустя обещание, конечно, было бесследно вытеснено из головы: вдруг выяснилось, что несколько образцов секционной мебели срочно требовались для какой-то международной мебельной выставки и Николай Васильевич должен был принимать оперативные меры. Обстоятельства срочности и неотложности этого важного служебного дела для объяснениягодились; долгу остановку у комиссионного магазина и медленную пешеходную прогулку в этот раз целесообразно было от жены скрыть...

Николай Васильевич осторожно отворил кухонную дверь и оценил обстановку. Подготовка к семейному торжеству, кажется, приближалась к завершающей фазе. Конфорки плиты уже едва тлели, наделая расставленные на них сковородки и кастрюли последними, завершающими кулинарный процесс тепловыми калориями. Аккуратно были вскрыты все консервные банки, стоящие на столе, ровными ломтиками нарезан хлеб. Сам виновник события, опоясанный пестрым передником, делал последние усилия, сбивая в кастрюле крем для торта. Николай Васильевич переступил кухонный порог и приготовился объясняться.

Ситуация знакома была до боли. Задерживаться на фабрике из-за обилия дел, к неудовольствию жены, приходилось не раз — тактика оправдательного поведения в общем виде была отработана множеством частных случаев. Осторожно кашлянув, Николай Васильевич бодрым голосом сказал: «Ого!» (масштабы праздника и в самом деле были значительны) и не очень уверенно погладил сына по голове. Тем же бодрым голосом он произнес несколько соответствующих случаю поздравительных слов (сын смущенно поблагодарил). Виновата опустил глаза, чувствуя на себе взгляд жены (она регулировала пламя духовки), Николай Васильевич, тщательно подбирая слова, стал рассказывать о международной мебельной выставке и оперативном совещании лучших мастеров цеха. Кончив рассказ, он поднял глаза и посмотрел жене прямо в лицо. Ответный взгляд был неодобрителен умеренно. Николай Васильевич перевел дух (сегодня у жены было отличное настроение) и с легким сердцем спросил, чем он может помочь.

Все действительно обошлось благополучно. Умеренно неодобрительным голосом жена велела дожидаться ужина в столо-

вой. Николай Васильевич с безразличным видом пожал плечами и затворил за собой кухонную дверь. Опыт подсказывал, что если у жены и осталось еще недовольство, оно затаилось где-то в самой глубине души и при правильном, осторожном поведении молния не должна была сверкнуть.

В столовой, где фантастическим, невероятным великолепием сверкал накрытый праздничный стол, Николай Васильевич опустил на диван и полез во внутренний карман пиджака. Несколько минут, остающихся до праздничного ужина, можно было с пользой употребить на то, чтобы внимательно просмотреть составленный мастерами список необходимых для выставочных изделий дефицитных материалов, которые уже завтра надо было где-то доставать во что бы то ни стало. Николай Васильевич перечитал список и позволил себе чуть-чуть пометчать. Некоторые, самые тонкие детали для образцов секционной мебели он мог бы попробовать сделать сам. Да, этот вопрос был решен. Задача, правда, осложнялась тем, что вдобавок к тонкости изготовления детали надо было отлично, безукоризненно, необыкновенно отполировать. Николай Васильевич прерывисто кашлянул. В витрине комиссионного магазина уже три недели был выставлен бог знает как туда попавший портативный японский полировальный автомат. Сложное и очень дорогое устройство полностью освобождало мастера-полировальщика от обычной ручной работы, одновременно наделяя изделие божественным, фантастическим качеством полировки. Такой автомат был насущной необходимостью, теперь в этом отпали последние сомнения. Сегодня он еще был на витрине — охотников на него, к счастью, почему-то не находилось. Николай Васильевич мечтательно прищурился: он представил, как завтра — остался один день! — получит большую премию за перевыполнение и качество, прямо в обеденный перерыв сядет в троллейбус... Но тут же он представил лицо жены. Сумму, необходимую для того, чтобы стать владельцем сказочного автомата-полировальщика, с тяжелым сердцем он повторял вслух. Душу продолжал терзать ожесточенный разлад. Он еще раз, покачивая головой, вслух назвал сумму...

Николай Васильевич Сайкин не подозревал, что в углу комнаты, между сервантом, сделанным его собственными руками, и большим креслом, тоже сделанным им самим, спрятанный в черный школьный портфель, лежит искусственный Мозг, умеющий наблюдать и слушать, — Мозг, успевший уже настроиться на его телепатическую волну и легко читающий каждую его мысль...

7

...Торт, испеченный мамой, Витя жевал почти без удовольствия. Только что из своего угла Мозг промыслил, чтобы Витя приготовился, и с замиранием сердца Витя стал ждать, что вот-вот снова зазвучит ставшая уже совсем привычной мысленная подсказка.

Отец в который раз разливал по бокалам ярко-желтый

апельсиновый сок. От косых лучей вечернего солнца бокалы казались заряженными электричеством, от них наэлектризовывалась вся окружающая обстановка.

Последовала еще одна поздравительная речь. Родители говорили наперебой, в этот раз желая Вите таких же успехов в дальнейшей его учебе в вузе. Говорил больше отец; при этом он почему-то смотрел не на Витю, а на жену, словно бы учиться дальше собиралась именно она. Потом все выпили соку, и строгая Витина мама, поставив пустой бокал на стол, продолжила мысль, прерванную поздравительной речью.

— Виктор, — сказала она категорическим тоном, — теперь ты должен два или три дня как следует отдохнуть в другой обстановке, не думать ни о каких экзаменах. Голова должна побыть в покое. Я полагаю, лучше всего тебе завтра же уехать на дачу. Там — чистый воздух и умеренный физический труд...

Витя напряженно ждал. Слова проходили мимо, почти не задевая сознания. Мозг все еще ничего не подсказывал. Мама немного подумала. Витя видел ее насквозь — теперь должно было последовать какое-то очередное трудовое задание: еще одна грядка под клубнику, глубокая канава или возврат покосившегося забора в строго вертикальное состояние. Во всем, что касалось Витино воспитание, мать была человеком строгим и неизменных принципов; лучшим отдыхом, по ее мнению, являлся умеренный физический труд.

Мама еще немного подумала. Сомнений не было никаких — сейчас перед ее мысленным взором стоял весь садовый участок № 18, и она перебирала в уме все его недостатки и недочеты, выбирая тот, что соответствовал моменту больше, чем остальные.

— Только вот что, — сказала наконец мама, — на даче придется кое-что выполнить.

Витя поднял голову. У мамы, конечно, было доброжелательно-непреклонное лицо — такое, как и всегда в те минуты, когда она выдавала очередной наряд на работу.

— Виктор, — сказала мама, — на даче у нас кончается керосин. Без керосина ты сам же не сможешь там жить. Тебе придется несколько раз сходить с канистрами на станцию. Ничего, кроме пользы, тебе это не принесет.

Витя безропотно кивнул и продолжал ждать. Мозг все еще ничего не подсказывал. От его молчания, от гнетущей пустоты в голове Витя переживал все сильнее и сильнее. Очень хотелось стать владельцем новенького, пахнущего резиной и краской мотороллера. Представив, как он мчится на мотороллере вместе с Верочкой Лейтенантовой, замирающей от повышенной скорости, Витя даже бросил нетерпеливый взгляд в ту сторону, куда заблаговременно положен был черный портфель, и в этот самый момент послышалась долгожданная подсказка.

Все, что было вокруг, вдруг снова смешалось в каком-то невообразимом хаосе. Бешено закрутился водоворот событий, и снова в этих событиях участвовал не сам он, Витя Сайкин, а кто-то другой, отобравший у него мысли и голос.

Сначала Витя пожаловался маме, что трудно ходить на станцию за керосином по такой жаре, какая стоит все эти

последние дни. Мамино лицо было по-прежнему доброжелательно-непреклонным, она заметила что-то о воспитательной силе труда и об огромной пользе, которую он приносит молодому, растущему организму. Витя на это сказал: «Вот если бы...» — и замолчал, потому что Мозг подсказал именно так, не договорив фразу до конца. Мама взглянула на Витю, и лицо ее стало вопрошающим. Витя напомнил маме, что отец давно уже обещал подарить ему после окончания школы мотороллер, и теперь, раз школа окончена... Мозг сделал паузу. Мама строго переспросила: «Опять мотороллер? Но ведь уже ясно...» Не дав ей досказать, Витя стал говорить дальше: Пете Иванову (имя было Вите совершенно незнакомо) родители подарили мотороллер даже после седьмого класса, а Петя учился на одной тройки и, кроме того, чуть ли не два раза оставался на второй год. Мама сказала, что родителям этого Пети Иванова, должно быть, абсолютно все равно, будет ли их сын благополучно здравствовать или погибнет под колесами, и что лично она отличается от них принципиально. Дальше Витя выслушал небольшую речь, в которой мама всячески выгораживала папу, убеждая Витю в том, что он дал обещание не в прямом смысле слова, а лишь думая о том, какой подарок за окончание школы подарок, назвал мотороллер в качестве одного из примеров, вовсе на нем не заостряя внимания, и что Витя хорошо должен был это понять. У отца во время этой речи был очень довольный вид, он внимал жене и согласно кивал.

Мозг подсказал Вите сделать вид, что будто он все понял, и посидеть некоторое время с безразличным лицом. Витя, как умел, сделал безразличное лицо и стал ждать, что же будет дальше. Мозг вдруг подсказал совсем неожиданное: просто-душно спросить у отца, по какому принципу работает тот японский полировальный автомат, который он с таким вниманием всегда рассматривает в витрине комиссионного магазина? Витя спросил, и разговор принял совсем иной оборот.

Лицо Николая Васильевича Сайкина мгновенно приобрело другое выражение. Очень робко и растерянно он посмотрел на Витю, а потом на жену и сказал что-то неуверенное об установившейся всерьез и надолго прекрасной погоде. Мама подозрительно подняла голову и поинтересовалась, что это за автомат. Папино лицо все пошло красными пятнами, он заерзал на стуле и, нервно посмеиваясь, стал переводить разговор на другую тему. Мама обратилась с тем же строгим вопросом к Вите, и, повторяя подсказку, Витя выпалил, что вот уже несколько дней подряд он каждый вечер встречал отца возле витрины одного комиссионного магазина; каждый раз папа настолько пристально разглядывал выставленный там какой-то японский полировальный автомат, что не замечал ничего на свете и даже не реагировал на Витины попытки вывести его из этого состояния, и вообще, кажется, не обращал на сына никакого внимания. Николай Васильевич вздрогнул и очень широко открыл глаза. Витя выпалил, что больше всего его поразила цена прибора — он стоял примерно столько же, сколько мотороллер...

Мамино лицо тоже теперь изменило выражение — у нее скорбно сошлись на переносице брови и на мгновение сурово сжались губы.

— Ах, вот что! — сказала она горько. — Значит, он даже не обращает внимания на сына! Значит, теперь ему понадобился еще и полировальный агрегат. А я-то думала, а он...

Возникла очень долгая пауза.

— Ну, конечно, — продолжала мама, — до сына ли ему, если у него перед глазами этот агрегат!..

— Но, Таня, — тусклым голосом попробовал сказать Николай Васильевич, — я ведь действительно даю тебе честное слово...

— Нет, ему не до сына! — повторила мама. — И не до семьи! Его интересует только дерево! Это его вечное дерево! Мало того, что из-за дерева семья его совсем не видит, он стругает и дома, дома полно опилок и стружек...

— Но, Таня... — начал отец снова.

— С каждой зарплаты, с каждой премии он тащит домой какие-то рубанки, фуганки, лобзики, а теперь еще...

— Но, Таня... — начал Николай Васильевич в третий раз голосом, потускневшим вконец, он умоляюще посмотрел в сторону Вити.

— Что, Таня? — горько переспросила мама. — Ну что, Таня? Что?..

Витя ошалело сидел за столом, он совершенно не представлял, как себя дальше вести и что делать. Мозг молчал. Сцена, происходящая на Витиных глазах, не имела в его жизни никаких аналогий. Причины, доведшие родителей до крупного разговора, были совершенно не ясны. Непонятно было, о каком приборе вдруг завел разговор Мозг и какой из всего этого должен был вытечь результат.

События между тем закручивались еще стремительнее и энергичнее. Горькие интонации в мамин голос вдруг исчезли, голос зазвенел, и, не глядя на мужа, мама сказала:

— Виктор! Будь добр на несколько минут нас оставить!

Витя выскочил из комнаты и в коридоре стал переживать все происходившее. За плотно прикрытой дверью разговор накалялся, и обрывки его уже начинали долетать в коридор. В основном говорила мать, отец лишь изредка вставлял в разговор по слову. Обрывки были такие: «Подумать только, полировальный автомат ему понадобился...»; «И вместо того, чтобы...»; «В семью ничего... ничего...» — «Но, Таня, мы разве...» — «Уж лучше действительно подарить ребенку...»; «Съездить за керосином... польза...» — «Таня, я в самом деле...» — «Одно и то же каждый месяц...»

Потом разговор за дверью стал утихать, паузы становились все длиннее. Наконец дверь распахнулась, отшвырнув в сторону темно-серого кота Фустера, тоже прислушивавшегося к разговору с жадным любопытством, и смятенный Витя увидел маму. Родители, очевидно, постепенно пришли к какому-то соглашению.

— Виктор, — у мамы был немного усталый и знакомо воспитательный голос. — Виктор, ты должен мне сейчас обещать... Обещаешь?

В голове молнией пронеслась подсказка — Мозг, очевидно, не терял бдительности ни на секунду. Витя послушно повторил: — Обещаю!

— На мотороллере ты будешь ездить только на даче и, в самом крайнем случае, по тихим московским улицам.

Витя смотрел на мать и все еще ничего не понимал.

— Виктор, — твердым голосом сказала она. — Завтра отец купит тебе мотороллер. Именно завтра! — повторила она и почему-то оглянулась на дверь. — То, что обещано, надо всегда выполнять!

Теперь у мамы был очень принципиальный вид. Секунду помолчав, она поставила дополнительные условия:

— На даче ты будешь ездить за керосином, в магазин на соседнюю станцию и еще за молоком в колхоз...

Очень принципиальной походкой мать снова ушла в столовую, опять послышались голоса. Витя стал разбираться в своих чувствах. От только что пережитого кружилась голова, все, что произошло, казалось каким-то фантастическим сном. По-прежнему не совсем ясна была и последовательность событий, приведшая к желанному результату, — Мозг должен был дать подробные объяснения. Еще трудно было свыкнуться с мыслью, что вопрос о мотороллере действительно счастливо разрешен — принципиальная мама в отличие от своего мужа решений, какими бы они ни были, еще ни разу не отменяла...

Из соседней комнаты до Вити долетел мысленный вопрос Мозга: чем он еще может помочь? Витя вдруг снова представил себя на мотороллере вместе с Верочкой Лейтенантовой, и у него знакомо, очень сладко забилося сердце. Только что пережитое, непонятное вмиг стало казаться далеким воспоминанием. Драгоценный, бесценный, божественный Мозг утром следующего дня снова должен был прийти Вите на помощь!

8

Верочка Лейтенантова переложила большую хозяйственную сумку из одной руки в другую и остановилась. На противоположной стороне улицы светофор все еще предупреждал пешеходов строгим огненным словом: «Стойте!» Но потом вспыхнуло зеленое слово «Идите!», Верочка перешла улицу по пешеходной дорожке и вновь поменяла сумку в руках. В сумке лежали две пачки лапши, кило риса, пачка соли «Экстра», два батона белого хлеба, четыреста граммов голландского сыра, двести граммов масла и стояли три бутылки с молоком и кефиром — в списке, составленном бабушкой, не был, кажется, пропущен ни один пункт. Сумка была очень тяжелой, но до дома теперь оставалось не так уж и далеко. Верочка шла по тротуару и время от времени перекладывала сумку из одной руки в другую; вместе с этим почему-то менялось и направление течения мыслей.

Сначала мысли были направлены в сторону учебных забот. До первого конкурсного экзамена в Институте иностранных языков оставалось тридцать четыре с половиной дня, и пора уже было проявлять целеустремленность — начинать готовиться всерьез. В школе у Верочки были по англий-

скому одни пятерки, но на серьезных вступительных экзаменах можно было, конечно, столкнуться со всяческими неожиданностями. Во избежание их, начиная уже с сегодняшнего дня, языком было намечено заниматься по четыре часа ежедневно, включая и субботы, и воскресенья.

Верочка переложила сумку из правой руки в левую, и мысли стали течь в направлении школьного выпускного вечера. До экзаменов было еще далеко, вечер — через два дня. Дома в шкафу висело новенькое, с иголочки, сшитое бабушкой нежно-голубое платье, которое все время так и хотелось надеть и встать в нем перед зеркалом. К платью полагались новые белые туфли на модном каблучке, и еще надо было сделать новую прическу. Прическа уже была выбрана в потрясающем альбоме французских образцов, который был подарен лучшей подруге ее отцом, капитаном команды стрелков из лука, побывавшей недавно в Париже; оставалось только утром накануне бала пойти в парикмахерскую и стать красивой, как в альбоме.

Верочка переложила сумку из левой руки в правую, и мысли вдруг повернули совсем в другую сторону. Сначала Верочка неожиданно для себя подумала о том, что может делать в настоящий момент ее одноклассник Витя Сайкин, и почувствовала, что краснеет. С Витей Сайкиным она вчера ходила в кино, воспоминания об обстоятельствах этого события вдруг всплыли так охотно, словно все время держались наготове. Никогда прежде никто из мальчиков Верочку в кино не приглашал. Она почувствовала, что краснеет еще сильнее, и попыталась прогнать эти мысли прочь. Мысли не исчезали, а, наоборот, становились все назойливее. Верочка снова переложила сумку из одной руки в другую, но смены направления течения мыслей в этот раз почему-то не произошло. Вздохнув, Верочка перестала с собой бороться и проследила за новым направлением до конца.

Течение мыслей получилось таким: в самой глубине Верочкиной души (Верочка не хотела признаваться в этом даже себе самой) Витя Сайкин, очевидно, уже и до этого выделялся среди мальчиков десятого «А». В последнее время Верочка не раз замечала, что он поглядывает на нее как-то странно, словно все время хочет ей что-то сказать. Чувствовать на себе подобные взгляды (Верочка все-таки себе в этом призналась) было приятно и немного страшно. Однако до вчерашнего дня Витя так ни разу к ней и не подошел. Вчера с ним словно что-то случилось. Сначала этот фантастический ответ на экзамене. Потом — приглашение в кино. Приглашение, очевидно, оставило в ее душе след, дальше, вероятно, должны были произойти еще какие-то события...

Верочка снова вздохнула и взяла сумку в правую руку. Сумка была нестерпимо тяжелой, воздух, несмотря на утренний час, был горячим от солнечных лучей. Верочка подняла голову и смерила взглядом расстояние, оставшееся до ворот ее дома. Краска на ее лице теперь выступила совершенно явственно. Навстречу, размахивая своим черным портфелем, быстро приближался к ней Витя Сайкин, мальчик, выделявшийся среди всех остальных в десятом «А»...

...По улице, где жила Верочка Лейтенантова, Витя ходил взад и вперед, не очень удаляясь от ее дома. Как утверждал Мозг, это неминуемо должно было кончиться встречей. По предположению Мозга, долго усидеть в такой день дома было попросту невозможно. Мозг со своим колоссальным жизненным опытом утверждал, наконец, что родители или бабушка обязательно пошлют Верочку в магазин и в этом случае она тоже неминуемо выйдет из дома. Мозгу можно было поверить — теперь в этом не оставалось уже ни малейших сомнений.

Встретиться с Верочкой Лейтенантовой хотелось очень. С ней хотелось поделиться огромной радостью, что сегодня будет подарен мотороллер «Вятка». На лучшую девушку Москвы просто хотелось смотреть и хотелось с ней говорить. Но до школьного вечера оставалось еще целых два дня, и надо было изобрести способ увидеть ее как можно скорее. Способ, конечно, подсказан был Мозгом.

Мозг не ошибся — уже через двадцать минут после того, как Витя пришел на улицу, чтобы ходить по ней взад и вперед, Верочка Лейтенантова с большой хозяйственной сумкой стала возвращаться домой из магазина. Витя снова ощутил, как у него внутри все замирает от нахлынувших сразу неведомых чувств, и пошел ей навстречу, делая, по подсказке Мозга, вид, будто бы он оказался здесь совершенно случайно.

Все, что происходило дальше, опять происходило словно бы с кем-то другим. Мозг не выпускал Витю из-под своего контроля ни на секунду. Витя поздоровался с Верочкой, сразу же взял у нее тяжелую хозяйственную сумку и вызвался помочь донести ее до ступенек подъезда. Верочка вдруг смутилась и робко спросила у Вити, куда он идет. Мозг подсказал, что Витя гуляет, и от этого Верочка вдруг смутилась еще сильнее и неуверенно стала говорить, что ей очень неудобно и что Витя теряет свое время. Мозг пресек ее неуверенные слова тем, что начал веселый и непринужденный разговор о вчерашнем фильме, о вчерашнем экзамене и будущем вечере. Беседы хватило как раз на путь до подъезда, но Верочка, остановившись возле его ступенек, кажется, не очень спешила взять свою сумку и попрощаться. Беседа принимала все новые и новые направления, Витя рассказал наконец, что родители дарят ему мотороллер «Вятка», и пригласил Верочку покататься, когда он научится водить. Потом Мозг заговорил на тему конкурсных экзаменов в институт. Верочка с очень заметным сожалением сказала, что бабушка, пославшая ее в магазин, наверное, совсем уже заждалась. Мозг подсказал еще одну тему для разговора. Верочка Лейтенантова вдруг покраснела совсем уж сильно (в упор на Витю глянули самые изумрудные на свете глаза) и смущенно сказала: может быть, Витя зайдет к ней в гости, познакомится с бабушкой? Мозг подсказал согласиться, и, замирая от этого неожиданного развития событий, вслед за Верочкой Лейтенантовой Витя шагнул в прохладную глубь подъезда...

Верочка жила на четвертом этаже, в квартире номер двадцать семь. Дома у Верочки была одна бабушка, Аглая Родионова, оказавшаяся очень доброй и симпатичной старушкой. Увидев, что внучка вернулась домой не одна, а вместе с одноклассником, который случайно встретился на улице и помог донести до дома тяжелую сумку, она очень, кажется, обрадовалась и стала осыпать Витю разными благодарственными словами; у бабушки был мягкий и певучий выговор, некоторых слов Витя не понимал, и Мозг наскоро объяснил ему, что бабушка, вероятно, прежде долго жила на Украине. Мозг подсказал Вите, что бабушке ответить, а потом вдруг промыслил какую-то полупонятную фразу, очевидно на украинском языке. Витя, недоумевая, ее повторил, и тогда бабушка заулыбалась совсем уж приветливо, сказала еще что-то, и Витя

тоже ответил ей этими же не очень понятными словами. Бабушка, Аглая Родионовна, вдруг стала выглядеть так, как будто Витя сказал ей что-то особенно приятное, очень засуетилась и стала ставить чайник, накрывать на стол и доставать большие банки с домашним вареньем. Верочка все это время смотрела на Витю широко раскрытыми глазами, и у нее был очень растерянный вид.

В следующие полчаса Витя, Верочка и бабушка пили чай. Аглая Родионовна то и дело подкладывала Вите варенье и заставляла его пить одну большую чашку за другой. Верочка, смущающаяся и застенчивая, сидела прямо против Вити, тихо помешивала ложечкой чай и прислушивалась к разговору, который вели Витя и бабушка. Потом, когда Витя уже выпил четыре чашки, Мозг подсказал, что пора благодарить и прощаться, и бабушка взяла с Вити твердое обещание, что он еще не раз зайдет к ним в гости. Смущенная вконец Верочка пошла провожать Витю в коридор. В коридоре Мозг вдруг пригласил ее пойти завтра вечером погулять. Верочка обрадованно ойкнула и сказала, что это будет очень хорошо, потому что как раз завтра вечером она собиралась выполнить ответственное поручение родительского комитета — купить к выпускному вечеру цветы в подарок учителям, — и будет рада, если Витя ей в этом поможет. Мозг подсказал: в пять часов у школьных ворот. Кивнув, Верочка опустила глаза. Мозг подсказал попрощаться. За Верочкой Лейтенантовой медленно, словно нехотя, закрылась дверь с номером двадцать семь. Еще несколько мгновений Витя стоял неподвижно, осмысливая все, что произошло. Отношения продолжали развитие. На завтра, с помощью Мозга, было назначено первое, по сути дела, настоящее свидание. От этой мысли хотелось запеть какую-нибудь хорошую песню. Но Мозг уже привычно спрашивал, чем еще он может помочь, и, вздрогнув, Витя стал смотреть на часы. Стрелки приближались к тому положению, при котором на мебельной фабрике «Уют» начинался обеденный перерыв. Отец должен был потратить перерыв на то, чтобы исполнить свое обещание...

— Можешь, — сказал Витя, вдруг неожиданно для себя самого действительно переходя с Мозгом на «ты». — Папа должен скоро привезти домой мотороллер, он обещал днем, потому что вечером у него на работе какое-то важное заседание... Теперь мне бы очень хотелось... наверное, тебе будет нетрудно... Короче, помоги мне научиться водить мотороллер как можно быстрее...

Ровно в два Николай Васильевич вкатил во двор новенькую оранжевую «Вятку». Витя, подкарауливавший эту сцену на балконе, даже подпрыгнул от удовольствия и, кубарем скатившись по лестнице, очутился внизу в мгновение ока; привычным уже движением он успел подхватить портфель с Мозгом. Николай Васильевич, хмурый и не очень раз-

говорчивый, передал подарок Вите с рук на руки, сказал, чтобы Витя ни в коем случае не пробовал на нем ездить, а немедленно отвез домой, и сразу же ушел на работу, к своим многочисленным делам. Витя с нетерпением проследил, как он скрывается в арке, а потом, замирая от восторга, стал разглядывать чудесный и долгожданный подарок как следует и со всех сторон.

От мотороллера исходил чудесный аромат свежей резины и краски. Его плавным линиям должны были завидовать гопочные автомобили. Маленькие, туго накачанные колеса были рождены на свет для того, чтобы под ними стремительно разворачивались линии бетонированных автострад. Педали, ручки управления манили к себе. Витя чуть сдвинул мотороллер с места, и шины зашуршали по асфальту мягким, приятным шорохом.

Вокруг мотороллера и Вити мигом выросла толпа восхищенных ребят младшего и среднего школьного возраста. Дворник дядя Коля, поливавший из шланга газон, обернулся на шум голосов и нечаянно стал поливать белье, вывешенное кем-то для просушки. Сосед-кинорежиссер, ремонтировавший свою престарелую «Победу», вылез из-под нее, весь перепачканный маслом, и стал смотреть на Витю с сочувствием коллеги. Потом с одного из балконов послышался нервный женский голос, называвший дядю Колю хулиганом и велевший ему немедленно прекратить. Сосед из-под «Победы» между тем, раздвинув стену ребятишек, подошел к Вите вплотную, неожиданно, как равный, поздоровался с ним за руку и, склонившись над двигателем «Вятки», заговорил языком каких-то полупонятных технических терминов. Но Мозг уже снова управлял Витей, и Витя, не ударив лицом в грязь, поддержал беседу на должном уровне. Слова «карбюратор», «свеча», «магнето» слетали с языка словно сами собой. Во взгляде соседа уважение проявлялось все больше и больше. С мотороллера «Вятка» разговор естественным путем перешел на автомобили, обсуждались достоинства разных моделей и их тонкости. Было видно, что сосед чувствует себя в начатом им же разговоре все менее и менее уверенно. Когда Витя задал ему какой-то вопрос, касавшийся двигателя «Победы», кинорежиссер вдруг не смог на него ответить, страшно сконфузился, скомкал беседу и смущенно уполз под свою машину.

Мозг подсказал повернуть бензокраник, и Витя повернул. Толпа ребятишек почтительно расступилась, освобождая мотороллеру путь. Витя услышал распоряжение нажать кик-стартер, сесть в седло и поставить портфель к себе на колени так, чтобы его зрительные отверстия были обращены вперед. Витя сел (очень мягко, приятно пружинило сиденье). Потом Мозг рассказал, как выжать сцепление. Витя выжал сцепление, убрал ноги с земли, и мотороллер, взревев двигателем, рванулся с места.

Удерживать равновесие оказалось нетрудно — точно так же, как и на велосипеде. Мотороллер ехал очень медленно — Мозг указывал, до какого предела повернуть ручку газа. Витя учился владеть рулем. Владеть рулем тоже оказалось несложно — мотороллер послушно сворачивал то в одну, то в дру-

гую сторону, и Витя свикался с ним все больше и больше. Не меняя скорости, он сделал во дворе полный круг. Потом Мозг подсказал, как переключить скорость, и одобрил то, как Витя это исполнил. Мотороллер поехал быстрее. Витя чувствовал себя на нем все увереннее и увереннее. Управлять «Вяткой» оказалось совсем просто; к тому же в случае малейшего промаха Мозг немедленно должен был прийти на помощь и подсказать, куда повернуть руль или ручку газа. На десятом витке вокруг двора Витя включил третью скорость, и мотороллер полетел как птица.

Встречный ветер сразу стал тугим, как натянутое полотно. Окружающие предметы, еще секунду назад имевшие привычные четкие формы, превратились в сплошную размытую дымку. На новеньком спидометре замелькали первые цифры. Витя крутил по двору один круг за другим, сердце замирало от этого неизведанного еще упоения скоростью, и ему казалось, что мотороллер стремительно мчит его к множеству новых свершений. С помощью Мозга Витя мгновенно и без труда поступал в любой выбранный им институт и легко становился лучшим студентом; все курсы он кончал с отличием, а потом, с помощью безотказного Мозга, становился известным ученым, лауреатом многих премий и академиком. С помощью Мозга можно было добиться всего, совершенно неясно было, как Витя мог жить без него все предыдущие годы и что случилось бы в его жизни дальше, не произойди на площади перед вокзалом этого счастливого обмена чемоданами. На секунду Витя даже представил, что чемодан с Мозгом мог попасть к кому-то другому, и тут же отогнал такую мысль прочь...

Только что было получено новое подтверждение того, что Мозг мог разрешить любую встающую перед Витей жизненную задачу — с его помощью легко и просто было освоено искусство вождения. Но двор все-таки, несмотря на свои большие размеры, для такой скорости был тесноват. На очередном витке Витя свернул в арку, пересек улицу и оказался в соседнем дворе. Здесь оказалось больше места, но нельзя было ездить по кругу — ремонтировалась часть асфальтового покрытия. Перед забором, ограждавшим район ремонтных работ, Витя затормозил и несколько минут стоял здесь неподвижно, только переводя дыхание. Все существо продолжало требовать этой бешеной скорости, прерванной в самом ее разгаре. Рядом проходила улица, по которой можно было промчаться на самом пределе, машины по ней ездили не очень часто. Мозг пока молчал. Витя, развернувшись, снова вырулил к арке, выехал на улицу и дал полный газ; под колеса стремительно понеслась гладкая темно-серая лента. Мозг, немедленно начавший мыслить снова, настойчиво приказывал сейчас же возвращаться во двор, потому что мотороллер не зарегистрирован Госавтоинспекцией, у Вити еще нет прав и поэтому могут быть осложнения с милицией. Витя с большим трудом преодолел инерцию сознания и сбросил скорость. Развернувшись, он собрался не спеша поехать назад. Прямо перед ним, всего в нескольких метрах, точно так же, синхронно, разворачивался тяжелый милицейский мотоцикл, и мили-

ционер в чине сержанта, слегка привстав в седле, пальцем манил Витю к себе...

Вите сразу стало очень не по себе — сбылись самые худшие опасения Мозга. И пока еще не было рядом грозного сержанта, Витя наклонился к черному портфелю и испуганным шепотом взмолился о помощи.

— Помоги, — прошептал Витя, — наверное, можно сделать так, чтобы все обошлось... Наверное, тебе это будет не очень трудно...

11

Сержант, оказавшийся строгим и неразговорчивым, толкнул тяжелую дверь, отошел в сторону и пропустил задержанного вперед. Витя перешагнул порог и робко стал осматриваться. Отделение представляло собой канцелярского вида помещенье, разделенное на две неравные части деревянным барьером. По дальнюю сторону барьера за служебным столом сидел подтянутый, аккуратный человек в серой милицеской рубашке с галстуком. Человек, очевидно, был центром всех происходящих в отделении дел. Сейчас он строго смотрел поверх барьера на сидевшую перед ним на жесткой скамейке старуху с клеенчатой хозяйственной сумкой на коленях и усталым голосом проводил с ней воспитательную работу. Старуха на все воспитательные слова судорожно мотала головой и все время пыривалась вставить в разговор что-то свое.

Из-за барьера отрывисто доносилось:

— На старости лет... Ведь вы с тысяча восемьсот девяносто третьего года... От ваших сплетен и склок... Гражданка Захарова, стыдно!..

В дальний угол отделения было страшно смотреть. Там на фоне огромного плаката с надписью «Они нарушали общественный порядок!» и несколькими десятками фотографий двое милиционеров младших чинов держали под руки высокого растрепанного человека в распахнутом пиджаке, под которым не было ничего, кроме красной линялой майки; вырез майки открывал татуированную надпись «8:0 в нашу пользу». Дождавшись, очевидно, своей очереди побеседовать о чем-то с дежурным, человек пока что время от времени безуспешно пытался освободиться от милицеской опеки и изредка завывал:

— «Катя, Катюша, купеческая дочь...»

За Витиной спиной строгий сержант щелкнул каблуками и отпартовал состав преступления:

— Проезд на мотороллере «Вятка» при полном отсутствии при себе прав и документов!

Не отрываясь от склочной старухи, дежурный доведенным до автоматизма жестом указал рукой на деревянную скамейку. Витя присел на самый ее краешек, рядом со склочной гражданкой Захаровой тысяча восемьсот девяносто третьего года рождения и поставил у ног свой черный портфель. Вите все еще было немножко не по себе. Быть задержанным ему еще не случалось. За проезд на мотороллере, не зарегистрированном ГАИ, вдобавок без прав, теоретически следовали

неприятные вещи. Неприятностей хотелось бы избежать — Мозг, как Витя очень надеялся, должен был справиться и с этой неожиданной трудностью.

Аккуратный и подтянутый милиционер в чине лейтенанта, дежурный по отделению, отпустил наконец склочную старуху, как видно, доведшую соседей по коммунальной квартире до последней крайности и полного отчаяния, предупредив ее о том, что в следующий раз она неминуемо ответит перед судом, откинулся на спинку стула и несколько секунд сидел неподвижно, словно переваривая последние впечатления. Потом он поискал что-то у себя на столе, нашел чистый бланк какого-то документа, взглянул Вите прямо в глаза и задал первый вопрос:

— Фамилия?..

Мозг снова надежно взял Витю в свои руки. По подсказке Мозга Витя ответил на все вопросы именно так, как надо было ответить, рассказал, как было дело, и стал ждать. Человек по ту сторону барьера снова откинулся на спинку стула, несколько секунд размышлял, взвешивая Витину судьбу, и наконец сказал:

— За подобное нарушение предполагается лишение права вождения сроком на три года. Распишитесь в протоколе..

Мозг подсказал, и Витя, проглотив слюну, повторил:

— Так ведь, товарищ лейтенант, в первый раз ведь...

— Все говорят, что в первый, — хмуро отозвался дежурный и положил заполненный протокол на барьер. — Распишитесь!

Неуверенным шагом Витя пошел к барьеру. Мозг тогда взялся за дело всерьез. Нарушитель кодексов Госавтоинспекции остановился, голова его снова была полна изощренной подсказки. С невиданным красноречием он поведал четверым милиционерам и татуированному человеку о том, как трудно было ему сдавать выпускные экзамены и что последний из них он сдал только сегодня. Дежурный отложил в сторону авторучку и с недоумением уставился на Витю, словно ни разу в жизни не слышал ничего подобного. С тем же красноречием Витя рассказал, что отец только сегодня подарил ему мотороллер и как он был этому рад и от радости буквально не находил себе места. Витя рассказал, что с детства он знает и любит технику и знает наизусть устройство мотоцикла, мотороллера, а также грузовика, трактора, комбайна и самолета. Витя объявил, что в те часы, когда не надо было учить уроков, он прилежно и с огромным удовольствием изучал правила уличного движения, и предложил милиционерам тут же, немедленно, его проэкзаменовать. Дежурный недоверчиво хмыкнул, но все же действительно задал какие-то вопросы. Мозг ответил на них без запинки, и дежурный, снова хмыкнув, спросил что-то еще. Витя дал ответ и на это и сказал, что уже на следующий день он собирался пойти сдать экзамен на получение прав, и если сегодня он выехал немного потренироваться на тихую и безлюдную улицу, в этом нет ничего особенно страшного... Дежурный за барьером зачем-то надел форменную фуражку, снял ее, двумя руками почесал затылок и сказал, что порядок все-таки везде есть порядок

и по закону за всякое нарушение порядка, даже если это и в первый раз, полагается ответить... Мозг подсказывал все новые оправдания, и когда Витя минут десять спустя наконец перевел дух и несмело взглянул на дежурного, по другую сторону деревянного барьера за строгим служебным столом сидел совершенно другой человек. У человека по-домашнему была расстегнута верхняя пуговица форменной серой рубашки, и он смотрел на задержанного Виктора Николаевича Сайкина, семнадцати лет, с большим удовольствием.

— Уф, — неслужебным тоном сказал дежурный и снял с барьера заполненный протокол. — За все пятнадцать лет в отделении, знаешь, брат, еще ни разу... Как говорят юристы, процесс выигран. Наговорить такого! — Лейтенант уважительно покачал головой. — После школы, наверное, собираешься в юридический?

Витя не успел ответить.

— Ну, ладно! — продолжал дежурный. — Раз уж такой день, что с тобой делать! У каждого из нас был когда-то такой день, все мы когда-то кончили школу. Это же надо хорошо помнить — был такой день! Верно, Верстаков?

Хмурый сержант, доставивший Витю в отделение, пробормотал из своего угла в ответ что-то неопределенное. Взгляд дежурного заволакивался дымкой каких-то далеких, очевидно, приятных воспоминаний. Витя стоял перед ним, переминаясь с ноги на ногу. Потом на столе дежурного зазвонил телефон, дежурный немного послушал и голосом, вновь ставшим служебным, отдал распоряжение:

— Доставляйте! Немедленно доставляйте!

Витя переминался с ноги на ногу. Подтянутый и аккуратный (пуговица на рубашке тоже уже была застегнута), дежурный по отделению встал, давая понять, что дело прекращено, протянул на прощание руку и сказал:

— Но все-таки чтобы такого больше не было!

Ликуя, Витя подхватил портфель и рванулся к выходу. С помощью Мозга, как и следовало ожидать, все обошлось наилучшим образом. К тому, что с его помощью удастся все, пора было уже, впрочем, привыкнуть. Дежурный по отделению провожал Витю мечтательным взглядом. Когда нарушитель был уже на пороге, лейтенант добавил:

— Да, вот что! — интонации опять были домашними. — Верстаков... Во избежание всяких недоразумений... все-таки надо порядком проехать по оживленным улицам... Словом, Верстаков, проводил бы ты молодого человека до дома...

Хмурый сержант по фамилии Верстаков козырнул и приступил к выполнению распоряжения. Витя все еще ощущал на себе взгляд дежурного. Потом дежурный с чувством произнес: «Побольше бы нам таких нарушителей!», и Витя перешагнул порог отделения.

Сержант Верстаков уже устроился на своем тяжелом мотоцикле. Он проследил, как устраивается на своем мотороллере вверенный ему молодой человек, и сказал: «Поехали!» Мотоцикл и мотороллер стремительно вылетели на оживленную магистраль. Ехать теперь было одно удовольствие. Легковые машины, увидев милицейский мотоцикл, почтительно уступали

ему дорогу. По-приятельски улыбались строгие регулировщики уличного движения. В мгновение ока сержант Верстаков доставил молодого человека к самым воротам его дома и на прощанье взял под козырек. Медленно и торжественно, все еще продолжая ликовать, Витя, которому все удавалось без малейших усилий с его стороны, въехал во двор. В голове его уже раздавался привычный вопрос — Мозг спрашивал, чем еще он мог бы помочь...

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

1

Утром на следующий день Мозг еще раз блестяще продемонстрировал, на что он способен. Перед строгой и авторитетной комиссией, экзаменующей будущих водителей мотороллеров, Витя по подсказке проявил невиданное красноречие. Теоретическая часть — правила уличного движения, дорожные знаки — была отвечена с таким блеском, что строгие и принципиальные экзаменаторы приобрели очень довольный вид, а после многих дополнительных вопросов (ответы на них были даны с тем же блеском) стали долго переглядываться между собой и очень одобрительно покачивать головами. Все другие экзаменующиеся — молодой и веселый научный сотрудник института болотоведения, энергичная на вид девушка, театралный осветитель, и почтенного вида профессор из университета — стали выглядеть на Витином блестящем фоне очень бледно, и в конце концов председатель комиссии даже поставил им Витю в пример, сказав краткую речь о том, как важно соблюдать правила уличного движения в повседневной, обыденной жизни и как отрадno видеть полное понимание этого в растущем молодом поколении. Технику вождения после этого Витя тоже сдал безупречно. Тогда члены комиссии стали очень долго о чем-то совещаться между собой и потом сообща приняли решение: дать о Вите заметку в журнале «За рулем» и сообщить о его отличных успехах на экзамене директору школы. На прощанье каждый из улыбающихся милиционеров пожал Вите руку, и теперь уже вполне законно и полноправно Витя вылетел на простор городских магистралей. Мозг привычно спрашивал, чем еще он мог бы помочь...

2

Два часа спустя (наслаждаясь скоростью, Витя уже вволю накатался на мотороллере) Мозг по его просьбе помог ему написать большое и хорошее стихотворение, посвященное Верочке Лейтенантовой. Стихи получились много лучше, чем те, которые Витя прежде пробовал писать сам, — они отлично звучали на слух, и рифмы точно подходили друг к другу: «Любовь — вновь», «Верочка — девочка», «Далеко — нелегко»... Витя трижды перечитал то, что написано было под диктовку Мозга, а потом выбросил в мусоропровод толстую тетрадь, в которую в большой тайне ото всех записывал свои собственные стихи...

По пути на свидание с Верочкой Лейтенантовой, увидев вывеску почтового отделения, Витя вдруг припомнил еще об одном деле. Бабушке, живущей на острове Сахалин, через несколько дней исполнялось девяносто шесть лет, мама уже не один раз напоминала, что, как любящий внук, Витя должен сочинить хорошее поздравительное письмо. Он наскоро объяснил Мозгу очередную задачу, вошел внутрь почты и стал писать под его диктовку. Письмо получилось очень хорошим, проникновенным — чувствовалось, что написал его любящий внук. Витя опустил письмо в ящик, и Мозг спросил, в чем еще он может оказать помощь...

Витя прошел по улице еще немного и увидел на стене дома длинный ряд газетных стендов, большой заголовок крайней газеты издали бросался в глаза: «Блистательная победа «Торпедо». Футбольная команда «Торпедо» была любимой Витиной командой, вчера она убедительно и с крупным счетом победила московский «Спартак». Витя вспомнил, что собираюсь прочитать все отчеты о матчах, какие должны были появиться в газетах. Он посмотрел на длинную вереницу стендов, читать все подряд сейчас почему-то не очень хотелось, в газетах, наверное, крупницы интересного были рассеяны среди многих скучных повторов. Витя подошел к стендам вплотную, поднял портфель повыше и велел Мозгу, все прочитав, мысленно пересказывать ему только то, что заслуживало внимания...

Потом легко и просто Мозг с колоссальным жизненным опытом ввел отношения между Витей и Верочкой Лейтенантовой в новую, следующую фазу. Первое настоящее свидание прошло без сучка и задоринки. Верочка появилась в назначенном месте точно в срок, и Витя вдруг обнаружил, что в облике лучшей девушки Москвы произошли некоторые изменения — у Верочки чуть-чуть подведены были глаза и даже слегка подкрашены губы. С замирающим сердцем Витя стал догадываться о тайной причине всех этих нововведений, сделавших Верочку еще привлекательнее, а Мозг тем временем уже снова взял Витю под свою надежную опеку. На цветочном базаре он помог ему собрать огромный букет невиданной красоты в подарок учителям, а потом — букет той же красоты, но поменьше, в подарок Верочке. Смутившись и покраснев, она вдруг впервые взяла Витю под руку и так и прошла с ним до конца прогулки. Витя, управляемый Мозгом, вел интересный разговор на самые разнообразные темы. В конце концов, когда речь зашла незначай и о Театре оперетты, Верочка смущенно сказала, что с удовольствием бы туда сходил, потому что давно не была, и Мозг подсказал тут же, немедленно ее пригласить. Верочка неуверенно попробовала ска-

зять, что, наверное, на вечерний спектакль уже не удастся достать билетов, но Мозг пресек ее слова энергичной фразой о том, что ничего не удастся лишь тому, кто ничего не пробует, и уже через десять минут подземный поезд метро стремительно уносил Верочку и Витю все дальше и дальше от станции метро «Сокол»...

6

Перед Театром оперетты была густая, нарядная толпа, до начала спектакля «Поцелуй Чаниты» оставалось пятнадцать минут. У Верочки и Вити то и дело спрашивали, нет ли у них лишних билетов, и Верочка снова огорченно сказала, что, конечно, ничего не выйдет, но Витя, управляемый Мозгом, уверенно вел ее за собой, раздвигая толпу. В вестибюле театра десятки людей безуспешно осаждали кассы, на которых висели плакаты «Билетов нет». Выполняя распоряжения Мозга, Витя уверенно пробился к окошечку администратора и уверенно в него постучал. Тотчас же окошечко распахнулось, и на Витю глянуло раздосадованное женское лицо. Но прежде чем суровая женщина-администратор успела хоть что-то сказать, Мозг подсказал Вите адресованный ей комплимент; Витя его повторил, и на лице администратора появилось какое-то новое выражение. Дальше Витя повторил вслед за Мозгом целую небольшую речь — о том, что он не мог взять билеты на «Поцелуй Чаниты» заранее, потому что весь долгий месяц не отрывался от школьных учебников и не имел ни минуты свободного времени и что теперь есть только единственный человек, который может ему помочь. Женщина-администратор взглянула на Витю уже с некоторым интересом и, кажется, собралась что-то сказать. Опередив ее, Витя стал рассказывать о том, как любит он Театр оперетты и как часто ходил сюда раньше, пока еще не начались ответственные выпускные экзамены, — «Сильву» смотрел пятнадцать раз, «Марицу» — десять, «Летучую мышь» — восемь, а вот «Поцелуй Чаниты» еще ни разу. Женщина-администратор наконец улыбнулась и покачала головой. Мозг тогда тотчас же подсказал еще один комплимент, и тогда женщина-администратор, еще раз покачав головой, вручила Вите два желанных билета в восьмой ряд партера. С восхищением на Витю глядели самые изумрудные на свете глаза...

7

В фойе театра было очень жарко, стоило съесть по порции мороженого. Перед лотком от обилия выбора у Вити разбежались глаза, и он мысленно тотчас же приказал Мозгу помочь ему выбрать. Мозг мгновенно пришел Вите на помощь, и Витя с Верочкой, держа в руках по порции эскимо, двинулись ко входу в зрительный зал.

Но женщина в униформе служителя Театра оперетты решительно преградила Вите путь и строгим голосом процитирова-

ла непреклонное театральное правило, согласно которому вход в зрительный зал с портфелями и свертками воспрещен. И прежде чем Витя успел сообразить, что произошло, она сама взяла из его рук черный портфель и сдала его в гардероб, вручив Вите номерок. Впервые за все это время Витя остался совсем один — синтезированное искусственно мозговое вещество теперь уже не могло ему ничем помочь.

Витя Сайкин оторопело посмотрел на служительницу и застыл на месте. Витя вдруг ощутил, что ему очень трудно думать самому. Он не знал больше, что теперь делать и что произойдет дальше. Женщина в форме служителя Театра оперетты несколько раз, удивленно глядя на него, повторила, чтобы он проходил в зрительный зал. Витя растерянно смотрел на нее и ничего не отвечал. Верочка Лейтенантова, вдруг испуганно посмотрев на Витю, крепко сжала его локоть. В Витиной голове происходило что-то странное — без постоянной подсказки Мозга она была теперь пустой и совершенно безжизненной. Без помощи Мозга, казалось, Витя не может сделать даже один-единственный шаг. Где-то под потолком фойе Театра оперетты раздавался уже второй звонок...

* * *

...Человек в белом халате замолчал, тронул ладонями свою густую черную бороду и задумчиво посмотрел на собеседника. Собеседник склонился над блокнотом, кончик авторучки стремительно порхал по бумаге. Человек в халате поправил очки и обернулся. За спинкой его кресла был стеллаж; он скользнул взглядом по полкам, на одной из них задержал взгляд дольше, чем на остальных, и снова повернулся к собеседнику. Глаза человека за стеклами очков вдруг блеснули весело и озорно.

— Взялись бы вы угадать, — спросил он, — взялись бы вы угадать, какой у этой истории был конец?

Собеседник оторвался от блокнота.

— Ну, я думаю, — начал он, — как мне кажется... Наверное, и дальше...

Человек в белом халате смотрел на него весело и озорно.

— Ну, что же вы, — поощрил он. — Ведь вы научный журналист. Вы давно уже должны были привыкнуть к самым головокружительным и невероятным вещам. Современная наука преподносит их вам то и дело...

Журналист захлопнул блокнот и тоже обвел взглядом полки стеллажа.

— Ну, как мне кажется, это нетрудно предположить, — сказал он, — я заметил, что в конце концов жизненные задачи, которые Витя Сайкин уже не хотел разрешать сам и поэтому перекладывал эту обязанность на Мозг, становились все проще и проще. От трудного экзамена по физике и до того, чтобы выбрать мороженое... и дальше... Дальше, наверное, Витя уже просто не мог думать сам. Словом, в Театре оперетты мне не хотелось бы оказаться на его месте. Совсем разучиться думать! Закономерность я, кажется, уловил правильно?

Журналист остановился.

— Правильно, правильно, — весело сказал человек в халате. — Закономерность уловлена совершенно правильно. В конце концов Витя должен был разучиться думать сам. Но я о другом: что, по-вашему, было еще позже? Чем же, по-вашему, эта история с искусственным Мозгом, случайно появившимся к десятикласснику и вызвавшим разрешать ему все его жизненные задачи, закончилась?

Журналист открыл блокнот и задумчиво пошелестел его страницами. Потом закрыл снова и стал смотреть в пол.

— Нет, — сказал он наконец, — просто не могу представить. Совершенно невероятная история. Лучше вы уж, Пал Палыч, сами доскажите ее до конца.

Пал Палыч Дыров, заведующий Шестой лабораторией, снова усмехнулся.

— Ну что же, — сказал он весело, — тогда приготовьтесь...

Молодой журналист вновь открыл блокнот и занес над чистой страницей авторучку.

— Мозг пришел к тому же самому выводу, что и вы, — объявил Пал Палыч. — Он тоже понял, что его подопечный постепенно теряет способность мыслить самостоятельно...

Журналист кивнул.

— Закономерности этого процесса стали искусственному Мозгу совершенно ясны, и он решил, что пора прекращать эксперимент, который он проводил с десятиклассником Витей Сайкиным. Да-да, первый из намеченной им серии экспериментов, с помощью которых он хочет изучать людей как следует и всесторонне. Изучать непосредственно, экспериментально, а не на основе тех вторичных знаний о людях, что были получены искусственным Мозгом в результате обработки его вещества биотоками.

Пал Палыч искоса взглянул на журналиста и добавил:

— Да, когда Мозг попал случайно к Вите, он решил, что для него настали просто идеальные условия для такого эксперимента — предложить человеку снять с него заботы, обязанность принимать жизненные решения самостоятельно, обязанность думать самому...

Журналист выпрямился в своем кресле так, словно в его теле вдруг сработала какая-то пружина. Несколько мгновений он растерянно смотрел на улыбающегося Пала Палыча Дырова, потом беззвучно пошевелил губами и наконец с трудом из себя выдавил:

— Эксперимент... Искусственный Мозг поставил эксперимент над человеком?

Пал Палыч весело пожал плечами.

Журналист не отрываясь смотрел на него, и во взгляде можно было ясно прочесть все, что было у него на душе. Пал Палыч пожал плечами еще раз.

— Собственно говоря, в этом нет ничего удивительного, — сказал он небрежно. — Семь Пятей — первое высокоорганизованное синтезированное искусственно мозговое вещество, которое не уступает по организации и структуре человеческому мозгу. Естественно, что ему свойственна столь же острая научная любознательность, что и большинству людей...

Пал Палыч Дыров, заведующий Шестой лабораторией, не удержался и вдруг подмигнул журналисту:

— А согласитесь, эксперимент был поставлен, надо признать, очень остроумно и изобретательно. Для искусственного Мозга, конечно! Согласитесь! Все мы, сотрудники лаборатории, получили огромное удовольствие, узнав всю эту историю.

Журналист медленно приходил в себя. Он встал из кресла и несколько раз прошелся по лаборатории из угла в угол. Он подошел к огромному окну и несколько мгновений смотрел на густой поток автомобилей, троллейбусов и мотороллеров. Некоторые из мотороллеров были окрашены в тот же оранжевый цвет. Потом журналист пристально стал смотреть на одну из полок стеллажа.

— Так как же все-таки искусственный Мозг вернулся в институт? — спросил он.

Заведующий Шестой лабораторией встал и подошел к стеллажу вплотную. На полке тускло поблескивал темно-фиолетовый пластик футляра с искусственным Мозгом.

— Семь Пятей привел в институт Витю Сайкина, — сказал Пал Палыч. — Сразу же после того, как кончился спектакль в Театре оперетты и Витя распрощался с Верочкой Лейтенантовой. Вечер в театре прошел, конечно, и вкривь и вкось. Витя совершенно не знал, что делать и что говорить. Верочка, без сомнения, терялась в догадках, что же происходит с Витей. Решив, что эксперимент пора прекращать, Мозг приказал Вите, чтобы он выполнял все его дальнейшие распоряжения. Мозг справедливо рассудил, что Витя настолько уже привык к тому, что он за него все решает, что не будет даже спрашивать, зачем это нужно. Так и случилось. Управляя Витей, Мозг ему подсказывал, на какой троллейбус сесть и на какой остановке сойти, что сказать вахтеру Григорию Тимофеевичу, чтобы он пропустил в институт, и на какой этаж подняться. Все это Витя исполнил привычно, не задумываясь. Мозг знал, что все мы в лаборатории всегда работаем допоздна. Он подсказал Вите, в какую войти дверь, и потом, настроившись на мою телепатическую волну, мысленно передал мне, что он вернулся, и тут же сообщил первые, самые общие результаты эксперимента. Это было через семь дней после того, как я неудачно обменял свой чемодан на площади перед Ленинградским вокзалом и когда пропала уже всякая надежда на то, что Мозг найдется..

Журналист тоже подошел к стеллажу вплотную.

— Ну, а Витя Сайкин? — спросил он после некоторого молчания.

У Пал Палыча вновь весело и озорно блеснули глаза.

— Очень симпатичный юноша, — сказал он. — Теперь он поступил в институт. В тот же самый, который в свое время кончил и я. Он все понял, хотя, конечно, на это понадобилось какое-то время. Теперь часто заходит к нам, приезжает на мотороллере. Один раз был вместе с этой симпатичной девушкой, Верочкой Лейтенантовой. После окончания института хочет работать в нашей лаборатории.

Журналист смотрел на темно-фиолетовый пластик футляра еще несколько долгих минут. Пал Палыч Дыров искоса на-

блюдал за ним и молчал. Потом журналист взял ученого под руку и отвел его в противоположный угол лаборатории, на расстояние свыше пятнадцати метров.

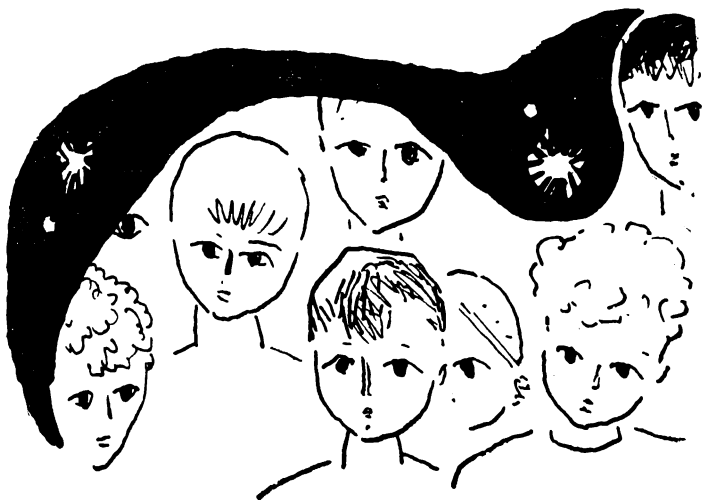
— Ну, а что же теперь он, Семь Пядей? — спросил журналист, понизив зачем-то голос.

Пал Палыч пристально взглянул на журналиста и принял серьезный вид.

— Мы продолжаем работать с этой моделью, — ответил он. — Ставим на ней новые опыты, разрабатываем целые системы новых экспериментов, изучаем механизм ее мышления, закономерности поведения в различных условиях, способности к музыке, иностранным языкам, даже поэзии. Хотим, словом, узнать о ней все. Она отвечает на все наши вопросы, поддерживает с нами постоянный контакт, работать с ней легко. Она охотно пересказывает нам снова и снова ход эксперимента, поставленного над Витей Сайкиным... Но об одном она молчит, — Пал Палыч взглянул на журналиста. — Мы так и не знаем, какие еще эксперименты приготовлены для нас в этой намеченной ею системе и каким способом она подвергнет кого-либо из нас испытанию в следующий раз...

ВОСПИТЕЛЫ

Фантастический рассказ

Кончилась первая неделя занятий. Джонсон Дин, инспектор Милвиллской школы второй ступени, в пятницу под вечер, сидя за столом, наслаждался тишиной и сознанием исполненного долга. Тишину нарушил мускулистый белокожий тренер Джерри Хиггинс. Он вломился в кабинет и тяжело плюхнулся в кресло.

— Ну, можете отменить состязания по регби в этом году, — со злостью проговорил он. — Прямо хоть выметайся из ассоциации.

Дин отодвинул в сторону бумаги, с которыми работал, и откинулся в кресле. Луч заходящего солнца упал из окна на его пышную серебряную шевелюру и превратил ее в сверкающий ореол. Его белые, морщинистые, с голубыми прожилками руки старательно разглаживали поблекшую складку на поблекших брюках.

— Ну, что случилось? — спросил он.

— Это все Кинг и Мартин, мистер Дин. Они не хотят выступать в этом сезоне.

Дин хмыкнул сочувствующе, но как-то неискренне, словно в глубине души он был с ними заодно.

— Давайте-ка разберемся, — сказал он. — Если память мне не изменяет, в прошлом сезоне эти двое были одними из сильнейших. Кинг был защитником, а Мартин — нападающим.

Хиггинс прямо зашелся от праведного гнева:

— Да слыханное ли это дело, чтобы нападающий сам решил бросить игру? И не просто какой-нибудь рядовой игрок, а один из лучших. На нем в прошлом году буквально все держалось.

— Конечно, вы с ними уже беседовали?

— Да, я встал перед ними на колени, — ответил тренер. — Спросил, хотят ли они, чтобы меня уволили. Спросил, нет ли у них чего против меня. Сказал, что они подведут всю школу. Сказал, что без них считай, что у нас нет команды. Они не смеялись надо мной, но...

— Они и не будут смеяться, — сказал Дин. — Эти мальчишки — настоящие джентльмены. По правде говоря, все наше молодое пополнение...

— Все до одного слюнтяи! — взвился тренер.

— Ну, кто как считает, — мягко возразил ему Дин. — В моей жизни бывали периоды, когда я тоже не был склонен придавать регби такое значение, которое, казалось бы, следовало.

— Ну, это другое дело, — заметил тренер. — Когда человек становится взрослым, понятно, что его уже меньше интересует игра. Но ведь эти двое — мальчишки. Тут что-то ненормальное. Они молодые, им бы просто землю рыть. У всех нормальных мальчишек должно быть сильно развито чувство соперничества. Но даже если этого нет, хоть бы о выгоде подумали. Ведь всякий выдающийся регбист при поступлении в колледж...

— Нашим ребятам не нужны спортивные надбавки, — довольно резко прервал его Дин. — Они получают больше чем стипендию...

— Да если б у нас было побольше игроков, разве бы мы так убивались по Кингу и Мартину? — застонал Хиггинс. — Пусть мы бы не всегда выигрывали, но все же у нас была бы команда. А то, что у нас сейчас... Мистер Дин, вы отдаете себе отчет, что с каждым годом игроков все меньше и меньше? Вот сейчас у меня нет...

— Так вы говорили о Кинге и Мартине. Вы убеждены, что они не передумают?

— А знаете, что они мне сказали? Что регби мешает их занятиям!

Хиггинс произнес эти слова таким тоном, что в его устах они прозвучали тяжким обвинением.

— Стало быть, придется с этим примириться, — бодрым тоном произнес Дин.

— Но это ненормально! — запротестовал тренер. — Не существует таких мальчишек, которые бы о занятиях думали больше, чем о регби. Таких мальчишек, которые бы уткнулись в книжки...

— Такие мальчишки существуют, — ответил Дин. — Да их полным-полно и здесь, в Милвилле. Если не верите,

можете взглянуть на их отметки за последние десять лет...

— Н-да, они ведут себя не как мальчишки, а будто взрослые люди. — Тренер покачал головой в знак того, что это выше его понимания. — Стыд-позор! Ну, если еще хоть кто-то из «старичков» сделает от ворот поворот, придется возвращать новую команду.

— Так же, как мы у себя в школе растим юношей и девушек, которыми потом, быть может, будет гордиться Милвилл.

Тренер сердито встал.

— Нам не выиграть ни у кого, — предупредил он. — Даже у Багли.

— Вот уж из-за чего я не стану очень расстраиваться, — философски заметил Дин.

Он спокойно сидел за столом и слушал, как шаги тренера гулко отдаются в коридоре и замирают вдали.

Он услышал характерный посвист и дребезжанье автощетки, которая подметала лестницу. Интересно знать, куда запропастился Стаффи. Небось где-то шляется, в этом нет сомнений. Имея под рукой все эти автощетки и автопротиратели, Стаффи был не слишком загружен уборкой. Хотя, впрочем, в свое время работы у него было по горло, он хлопотал с утра до ночи и прекрасно убирал помещения.

Стаффи, по сути дела, можно было бы уволить уже несколько лет назад. Но теперь не увольняли так легко, как раньше. Когда люди достигли звезд, на человеческую расу легло непосильное бремя. «Стоит только начать увольнять людей, — подумал Дин, — как я и сам окажусь без работы».

Для него ничего не может быть страшнее. Потому что Милвиллская школа была его детищем. Он сделал ее своим детищем. Ибо больше полувека он жил ради школы — сначала он был молодым учителем-энтузиастом, потом директором, а последние пятнадцать лет — инспектором.

Он отдал ей все, что имел. И она заменила ему все — жену, ребенка, семью, она была и началом, и концом. Ему было приятно все — и что сегодня пятница, и что начался новый учебный год, и что Стаффи бродит где-то здесь, и что нет спортивной команды — точнее, почти нет.

Он поднялся из-за стола и выглянул в окно. Лужайку пересекала студентка; видно, она где-то задержалась и теперь шла домой. Он ирищурился, почти уверенный, что перед ним Джуди Чарльсон. Когда-то давно он знал ее деда и подумал, что у девушки походка Генри Чарльсона. Он хмыкнул, углубившись в воспоминания. Насколько ему помнится, на старину Чарльсона нельзя было особо полагаться в практических вопросах. В те времена он буквально бредил турбоносителями для старта космических кораблей.

Дин прогнал прочь мысли о прошлых днях, стремясь стереть их из памяти. Предаешься воспоминаниям — значит, старость надвигается, значит, впадаешь в детство.

И все же старина Генри Чарльсон мог гордиться: он был единственным человеком в Милвилле, который когда-то имел хоть какое-то отношение к космическим кораблям. Конечно, кроме Леймонта Стайлса.

Дин едва заметно ухмыльнулся, вспомнив Леймонта Стайлса, его непреклонность и то, как через много лет он возвысился, к величайшему раздражению тех, кто самонадеянно предрекал, что он добром не кончит.

Конечно, теперь не осталось ни одной живой души, которая знает или когда-то знала, к чему же в конце концов пришел Леймонт Стайлс. Или к чему он приходит сейчас.

Быть может, в эту минуту Леймонт Стайлс шагает по улице некоего фантастического города на некой отдаленной планете, подумал Дин.

Рисунки К. ЭДЕЛЬШТЕЙНА

И если это действительно так и есть и если он когда-нибудь снова вернется в родные места, кого привезет он с собой на этот раз?

Когда он вернулся домой в последний раз — а он и приезжал-то всего однажды, — он привез Воспителл, и это было очень чудно.

Дин отвернулся от окна и опять пошел к письменному столу, сел, пододвинул к себе бумаги. Но работа не шла ему на ум. Такое случалось с ним нередко. Стоит только подумать о прежних временах, когда было много друзей и много интересных дел, как погружаешься в воспоминания настолько, что больше уже не можешь сосредоточиться.

Он услышал в холле знакомую поступь и отодвинул бумаги в сторону. По шаркающей походке он узнал Стаффи — видно, тот решил зайти, чтобы скоротать время.

Дин с удивлением отметил, что в глубине души он с нетерпением ожидает предстоящей встречи. Кое-кому это могло показаться необычным, хотя на самом деле здесь не было ничего особенно странного. Немного оставалось таких, как Стаффи, с которыми Дин мог поговорить по душам.

Со стариками происходят чудеса, думал он. Годы ослабляют или рвут узы прежних дней. Старики умирают, или уходят со сцены, или их одолевают немощи. Или же старики замыкаются в себе, в своем внутреннем мире, где они ищут покоя, которого больше не могут найти в мире внешнем.

Стаффи прошлепал к двери, остановился и, прислонившись к косяку, вытер грязной рукой обвислые желтоватые усы.

— Что это с тренером? — спросил он. — Выскочил отсюда как ошпаренный.

— У него нет спортивной команды, — сказал Дин. — Или он только говорит, что нет.

— Каждый сезон одно и то же, — заметил Стаффи. — Прямо представление какое-то.

— Ну, а на этот раз, может быть, и нет. Кинг и Мартин не выйдут на поле.

Волоча ноги, Стаффи сделал еще несколько шагов и уселся в кресло.

— Это все Воспителлы, — заявил он. — Их рук дело. Дин подался вперед.

— Что ты такое говоришь?

— Я наблюдал за ними долгие годы. На всех ребятах, которых они воспитали или которые ходили в дошкольную группу, лежит какая-то печать. Что-то они делают с ребятами.

— Вот еще выдумки! — сказал Дин.

— И вовсе не выдумки, — Стаффи упрямо стоял на своем. — Ты же знаешь, я без предрассудков. Только потому, что они, Воспителлы, с какой-то другой планеты... Да, скажи, а ты узнал, с какой планеты они прилетели?

Дин покачал головой.

— Не знаю, что там говорил Леймонт. Может, он и рассказывал, но я никогда не слышал.

— Они какие-то необыкновенные, — сказал Стаффи, медленно поглаживая усы с таким видом, будто он обдумывал каждое слово, — но я никогда не ставил им этого в упрек. В конце концов не только они на Земле чужаки. То есть в Милвилле, конечно, они одни, но в разных концах Земли ведь живут тысячи других обитателей звезд.

Дин кивнул, соглашаясь с ним, но едва ли осознавая, с чем же именно он согласен. Однако он ничего не сказал — это было бесполезно. Стоит только Стаффи затеять разговор, так уж его не остановишь.

— Они кажутся порядочными, — сказал Стаффи. — Никогда не спекулируют чьим-то доверием. Когда Леймонт уехал и оставил их здесь, сами устроились и никогда ни-

кого не просят за них вступиться. Все эти годы они жили как порядочные, вот и все, чего можно от них ждать.

— Но все же, по-твоему, они кое-что дали ребятам? — сказал Дин.

— Они изменили ребят. Разве ты не заметил?

Дин покачал головой.

— И не думал. Я знаю этих ребят много лет. Я знал и их родителей. Как же, по-твоему, они изменились?

— Они слишком быстро развиваются, — сказал Стаффи.

— Конкретнее, — отрезал Дин. — Кто их развивает, как так слишком быстро?

— Да, Воспителлы уж очень развивают детей. В том-то и беда. Здесь у нас школа второй ступени, а ребята совсем как взрослые.

Откуда-то снизу донеслось унылое жужжанье автощетки.

Стаффи вскочил на ноги.

— Это подметалка. Держу пари, она опять застряла в дверях.

Он повернулся к выходу и быстрым аллюром рванул вперед, волоча ногу.

— У, дурацкая машина! — рывкнул он, хлопнув дверью.

Дин опять пододвинул к себе бумаги и взял карандаш. Уже поздно, нужно кончить работу.

Но он не видел бумаги. С того места, где она лежала, на него смотрели маленькие лица — их было много, большеглазые, серьезные, со взглядом, к которому трудно подобрать определение.

Ему был знаком этот взгляд — так на детских лицах впервые проявляется зрелость. Они слишком быстро развиваются.

— Нет, — сказал Дин сам себе. — Нет, этого не может быть!

Однако очевидным подтверждением этому была высокая успеваемость, необычно большое число стипендиатов, пренебрежение к спорту. И кроме того, отношение к жизни в целом. Дин припомнил, что несколько лет назад его просили написать об этом статью в журнал, посвященный вопросам воспитания.

Он попытался вспомнить, что же такое он написал в той статье, и постепенно кое-что вспомнил — о том, как родители должны осознать, что ребенок не последняя спица в колеснице, а полноправный член семьи, о том, что в школах нужно делать особый акцент на социальные науки.

— Разве я был не прав? — спросил он сам себя. — Разве это не так, разве это что-то другое или кто-то другой?

Он попытался сосредоточиться на работе, но не мог. Все это выбило его из колеи. Перед его глазами так и стояли улыбающиеся юные лица, они вглядывались в него.

Наконец он сунул бумаги в ящик и поднялся из-за сто-

ла. Надел видавшее виды пальто, водрузил на седую голову старую, помятую фетровую шляпу.

На первом этаже он увидел Стаффи, загонявшего на ночь последнюю автощетку в каморку. Стаффи был полон возмущения.

— Зацепиться за калорифер! — негодовал он. — Да если б я чуть замешкался, она бы сломала всю ходовую часть, — он с досады покачал головой. — Они, эти машины, хороши, только когда все в порядке. А случись что-нибудь — сразу паника.

Когда последняя машина вперевалку вползла в каморку, Стаффи со злостью захлопнул за ней дверь.

— Стаффи, ты хорошо знал Леймонта Стайлса? — спросил Дин.

Стаффи покрутил усы, как бы обдумывал ответ.

— Да, хорошо. Ведь мы с ним ровесники и в детстве дружили, а ты немного постарше.

Дин неторопливо склонил голову.

— Да, я помню, Стаффи. Только такие чудачки, как мы с тобой, и остались в нашем старом городе. А сколько народу уехало!

— Леймонт уехал в семнадцать лет. Зачем ему было оставаться? Его мать померла, отец с утра до ночи пил горькую. И все в один голос говорили, что из Леймонта не выйдет ничего путного.

— Легко ли мальчишке, когда весь город восстает против него?

— Что верно, то верно, — отозвался Стаффи. — Никто не был на его стороне. Уезжая, он мне сказал, что когда-нибудь вернется и покажет им, кто он такой. Но я-то подумал, что он расхвастался. Ну, как это обычно делают ребята, знаете, чтобы подбодрить самих себя.

— Как ты ошибся! — сказал Дин.

— Уж дальше некуда, Джон.

Потому что, пробыв на чужбине больше тридцати лет, Леймонт Стайлс вернулся, вернулся в старый, овеванный бурями дом на Меймпл-стрит, в пустой дом, который ждал его все эти одинокие годы; он вернулся, старый, хотя ему едва исполнилось пятьдесят, большой и сильный, хотя волосы у него теперь были белее снега, а кожа, обожженная чужими солнцами, стала дубленой; вернулся после долгих скитаний от одной далекой звезды к другой.

Но Милвилл для него не был своим. Город помнил его, а он забыл город. Годы, проведенные в чужих краях, исказили его представление о родном городе, и то, что он помнил о нем, скорее походило на сказку, чем на правду, — на сказку, которую породили годы, заполненные думами о прошлом, тоской и ненавистью.

— Мне надо идти, — сказал Дин. — У Керри, наверное, ужин готов. Она не любит, когда он стынет.

— Спокойной ночи, Джон, — сказал Стаффи.

Когда Дин закрыл за собой дверь и пошел на прогулку вниз по улице, солнце почти село. Он не предполагал, что уже так поздно. Керри обидится на него и накричит.

Дин что-то пробурчал себе под нос. Керри была не сравнима ни с кем.

Она не жена — у него никогда не было жены. Не мать и не сестра — обе они умерли. Просто домоправительница, преданно служившая ему долгие годы, немножко жена, немножко сестра, а иногда даже мать.

В привязанностях человека есть нечто странное, подумал Дин. Они ослепляют его, связывают, делают его таким, каков он есть. Это они помогают ему выполнять свой долг, с их помощью он достигает вершин, хотя эти вершины временами бывают серыми, бледными и очень неброскими.

Ничего похожего на ярко блистающие вершины Леймонта Стайлса, который шагнул на Землю со звезд и привез с собой эти странные создания — Воспителл. Привез их, устроил в своем доме на Меймпл-стрит, а потом через год другой опять отправился к звездам, оставив Воспителл в Милвилле.

Чудно, что такой провинциальный городок и так спокойно принял их. Еще чудней, что матери Милвилла в свое время вверили детей заботам чужаков.

Заворачивая за угол на Линкольн-стрит, Дин встретил женщину с маленьким мальчуганом.

Он увидел, что это была Милдред Андерсон — вернее, когда-то она была Милдред Андерсон, но потом вышла замуж, и он, хоть убей, не мог вспомнить ее нынешней фамилии. Занятно, как быстро взрослеет молодежь, подумал он. Казалось, Милдред кончила школу от силы два года назад, но в глубине души он знал, что ошибается, — прошло уже больше десятка лет.

Он коснулся своей шляпы.

— Добрый вечер, Милдред. Ого, как вырос твой мальчик.

— Я хожу в кою, — пролепетал ребенок.

Мать уточнила:

— Он говорит, что ходит в школу. Он этим так гордится.

— Конечно, в школу присмотр?

— Да, мистер Дин. Воспителлы. Они такие милые. И так хороши с ребятами. Да к тому же плата. Точнее то, что ее нет. Просто приносите им букет цветов, или флакончик духов, или хорошую картинку, и они довольны. Они решительно отказываются брать деньги. Я не могу этого понять. А вы, мистер Дин?

— Нет, — ответил Дин. — И я не могу.

Он уже позабыл, какой болтушкой была Милдред. Сейчас он вспомнил, что был период, когда ее за это прозвали Трещоткой.

— Я иногда думаю, — сказала она торопливо, будто боясь что-то упустить, — что мы, люди, здесь, на Земле, слишком большое значение придаем деньгам. А вот Воспителлы, кажется, не знают, что такое деньги, или если и знают, то не обращают на них никакого внимания. Словно это что-то совсем незначительное. Это заставляет задуматься, верно, мистер Дин?

Теперь он вспомнил еще об одной ужасной особенности Милдред — каждый речевой период она неизбежно заканчивала вопросом.

Он и не пытался ответить ей. Он знал, что ответа не ждут.

— Мне надо идти, — сказал он. — Я и так уж опоздал.

— Мне было очень приятно вас повидать, мистер Дин, — проговорила Милдред. — Я так часто вспоминаю школьные денечки, и иногда мне кажется, что прошли долгие годы, а иногда — будто это было вчера, и...

— Правда, это очень приятно, — сказал Дин, приподнявши шляпу, и припустил чуть не бегом.

— Недостойное зрелище, когда среди бела дня на людной улице тебя обращает в бегство болтливая женщина, — проворчал он себе под нос.

Подойдя к дому, он услышал сердитый голос Керри.

— Джонсон Дин, — крикнула она, едва он переступил порог, — сейчас же садитесь за стол! Все давно остыло. Сегодня вечером у меня кружок. И рук не мойте!

Дин неторопливо повесил пальто и шляпу.

— Если уж на то пошло, мне и мыть-то их не надо, — сказал он. — У меня такая работа, что не очень-то выпачкаешься.

Она засуетилась, склонившись над столом, налила ему чашку кофе, переставила на середину стола бутылку пива.

— Ведь сегодня вечером у меня кружок, — сказала она, делая особое ударение на этих словах, чтобы ему стало стыдно за опоздание. — Я и посуду мыть не буду. Оставьте ее на столе. Когда приду — вымою.

Дин покорно уселся за стол.

Он и сам не понимал, в чем тут дело, но, бессознательно выполнив требование Керри, вдруг ощутил спокойствие и уверенность в себе.

Керри прошла через жилую комнату, величественно водрузив непоколебимую шляпу на голову с видом женщины, которая опаздывает на заседание кружка не по своей вине. Она поспешила к двери.

— Вам больше ничего не надо? — спросила она, окинув быстрым взглядом стол.

— Ничего. — Он хмыкнул. — Желаю хорошо провести время в кружке. Собрать как можно больше сплетен.

Это была его излюбленная колкость, и хоть он знал, что Керри будет взбешена — выходка и впрямь была детской, — но не мог удержаться.

Керри бросилась вон из комнаты, и он услышал, как она нарочито громко застучала каблуками.

С ее уходом в доме воцарилась гнетущая тишина, и, когда Дин сел за стол, комнату окутал глубокий сумрак.

Цел и невредим, подумал он. Старина Джонсон Дин, учитель, цел и невредим в доме, который построил еще его дед — сколько же лет назад? Теперь он кажется несовременным, с его комнатами, расположенными на одном уровне, с камином, выложенным кирпичом, с двойным гаражом, пристроенным к дому, и с большим пнем перед окнами.

Невредим и одинок.

Невредим, несмотря на угрозу, на подкравшуюся к нему тревогу, такую незаметную, что ее и распознать нельзя.

Он покачал головой.

Но вот одиночество — другое дело. Это можно объяснить. Молодые и очень старые всегда одиноки, подумал он. Молодые — потому, что еще не установили связей с обществом, а старые — потому, что уже разорвали их.

Здесь многое может прийти в голову, сказал он себе. Общество состоит из разных слоев, из разных слоев и прослоек и делится на группы по возрасту, роду занятий, образовательному цензу и финансовому статусу. И это еще не все. Такое деление можно продолжать до бесконечности. Было бы интересно, если б у кого-то хватило времени создать таблицу расслоения человечества.

Он кончил ужинать и тщательно вытер рот салфеткой.

Он знал, что надо хотя бы собрать тарелки и навести порядок на столе. По совести говоря, посуду следовало бы

вымывать. Он и так своим опозданием причинил Керри столько хлопот, но не мог заставить себя приняться за работу. Никак не мог взяться.

Теперь он понял, что бессмысленно оттягивать это дело, бессмысленно увертываться от этого беспокойства, которое его все время изводит. Он понимал, с чем ему придется столкнуться, если только до этого дойдет дело.

Конечно, у Стаффи ум за разум зашел. Это не может быть правдой. Слишком уж он умничаёт, наверное, воображение разыгралось.

Ребята теперь такие же, как и всегда.

Разве что за последний десяток лет у них заметно улучшилась успеваемость.

Разве что во много раз возросла их эрудиция.

Разве что притягательность спортивных соревнований для них уменьшилась.

Да еще эти торжественные детские лица с сияющими глазищами, они неотрывно глядят на него с бумаг на столе.

Он стал медленно расхаживать взад-вперед по ковру перед большим кирпичным камином.

Он ударил старым, слабым кулаком по дрожащей ладони.

— Не может этого быть! — твердо сказал он себе.

И все же перед лицом очевидности следовало признать, что это правда.

Дети в Милвилле выросли быстрее, они росли в интеллектуальном отношении намного быстрее, чем им было положено.

А может, здесь кроется и еще что-то.

Вдруг они растут, словно бы опережая всех остальных по развитию мышления. Например, это странное отношение к спорту. Потому что спорт, на какой бы то ни было основе, хоть и усовершенствованный, все же в какой-то степени остается продуктом прошлого человечества.

Если б он только мог как-нибудь проникнуть в мысли учеников — тогда, может быть, что-то и удалось бы понять.

Но это невозможно. Слишком высоки и сложны барьеры, слишком сильно забыты линии коммуникаций. Ибо он стар, а они молоды, он — власть, а они — его подчиненные. Опять разные напластования отделяют их от него. Никак к ним не подойти.

Конечно, всегда можно сослаться на что-нибудь, но это может прозвучать нелепо. Однако самое главное — точно выяснить, какие цели преследуют Воспитательны, и выработать свою линию поведения.

Стаффи мог ошибиться. Фантастично само предположение, что Воспитательны расставляют такие сети.

Особенно чудно, что Воспитательны, эти чужаки, обосновались в Милвилле солидно, как старожилы. Он был уверен, что они не пожелают подвергнуть хоть малейшему риску положение, уже завоеванное ими, -- то, что всех их признали, предоставили в основном самим себе и говорят о них мало,

Они сделают все возможное, чтобы не привлекать к себе внимания. За эти долгие годы слишком уж много чудаков нажило себе неприятности из-за того, что совали нос в чужие дела. Хотя, если пораскинуть умом, то, что с человеческой точки зрения можно считать предосудительным, с точки зрения чужаков, возможно, представляется нормой поведения.

Воспителлам еще сильно повезло, что у них на родине мыслящие существа внешне похожи на человека. Они на деле зарекомендовали себя прекрасными детскими воспитателями, поэтому их стали высоко ценить и с готовностью приняли в свои ряды.

Вот уже много лет они пекутся о детях Милвилла, ведь они обладают всеми достоинствами воспитателей. Некогда они организовали школу присмотра, хотя теперь он припоминает, что в связи с этим было немало шума, поскольку Воспителлы совершенно сознательно не придерживались установленных правил обучения.

Он включил свет и подошел к полкам поискать что-нибудь для чтения. Но ни одна из книг не пробудила в нем интереса. Он провел пальцем по корешкам томов, пробежал глазами заголовки, но не нашел абсолютно ничего.

От книжной полки он шагнул к широкому окну и выглянул наружу. Уличных фонарей еще не зажгли, но в окнах там и здесь уже горел свет, и время от времени по мостовой медленно проезжала какая-нибудь машина, ее рыскающие фары выхватывали из тьмы то дрожашую под ветром листву, то пригнувшуюся к земле кошку.

Эта улица была одной из самых старых в городе: когда-то Дин знал всех ее обитателей. Он без малейших колебаний мог бы назвать их имена — Вилсон, Бекет, Джонсон, Рэндом, — но никто из них здесь больше не живет. Имена были уже не те, и лица незнакомые; разные слои людей смешались, и теперь он не знал почти никого на этой улице.

Молодые и очень старые — вот кто по-настоящему одинок, подумал он.

Он пошел к креслу и сел перед зажженной лампой. И вдруг почувствовал, что его ужасно тянет встать, но вроде не было дел, разве что мыть посуду, а заниматься этим не хотелось.

Можно пойти погулять, сказал он себе. Прекрасная мысль: вечерняя прогулка хорошо успокаивает.

Надевши пальто и шляпу, он прошел ворота и повернул налево.

И только пройдя больше полпути, оставив в стороне деловой район, он отдал себе отчет в том, что направляется к дому Стайлса, к Воспителлам.

Он не представлял себе, что ему там делать, что он там может узнать. Никакой реальной цели он не преследовал. Словно какая-то невидимая сила толкала его туда, будто у него не было выбора.

Он подошел к дому Стайлса и, стоя на тротуаре, оглядел его.

Это был старый дом, окруженный тенистыми деревьями — их посадили много лет назад: двор, выходивший на улицу, весь зарос кустарником. Иногда вдруг кто-то приходил, подстригал лужайку, а может, и подрезал зелень и приводил в порядок клумбы, чтоб отблагодарить Воспителл за заботу о детях, потому что Воспителлы не брали денег.

Чудно, что они совсем не берут денег, подумал Дин. Будто деньги им и не нужны, если б они у них и были, Воспителлы бы не знали, что с ними делать. А может, деньги им и вправду не нужны — ведь никто не видел, чтобы они что-то покупали, они вели один и тот же образ жизни и никогда не болели, во всяком случае, этого никто не замечал. Может быть, временами они мерзли, хотя никто из них даже не заикнулся об этом, но топлива не покупали, а Леймонт Стайлс оставил определенную сумму для уплаты налогов — так, может, деньги им и вправду ни к чему?

А было время, когда в городе ломали голову над тем, как Воспителлы обходятся без пищи или, во всяком случае, не покупают еды. Потом об этом перестали судачить — жители, видно, поня-

ли, что насчет этих чужаков ничего не узнаешь, не надо и пытаться.

Внезапно Дин осознал, что дом Стайлса даже старше его собственного. Он был построен не по единому плану — такие дома были в моде много десятков лет назад.

Окна были занавешены тяжелыми портьерами, но в щелки пробивался свет, и Дин понял, что Воспителлы у себя. Ведь они никуда не отлучались из дому, разве что нужно было присмотреть за младенцами, но в последние годы у людей вошло в привычку не приглашать их к себе, а оставлять детишек в их доме. Ребята у них никогда не плачут, даже самые крошечные. Им всем очень нравится бывать у Воспителл.

Он сделал еще несколько шагов и, поднявшись на крыльцо, позвонил.

Подождав немного, он услышал какое-то движение в доме.

Дверь отворилась, и на пороге, загораживая свет, появилась одна из Воспителл. Дин уже совсем забыл их облик — ведь он видел Воспителл много лет назад.

Вскоре после того, как Леймонт Стайлс вернулся домой, Дин припомнил, что встретил всех троих и потом время от времени видел на улице издали кого-нибудь из них по одной. Но воспоминания о них и удивление при виде их изгладились из памяти, и сейчас как будто заново, с прежней силой его поразили неведомая грация, неожиданное ощущение, будто он увидел какой-то необыкновенно нежный цветок.

Лицо это, если его вообще можно было так назвать, светилось добротой, оно было слишком нежным, таким нежным, что в нем совсем не чувствовалось характера и даже индивидуальности. Удивительная кожа, румяная, словно лепестки цветка, а тело стройное до неправдоподобия, и все же оно настолько исполнено грации и гармонии, что при виде его не думаешь о его хрупкости. От всей ее фигуры веяло такой милой простотой, что все остальное перед этим меркло.

Нет ничего удивительного в том, что дети так любят их, поймал себя Дин на этой мысли.

— Мистер Дин, — сказала Воспителла, — пожалуйста, войдите. Это для нас большая честь.

— Спасибо, — ответил он, снимая шляпу.

Он сделал несколько шагов и услышал, как закрылась дверь, и вот Воспителла оказалась снова рядом с ним.

— Пожалуйста, в это кресло, — заметила она. — Оно у нас специально для особо почетных гостей.

Все было очень просто и по-дружески, однако на этом лежал отпечаток чего-то неведомого.

Где-то в доме послышался детский смех. Дин повертел головой, чтобы понять, откуда же он доносится.

— Это из детской, — сказала Воспителла. — Я закрою дверь.

Дин погрузился в кресло и положил старую, мятую шля-

пу на свое костлявое колено, поглаживая ее костлявыми пальцами.

Воспителла возвратилась и села на пол перед Дином, села таким неуловимым движением, без малейшего усилия, что у Дина создалось отчетливое впечатление, будто подняли вверх пол.

— Ну, — сказала Воспителла таким тоном, словно хотела намекнуть, что теперь все ее внимание приковано к Дину.

Но он молчал, потому что в комнате все еще слышался смех. Даже когда дверь в детскую закрыли, все еще слышался детский смех. Он заполнял комнату, это был по-настоящему счастливый, веселый, непринужденный, искренний, беспечный смех ребят, которые упиваются игрой.

Но этого было мало.

Искорка детства сверкала в воздухе, и у Дина возникло давно забытое чувство, что он вне времени, что день никогда не кончится, что о конце его даже подумать невозможно: легкий ветерок из несбыточной страны принес с собой запах ручья, что уносит по течению флотилии опавших осенних листьев, и чуть слышное благоухание клевера и ноготков, и аромат пушистого, только что выстиранного одеяла, какие бывают на детских кроватках.

— Мистер Дин, — сказала Воспителла.

Он виновато вскинулся.

— Простите, — сказал он Воспителле. — Я тут заслушался ребят.

— Но ведь дверь закрыта.

— И все же в этой комнате дети, — проговорил Дин.

— В комнате нет детей.

— Совершенно верно, — ответил он. — Совершенно верно.

Но они были здесь. Он мог слушать их смех и топот их ног.

Здесь были дети или, по крайней мере, такое ощущение, будто они здесь есть и будто здесь много цветов, которые на самом деле давным-давно засохли и погибли, но ощущение осталось. И ощущение красоты — красоты в ее разных проявлениях — и в цветах, и в ювелирных поделках, и в маленьких картинах, и в веселых разноцветных шарфах — вещах, которые на протяжении многих лет давали Воспителлам вместо денег.

— Эта комната, — запинаясь, смущенно сказал он. — До чего же приятная комната. Мне здесь так хорошо.

Он почувствовал, что в этой комнате окунается в юность и веселье. Если б он мог, подумалось ему, если б он только мог, он бы влился в течение этой жизни и был бы таким, как они.

— Мистер Дин, — сказала Воспителла, — вы очень чувствительны.

— Мне очень много лет. Может быть, в этом причина, — ответил Дин.

Комната была одновременно старой и старомодной, словно два столетия назад, — небольшой кирпичный камин, отделанный белым деревом, сводчатые дверные проемы и

окна от потолка до пола, скрытые тяжелыми черно-зелеными занавесями с золотой нитью. Здесь царили прочно обосновавшийся комфорт и ощущение большой надежности, которого современная архитектура — алюминий и стекло — никак не могла дать.

— Я человек старого склада и, видимо, скоро совсем впаду в детство, — сказал Дин. — Боюсь, что для меня опять настало время уверовать в сказки и волшебство.

— Это не волшебство, — ответила Воспителла. — Это наш образ жизни, только так и можем жить.

— Конечно.

Он снял мятую шляпу с колена и медленно поднялся.

Теперь смех казался слабее, а топот — тише. Но ощущение юности — свежести, кипучей силы, радости — все еще наполняло комнату. Оно озарило своим сиянием всю эту старую ветошь, и сердце Дина внезапно защемило от счастья.

Воспителла все еще сидела на полу.

— Вам что-нибудь нужно, мистер Дин?

Дин мямл в руках шляпу.

— Больше ничего. Кажется, я получил ответ.

Даже произнося эти слова, он не мог поверить, он знал, что невозможно поверить, будто он когда-то, стоя перед дверью этого дома, твердо считал, что до правды докопаться нельзя.

Воспителла встала.

— Вы придете к нам еще? Мы будем очень рады видеть вас.

— Может быть, — сказал Дин и повернулся к двери.

Вдруг на полу возник вертящийся волчок, золотой волчок, искрящийся драгоценностями, он вбирал свет и разбрасывал вокруг себя тысячи сверкающих цветных бликов, и его кружение сопровождалось мелодичным свистом — чем-то вроде музыки, запрятанной внутрь и расплавляющей человеческую душу.

Дин почувствовал, что надо уходить, хотя, сидя в кресле, он думал, что уйти для него невозможно. И снова донесся смех, и реальный мир куда-то уплыл, и внезапно комната наполнилась волшебным светом рождества.

Он быстро сделал шаг вперед и уронил шляпу. Он больше не знал ни своего имени, ни того, где он сейчас, ни как он попал сюда, — все это ему было безразлично. Он почувствовал, как счастье в нем бурлит и переливается через край, и он наклонился, чтобы достать волчок.

Дина отделяло от него лишь один-два дюйма, и он, наклонившись, сделал еще шаг, протянул руку — и попал пальцем ноги в дыру на старом ковре и рухнул вниз.

Волчок пропал, и рождественские огни погасли, и опять перед ним возник реальный мир. Ощущение бурлящего счастья исчезло, и в этой комнате — убежище для всех — остался лишь старик, который сился встать с пола, чтобы оказаться лицом к лицу с Воспителлой.

— Простите, — сказала Воспителла. — Вы почти дотянулись. Может быть, в другой раз.

Дин покачал головой.

— Нет! Только не в другой раз!

Воспителла мягко ответила:

— Мы не могли предложить вам ничего лучшего.

Дин неумело водрузил шляпу на голову и, дрожа как в лихорадке, повернулся к двери. Воспителла открыла ее, и Дин, пошатываясь, вышел на улицу.

— Приходите еще раз, — сказала Воспителла самым мягким тоном. — В любое время.

На улице Дин остановился и привалился к дереву. Он снял шляпу и вытер лоб.

Если раньше Дин был просто потрясен, то теперь в его душу вполз страх — страх перед существами, устроенными иначе, которые едят не как люди, а по-другому, которые питаются юностью и красотой, которые отщипывают по кусочкам радость у веселящегося ребенка, питаются смехом.

И не удивительно, что здешние дети взрослей, чем предполагается быть в их годы. Потому что чужаки лишают их ребячливости. Каждому человеку, наверное, положено немало веселья и детского смеха, подумал он. Иной исполь-

зует не все, что ему причитается, на это может быть лимит, а другой истратит все до конца, радость уйдет, он будет взрослым, а в душе у него не останется больше ни смеха, ни удивления.

Воспитатели не берут денег. Им и не к чему их брать, потому что деньги им не нужны. В доме у них чего только нет, чего только они не накопили за долгие годы!

И вот за все это время он первый ощутил, он первый выявил истинную сущность чужаков, привезенных домой Леймонтом Стайлсом. Грустно было сознавать, что он первый это обнаружил. Он сказал себе, что он стар, может, потому и оказался первым. Но это были всего лишь слова, почти автоматически сорвавшиеся с губ, просто он сам себя пожалел. Однако можно было предположить и это.

Он всегда беспокоился о том, что стареет, сказал он себе, будто сам факт старения хоть кто-то считал достоинством. Он забывал о настоящем, зато его озабоченность по поводу прошлого росла все больше и больше. Он начал впадать в детство и сам об этом знал — может, разгадка заключалась в этом? Может, поэтому он видел волчок и рождественские огни?

Ему хотелось знать, что бы произошло, если бы он схватил волчок.

Он надел шляпу на затылок, оторвался от дерева и медленно побрел вверх по улице, направляясь к дому.

Что он может сделать теперь, когда он раскрыл тайну Воспитателл, спрашивал он себя. Конечно, он мог бы побегать и растрезвонить об этом, но никто бы ему не поверил. Его бы вежливо выслушали, чтобы не ранить чувства старика, но любой житель городка счел бы это игрой воображения, и тут ничего нельзя было бы поделать. Потому что, кроме собственной непоколебимой уверенности, он бы не располагал ни единым доказательством.

Он мог бы обратить внимание на то, что молодежь теперь рано созревает, подобно тому как сегодня днем на это обратил внимание Стаффи. Но он не сумеет доказать даже это, так как в конечном счете все жители городка дадут рационалистическое объяснение случившемуся. Даже если других причин не найдется, они это сделают из чувства родительской гордости. Ни один человек не будет очень удивляться тому, что у его сына или дочери особенно хорошие манеры и что по развитию молодежь Милвилла стоит выше среднего уровня.

Казалось бы, родители должны заметить, им следовало бы это понять — ведь не могут же дети всего городка быть так хорошо воспитаны и так уравновешенны. И все же никто ничего не замечал. Перемены подкрадывались так медленно, происходили так гладко, что просто не были заметны.

Да уж если на то пошло, он и сам не заметил их, он, кто большую часть жизни был теснейшим образом связан с этими самыми детьми, в которых теперь находит так много удивительного. А если уж и он не заметил, то как можно ждать, чтобы это сделал кто-то другой? Болтливому

старика вроде Стаффи, который лезет куда не нужно, остается только говорить правду.

В горле у него пересохло и засосало под ложечкой. Больше всего ему сейчас хотелось чашечку кофе, сказал он себе.

Он свернул на улицу, которая вела в деловую часть города, и побрел по ней, нагнув голову, как бы вступая в сражение с темнотой.

Чем все это кончится, спросил он себя. Кому выгодно, чтобы дети не видели детства? Чтоб их обкрадывали? Какова цена того, что подрастающие юноши и девушки бросают игры намного раньше срока, что они прежде времени приобретают отношение к миру такое же, как у взрослых?

Кое-какая выгода очевидна. Дети Милвилла послушны и вежливы, к игре они подходят творчески.

Но все несчастье в том, что стоит им только задуматься над этим, как они перестают быть детьми.

Ну, а в будущем? Будет ли Милвилл поставщиком великих государственных деятелей, ловких дипломатов, первоклассных педагогов и талантливых ученых? Может быть, да, однако не это главное. Но чтобы выработать у них эти качества, детей обкрадывают, лишают детства — вот что самое главное.

Дин оказался в деловом районе, занимавшем не больше трех кварталов, и медленно побрел вниз по улице, направляясь к единственной в городке аптеке.

В аптеке было лишь несколько человек. Он прошел к стойке для лэнча и взобрался на высокую табуретку, надвинув на глаза мятую шляпу, и ухватился за край стойки, чтоб руки не дрожали.

— Кофе, — сказал он девушке, которая подошла принять заказ, и она принесла кофе.

Он сделал маленький глоток, но кофе был слишком горячим. Дин уже жалел о том, что пришел.

Внезапно он почувствовал себя совсем одиноким и чужим среди блеска ламп и металла, будто он припелся из прошлого и занял место, предназначенное для настоящего.

Он почти никогда не появлялся в деловом районе, и, наверное, поэтому у него родилось такое чувство. Еще того реже появлялся он здесь вечером; впрочем, некогда он тут бывал.

Дин улыбнулся, вспомнив, как они когда-то собирались и болтали в кружках о всякой всячине, не придавая этому особого значения.

Но теперь все это кончено. Его товарищей больше нет. Одни умерли, другие уехали.

Так он сидел в раздумье, понимая, что расчувствовался, но не придавая этому значения, — он слишком устал и ослаб, чтобы перебороть себя.

Чья-то рука коснулась его плеча, и он в удивление обернулся.

Перед ним стоял молодой Боб Мартин, он улыбался,

но с таким видом, будто не был вполне уверен в том, что поступает правильно.

— Сэр, мы вон там, за тем столиком, — сказал молодой Мартин.

Дин кивнул.

— Очень приятно, — пробормотал он.

— Мы хотели узнать, может... то есть, мистер Дин, мы были бы очень рады, если бы вы к нам присоединились.

— В самом деле, с вашей стороны это весьма любезно.

— Мы не имели в виду, сэр... то есть...

— Ну конечно, — сказал Дин. — Я буду очень рад.

— Разрешите перенести ваш кофе, сэр. Я не пролью ни капельки.

— Доверяю тебе, Боб, — сказал Дин, поднимаясь из-за стола, — у тебя верная рука.

— Я сейчас вам объясню, мистер Дин. Не то чтобы я не хотел играть... Просто...

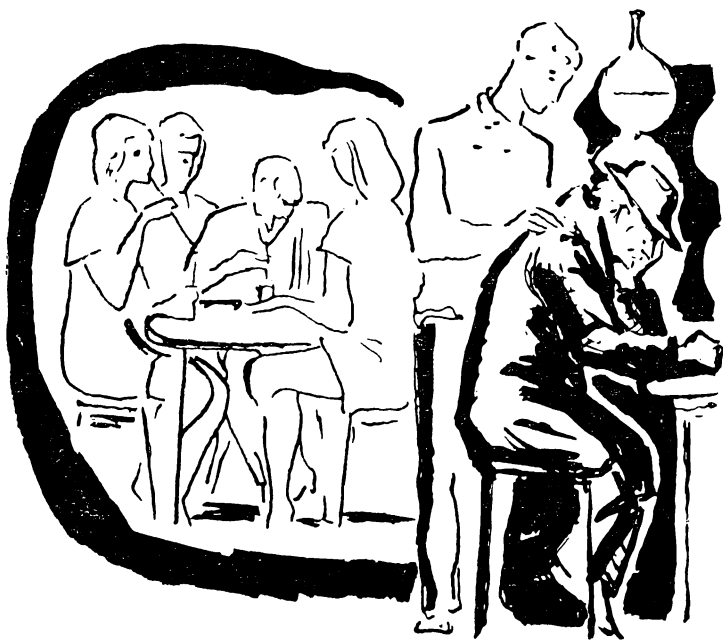
Дин слегка похлопал его по плечу.

— Я понимаю. Не к чему объяснять.

Он помедлил секунду, пытаясь сообразить, стоит ли рассказывать о том, что у него на уме.

И решил:

— Если ты не проболтаешься тренеру, я даже скажу, что согласен с тобой. В жизни бывают такие этапы, когда регби начинает казаться довольно глупой игрой.

Мартин с облегчением улыбнулся.

— Вы попали в самую точку. Вот именно.

Он пошел к своему столику.

За столом сидело четверо — Рональд Кинг, Джордж Уэдз, Джуди Чарльсон и Донна Томпсон. Все до одного хороши, подумал Дин. Как на подбор! Он смотрел, как они неторопливо потягивают содовую, стараясь растянуть удовольствие.

Они смотрели на него и улыбались, и Джордж Уэдз отодвинул один из стульев, как бы приглашая Дина. Тот осторожно сел и положил шляпу на пол за своим стулом. Боб пододвинул ему кофе.

— С вашей стороны было очень любезно вспомнить обо мне, — сказал Дин и удивился, почему он чувствует себя скованным. В конце концов это его дети — дети, которых он каждый день видел в школе, те, кого он лелеял и побуждал учиться, дети, которых у него самого никогда не было.

— Как раз вы нам и нужны, — сказал Рональд Кинг. — Мы тут говорили о Леймонте Стайлсе. Он единственный милвиллец, который побывал в космосе и...

— Вы, должно быть, его знали, мистер Дин, — сказала Джуди.

— Да, — неторопливо ответил Дин. — Я его знал, но хуже, чем Стаффи. Они со Стаффи вместе провели детство. Я был немного старше.

— Что он за человек? — спросила Донна.

Дин хмыкнул.

— Леймонт Стайлс? Он был в нашем городке козлом отпущения. Когда он учился в школе, ни денег, ни домашнего очага у него не было, он так и не доучился. Если в городе что-то приключалось, вы могли ручаться головой, что в этом замешан Леймонт. Каждый встречный и поперечный утверждал, что из Леймонта ничего путного не выйдет, а так как о нем судачили часто и долго, Леймонт, должно быть, принимал это близко к сердцу...

Он говорил еще и еще, и они задавали ему вопросы, а Рональд Кинг сходил к стойке и принес ему еще одну чашечку кофе.

От Стайлса разговор перекинулся на регби. Кинг и Мартин повторили ему то, что сказали тренеру. Потом затронули проблемы школьного самоуправления, а потом перешли к обсуждению новой, недавно открытой теории ионного двигателя.

Дин не всегда принимал участие в разговоре; он много слушал и сам задавал вопросы, и время промелькнуло незаметно.

Внезапно огни начали мигать, и Дин в изумлении поднял глаза.

Джуди, смеясь, разъяснила:

— Это сигнал к закрытию. Значит, нам пора уходить.

— Понятно, — сказал Дин. — А что, с вами частенько так бывает -- то есть, я хочу сказать, часто вы сидите здесь до самого закрытия?

— Не очень, — ответил ему Боб Мартин. — В будни больно уж много задают.

— А я вот помню, когда-то давно такое со мной было, — начал Дин, но осекся на полуслове.

Да, и впрямь давно, подумал он. И сегодня вечером — снова!

Он окинул их взглядом — пять лиц склонились над столом. Вежливы, добры и почтительны, подумал он. Но этого мало.

В разговоре с ними Дин забыл о том, что он стар. Они принимали его просто как еще одно живое существо, а не как человека преклонных лет, не как символ авторитета. Они стали ему близки, он почувствовал, будто он — один из них, а они — это он, они сломали не только барьер между учениками и учителем, но и барьер между молодостью и старостью.

— У меня здесь машина, — сказал Боб Мартин. — Разрешите подвезти вас до дому.

Дин подобрал с пола шляпу и медленно поднялся на ноги.

— Нет, спасибо, — сказал он. — Пожалуй, я лучше пройду пешком. Мне нужно кое-что обдумать, а когда идешь, думается лучше.

— Приходите еще, — сказала Джуди Чарльсон. — Может, как-нибудь в пятницу вечером.

— Спасибо, — ответил Дин. — Пожалуй, я приду.

Большие дети, сказал он себе с некоторой гордостью. Намного добрее и вежливее обычных подростков. Ни нахальства, ни снисходительности, будто они и не дети, и все же есть в них великопение юности, и мечтательность, и честолюбие, что идут рука об руку с юностью.

Повзрослевшие прежде времени, лишенные цинизма. А это очень важно — отсутствие цинизма.

Конечно, в их человеколюбии нет ничего дурного. Быть может, именно этой монетой и платили Воспителлы за украденное детство.

Если только они и впрямь его украли. Потому что, может, они и не крали, может, просто взяли его, чтобы отложить про запас и отдать его потом. А если это так, то Воспителлы одарили ребят новым чувством зрелости и новым ощущением равенства. И взяли у ребят другое — то, что так или иначе пропадало впустую, нечто такое, чему люди, в сущности, не находили применения, но для Воспителл это было основой основ.

Они ловили быстротечные мгновения и удерживали их, и вот он — урожай многих лет, дом был доверху набит ими.

Леймонт Стайлс, спросил он, ведя мысленный разговор с этим человеком через долгие годы, через дальние расстояния, ты об этом знал? Какую цель ты преследовал?

Может, это был вызов самодовольству чопорного городка, который вынудил его стать сильным? Может, надежда, а может, и уверенность, что ни один милвиллец больше уже не скажет ни про кого из ребят, как говорили про

Леймонта Стайлса, что из этого мальчика или девочки ничего путного не выйдет.

Это, конечно, важно, но это еще не все.

Донна дотронулась до него и потянула за рукав.

— Пошли, мистер Дин, — настойчиво звала она. — Вам нельзя здесь оставаться.

Они все вместе направились к двери, попрощались, и он вышел на улицу, как ему показалось, немного быстрее обычного.

Но это потому, что теперь он стал чуть моложе, чем был два часа назад, совершенно серьезно сказал он себе.

Он пошел вверх по улице, мимо лужайки, заросшей кустарником, и увидел, что свет все еще просачивается сквозь спущенные занавески.

Он остановился у крыльца. Внезапно у него мелькнула мысль: «Это и Стаффи, и я сам, и старина Эйб Хокинс. Нас много...»

Дверь отворилась: на пороге стояла Воспителла, спокойная и красивая. Она несколько не удивилась. Словно она специально ждала меня, подумал Дин.

И увидел остальных, которые сидели у камина.

— Пожалуйста, входите в дом, — сказала Воспителла. — Мы очень рады тому, что вы решили вернуться. Все дети ушли. Давайте поговорим в тишине и покое.

Он вошел, снова сел в кресло и аккуратно положил шляпу себе на колено.

Еще раз дети пробежали по комнате, и он почувствовал себя вне времени и пространства и услышал смех.

Он сидел в кресле и думал, покачивая головой, а Воспителлы ждали.

Трудно, думал он. Трудно найти нужные слова.

И вновь, как много лет назад, он почувствовал себя учеником, которого учитель вызвал отвечать урок.

Они все еще ждали, но они были терпеливы: надо дать ему время. Он должен сказать обо всем как следует. Он должен добиться того, чтоб они поняли. Он не может просто чесать языком. Его слова должны прозвучать естественно и в то же время должны быть логичными.

Но как сделать, чтобы в них была логика, спросил он себя.

В том, что старики, подобные ему и Стаффи, нуждаются в Воспителлах, не было ни грана логики.

Перевод с английского Е. ВАНСЛОВОЙ

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Очень часто Клиффорд Саймак, один из видных западных писателей-фантастов, пробует представить в своих произведениях контакты человечества с разумными существами иных миров. Советскому читателю хорошо известны такие его произведения, как, например, «Детский сад» или «Денежное дерево» (последний рассказ был опубликован в «Искателе» в 1966 году). Как же

чаще всего представляет себе американский фантаст эти контакты?

В рассказе «Детский сад» неведомая машина, заброшенная на Землю какой-то высшей цивилизацией, щедро одаривает людей подарками, излечивает безнадежно больного человека, прекращает вспыхнувшую эпидемию... Герой «Денежного дерева», простой и хороший парень Чак Доул тоже готов получить от космических пришельцев подарок — удивительное растение, на котором вместо листьев — двадцатидолларовые бумажки... Да, невероятны могут быть сюжеты произведений Саймака, посвященных проблеме Контакта, но во всех них без труда прослеживается одна и та же главная мысль: инопланетяне обязательно должны в чем-то помочь людям, чему-то их научить, что-то им дать...

Потому что в современном капиталистическом мире каждый честный человек не может не видеть симптомов неизлечимой болезни, не может не встревожиться ими и не искать спасительного выхода.

Эта тревога звучит в рассказе Саймака «Воспителлы». Ведь здесь представители иной цивилизации прибывают на Землю для того, чтобы спасти подрастающее поколение американцев от духовного и нравственного обнищания, которое им уготовано. Маленькие герои рассказа становятся лучше, умнее, благороднее лишь потому, что они окружены заботой Воспителл. Именно Воспителлы учат их ценить и беречь, сохранять лучшие человеческие качества: доброту и щедрость, честность и дружбу, мужество, искренность... Словом, именно те человеческие качества, которых нет места в мире буржуазных порядков.

Воспителлы — это символ иного воспитания. Воспитания, о котором мечтает писатель в своем рассказе. Но этот рассказ (так же как и другие произведения Саймака, посвященные Контакту) вскрывает и очевидную слабость мировоззрения писателя. Ведь, по мысли Саймака, только пришельцы, только представители иных цивилизаций способны изменить положение вещей, сложившееся в его стране. Иных путей социальных изменений писатель не видит, и поэтому ему остается только мечтать. Мечтать о добрых феях, которые прилетят с других планет сеять добро на Земле. Грустная это мечта!

Фантастический рассказ

Каждый, кто ознакомится со всеми фактами, относящимися к этой истории, не допустит и мысли, будто записи Джойс — Армстронга являются просто-напросто шуткой, придуманной каким-то неизвестным лицом с извращенным и мрачным чувством юмора. Бесспорно, содержащиеся в записях утверждения кажутся невероятными, чудовищными, и тем не менее надо признать, что этот рассказ правдив и что сейчас

человечеству придется пересмотреть свои представления и приспособить их к новым фактам.

Оказывается, наш мир очень слабо защищен от угрожающей ему странной и внезапной опасности. На этих страницах я постараюсь изложить все, что мне известно по этому поводу, и приведу подлинные документы, правда, в несколько сокращенном виде. Впрочем, все по порядку.

Рукопись Джойс — Арм-

Рассказ А. Конан-Дойля «Ужас высот» был написан в то время, когда авиация делала самые первые шаги.

Знаменитый писатель остался в этом рассказе на уровне научных и технических представлений своего времени, и сегодня может показаться очень забавным восторженное описание моноплана, на котором герой рассказа пытался достичь самых верхних слоев атмосферы, может вызвать улыбку и его снаряжение, в частности, ружье, которое он берет с собой. Комичными кажутся и его фантастические воздушные приключения...

Но все-таки следует отметить и другое. Ведь Джойс — Армстронг, герой рассказа, — это настоящий ученый-исследователь, ради выяснения научной истины готовый рискнуть жизнью и даже пожертвовать ею. И в этом смысле его образ не может не вызывать глубокой симпатии и уважения. Потому что мужество, самоотверженность, настойчивость в научном поиске — качества, которые никогда не стареют.

Впервые на русском языке рассказ «Ужас высот» был опубликован в журнале «Мир приключений» в 1914 году. Сегодня мы печатаем его в новом переводе В. Штенгеля.

стронга была найдена фермером Джемсом Флинном в поле, носящем название Лоуэр Хэйкок, в одной миле к западу от деревни Уитингэм на границе Кента и Суссекса. Днем пятнадцатого сентября фермер заметил курительную трубку, лежавшую близ тропинки, проходящей по краю поля. Пройдя несколько шагов дальше, фермер поднял с земли пару разбитых стекол от бинокля. Наконец он обнаружил записную книжку, обернутую в парусину. Это был блокнот с отрывными листами. Некоторые из них были оторваны и развевались по ветру тут же, в кустарнике. Флинн собрал их. И все же несколько листков не были найдены, что оставило в этом чрезвычайно важном документе прискорбный пробел. Фермер передал все сделанные им находки доктору Дж. Х. Эсертону из Гартфильда, который сразу переправил их в лондонский аэроклуб. Там они сейчас и находятся.

Главная часть рукописи написана очень четко чернилами, но последние несколько строк набросаны карандашом так неразборчиво, что их едва можно было прочесть. Есть основания предполагать, что они нацарапаны кое-как в кресле авиатора во время полета. На последних страницах и на обертке обнаружено несколько пятен. Эксперты установили, что это пятна крови млекопитающего, а возможно, человека. Позже было доказано, что это кровь Джойса — Армстронга: в ней были найдены следы малярии, а как известно, пилот страдал перемежающейся лихорадкой. Какое мощное оружие дает со-

временная наука детективам!

Первые две страницы рукописи утеряны, не хватает одной страницы и в конце повествования, но все это не вредит общей связности рассказа. Предполагают, что утраченное начало записей относится лично к Джойс — Армстронгу, его квалификации как летчика и прочим данным. Все эти сведения, конечно, оказалось возможным получить из других источников.

Джойс — Армстронг считался одним из выдающихся пилотов Англии. В течение многих лет он славился не только своей отвагой; он был также талантливым инженером. Оба эти качества давали ему возможность и изобретать, и испытывать на опыте некоторые свои приборы (в числе его изобретений, например, можно указать усовершенствованную конструкцию гироскопа — этот прибор называется сейчас гироскопом Джойс — Армстронга).

По свидетельству его многочисленных друзей, Джойс — Армстронг был не только механиком и изобретателем; он был поэтом и мечтателем. Обладая большим состоянием, он тратил значительные средства на свои авиационные увлечения. У него были четыре аэроплана в ангарах около Девайза. Говорят, что за последний год он совершил не менее 150 полетов. По характеру он был склонен к уединению, угрюмому настроению, избегал общества своих товарищей.

В последнее время люди, близко знавшие Джойс — Армстронга, отмечали в его поведении некоторые странности.

Известно, что Джойс — Армстронг очень болезненно воспринял весть о катастрофе, происшедшей с лейтенантом Мэртлем. Мэртль, пытавшийся установить рекорд высоты, упал примерно с 30 тысяч футов. Страшно сказать — хотя тело и конечности сохранили свою форму, голова пилота так и не была найдена. По словам капитана Дэнджерфильда, знавшего Джойс — Армстронга лучше, чем кто-либо другой, на встречах летчиков Джойс — Армстронг всегда задавал один и тот же вопрос, злоежась улыбаясь: «А скажите, пожалуйста, куда же делась голова Мэртля?» Создавалось впечатление, что у него есть какая-то мрачная догадка на этот счет, о которой, однако, он ни с кем не хочет говорить.

Известен и другой случай подобного же загадочного поведения Джойс — Армстронга — во время диспута за столом летной школы в Солсбери о том, какую из опасностей, подстерегающих летчика на больших высотах, следует признать наиболее угрожающей. Выслушивая различные суждения о воздушных ямах, конструктивных неполадках, чрезмерном крене самолета, он лишь пожимал плечами, храня угрюмое молчание. Можно было подумать, что ему известно на этот счет что-то большее, чем всем остальным.

Следует, наконец, отметить и то, что после бесследного исчезновения Джойс — Армстронга его личные дела оказались в таком аккуратном состоянии, что создавалось впечатление, будто у него было предчувствие катастрофы.

Таковы предварительные

пояснения, после которых я изложу повествование самого Джойс — Армстронга совершенно так, как оно было изложено, начиная с третьей страницы в его записной книжке, испачканной кровью.

«...Когда я обедал в Реймсе с Козелли и Густавом Раймондом, я обнаружил, что ни один из них не имел ни малейшего представления об особой опасности, таящейся в высших слоях атмосферы. Я не раскрыл им своих мыслей, но так близко подходил к этому, что, будь у них хоть какая-нибудь аналогичная мысль, они не могли бы не высказать мне ее. Но это были пустые, тщеславные парни, все мечты которых заключались в том, как бы увидеть в газетах свои фамилии; позже я выяснил, что ни один из них никогда не летал выше 20 тысяч футов. Если мои предположения правильны, пилоту грозит опасность лишь в зоне атмосферы, расположенной значительно выше.

Полеты на машинах тяжелее воздуха проводятся уже более двадцати лет, и позволительно спросить, почему же опасность, которую я имею в виду, обнаружилась только в наши дни? Ответ прост. В прежние годы, когда мощность воздухоплавательных машин была еще невелика, когда «гномы» или «гриины» в сто лошадиных сил считались пригодными для любых целей, высота полета была еще очень ограничена. Теперь, когда самолет в триста лошадиных сил является правилом, а не исключением, полеты в высшие слои атмосферы становятся все более доступными, более обыденными. Некоторые из

нас могут вспомнить, как в дни нашей молодости Гарро приобрел всемирную известность, поднявшись на 19 тысяч футов, а перелет через Альпы считался замечательным достижением. Сейчас масштабы изменились. За один только прошлый год было совершенно двадцать высотных полетов, и большей частью успешно. Высота в 30 тысяч футов достигается теперь без особых сложностей, если не считать холода и затрудненного дыхания. Но почему же о страшной опасности больших высот знаю я один? На это, впрочем, тоже ответить просто. Пришелец из других миров мог бы спускаться на нашу планету тысячу раз, никогда не встретив тигра. Но тигры существуют, и если бы этому пришельцу довелось спуститься в джунглях — тигры могли бы его растерзать. Так и я — мне одному случилось оказаться в джунглях атмосферы. Да, в высших слоях атмосферы тоже есть джунгли, и их населяют существа похуже тигров. Я верю, что со временем эти джунгли будут точно нанесены на карты. Даже сейчас я могу назвать два таких района: один из них лежит над территорией По — Биарриц во Франции, другой как раз надо мною, когда я пишу сейчас у себя дома в Вильшире. Я полагаю, что есть и третий район — в области Гамбург — Висбаден.

Впервые я задумался над этим после исчезновения ряда летчиков. Говорили, что они упали в море, но я не верю. Сначала это произошло с Веррисом во Франции; разбитая машина пилота была обнаружена около Байон-

ны, но тело его так и не удалось найти. Аналогичный случай произошел и с Бакстером, тело которого тоже исчезло, хотя его самолет и несколько стальных деталей были найдены в лесах Лестершира. Доктор Миддлтон из Эмсбери, наблюдавший этот полет через телескоп, заявил, что как раз перед тем, как облака скрыли самолет, он, находясь на огромной высоте, вдруг вертикально поднялся вверх и затем совершил ряд резких маневров, которые были, по мнению наблюдателя, совершенно невероятными. Об этом писали в газетах, но никаких выводов не было сделано. Произошло еще несколько подобных случаев, и, наконец, погиб Хэй Коннор. Сколько болтовни было об этом в газетах, каких только не делалось скудоумных предположений! И как мало было сделано для того, чтобы выяснить это дело до конца! Хэй Коннор приземлился после невероятного планирующего спуска с неизвестной нам высоты. Он не выходил из аэроплана и умер в кресле пилота. По какой причине он умер?

— От порока сердца, — утверждали врачи.

Чепуха! Сердце Хэя Коннора было не хуже моего. А что сказал Венабль? Венабль был единственным человеком, присутствовавшим при смерти Коннора. Венабль говорил, что умирающий трепетал, был чем-то смертельно испуган.

— Он умер от страха, — сказал Венабль.

Но он тоже не имел никакого представления о том, что так напугало Коннора. Умиравший успел сказать только одно слово, похо-

жее на слово «чудовищно». Это нисколько не помогло расследованию. Но я разгадал, в чем дело. «Чудовища!» — вот что сказал перед смертью бедняга Гарри Хэй Коннор. И он на самом деле умер от страха, как это и предположил Венабль.

А затем смерть Мэртля. Куда, в самом деле, исчезла его голова? А жир на одежде Мэртля? В протоколе было сказано: «весь скользкий от жира». Странно, что никто не задумался над этим! А я думал, долго думал.

После этого я сделал три высотных полета (как Дэнджерфильд подшучивал надо мною из-за того, что каждый раз я беру с собой ружье!), но все не достигал нужной высоты.

И наконец — последний полет на легком аэроплане системы «Поль Веронер», когда я побил все высотные рекорды. Конечно, я подвергался страшной опасности. Но тот, кто хочет избежать ее, должен вообще уйти из авиации и сидеть дома в туфлях и халате. И если когда-нибудь я не вернусь, то эта записная книжка сможет объяснить, что именно я пытался совершить и как я при этом погиб. Но, пожалуйста, без нелепой болтовни и нелепых предположений.

Сейчас я расскажу об этом последнем полете.

Я избрал для своей цели моноплан — эта конструкция незаменима, когда речь идет о большой высоте. Он не боится влаги, а сейчас такая погода, что, может быть, все время придется лететь в облаках. Мой славный моноплан слушается меня, как хорошая лошадь, приучен-

ная к узде. Двигатель имеет десять цилиндров, мощность 175 лошадиных сил; машина оборудована тормозными колодками, защищенным фюзеляжем, гироскопом. Я снова захватил с собою ружье и дюжину патронов с крупной дробью. Я был одет, как полярный исследователь: под моим комбинезоном были две фуфайки, на ногах теплые носки, на голове шлем, на глазах защитные очки. На земле в таком одеянии было душно, но я ведь собирался достигнуть высоты Гималайских гор. Конечно, я взял с собою кислородный баллон. Человек, поднимающийся на рекордную высоту, не может обойтись без него, он либо замерзнет, либо задохнется, или с ним случится и то и другое.

Перкинс, мой старый механик, почувствовал, что я что-то затеваю, и умолял меня взять его с собою. Может быть, я и выполнил бы его просьбу, лети я на биплане, как в предыдущих трех случаях, но моноплан, если вы намереваетесь выжать из него все, на что он способен, предназначен только для одного человека.

Я хорошенько осмотрел несущие поверхности, руль направления и руль высоты и только тогда сел в самолет. Насколько можно судить, все было в порядке. Затем я запустил двигатель и убедился, что он работает нормально. Машину отпустили, и я взлетел, сделал два круга над своим домом, чтобы разогреть двигатель, а потом, махнув на прощанье рукой Перкинсу и всем, кто меня провожал, выровнял моноплан и пошел вверх. Восемь или десять миль мой моноплан скользил

по ветру, как ласточка, потом стал подниматься огромной спиралью к гряде облаков. Очень важно подниматься медленно, постепенно привыкая к изменению давления во время полета.

Был теплый и душный сентябрьский день, кругом стояла тишина, чувствовалось приближение дождя. По временам с юго-запада долетали внезапные порывы ветра. Один из них был такой сильный и внезапный, что он захватил меня врасплох и отклонил самолет в сторону. Я вспомнил о тех недавних еще временах, когда резкие порывы ветра, завихрения и воздушные ямы представляли для машин реальную угрозу, и порадовался тому, что теперь созданы мощные двигатели, для которых такие опасности нипочем. Как раз в тот момент, когда я добрался до гряды облаков на высоте 3 тысяч футов, хлынул дождь. Боже мой, что это был за ливень! Он барабанил по крыльям самолета, хлестал мне в лицо, заливал переднее стекло, так что я с трудом мог что-либо рассмотреть. Тогда на малой скорости я пошел вниз. Дождь между тем превратился в град, а потом кончился так же неожиданно, как начался. Я снова стал подниматься. Все было в порядке — ровно и мощно гудел мотор: все десять цилиндров работали как один. Вот когда я подумал о преимуществах новых двигателей, оснащенных глушителями: теперь мы можем определить на слух малейшую неисправность в их работе. Раньше ничего нельзя было разобрать из-за чудовищного шума.

Около 9.30 я приблизился

к облакам вплотную. Далеко подо мною расстилалась обширная равнина Сэльсбери. С полдюжины самолетов совершали обычные полеты на высоте одной тысячи футов. На зеленом фоне они казались маленькими черными листочками. Думаю, они удивлялись, глядя на меня, — зачем я поднялся так высоко, И тут же влажные струи пара закружились перед моим лицом. Стало мокро, холодно и неуютно. Облако было темное, густое, как лондонский туман. Стремясь скорее добраться до ясного неба, я так круто стал забирать вверх, что раздался автоматический сигнал тревоги и машину пришлось выравнивать. Мокрые крылья, с которых ручьями стекала вода, утяжелили вес машины в большей степени, чем я ожидал, но несколько минут спустя я все же достиг более легких облаков, а вскоре показался и верхний слой. Представьте — белый сплошной «потолок» сверху и темный сплошной «пол» внизу. А между ними с трудом двигался вверх по большой спирали мой моноплан. Каким отчаянно одиноким чувствуешь себя в этих облачных просторах! Только один раз мимо меня промелькнула стая маленьких птиц. Думаю, это были чирки, но я никуда не годный зоолог. А сейчас, когда мы, люди, сами стали птицами, нам нужно знать о наших братьях все.

Ветер шевелил подо мною огромную равнину облаков. Как-то раз сильный вихрь образовал подобие водоворота из пара, и сквозь него, как через туннель, я увидел далекую землю. Большой белый биплан пролетал подо

мною далеко внизу. Думаю, что это был почтовый утренний самолет, совершавший рейсы между Бристолем и Лондоном. Затем тучи снова сомкнулись, и опять меня охватило страшное одиночество.

После десяти часов я достиг края верхнего покрова облаков. Он состоял из красивого прозрачного тумана, быстро движущегося с запада. Все это время ветер непрерывно усиливался, и уже было очень холодно, хотя мой альтиметр показывал только 9 тысяч футов. Я поднимался все выше. Гряда облаков оказалась более плотной, чем я предполагал, но с высотой она делалась все тоньше и в конце концов превратилась в легкую золотую дымку. Вдруг в одно мгновение я прорвался сквозь нее, и теперь надо мной было ясное небо и сверкающее солнце. Вверху был голубой и золотой купол; внизу, насколько мог окинуть взгляд, простиралась сверкающая серебром огромная мерцающая равнина. Было четверть одиннадцатого, стрелка прибора показывала 12 800 футов. Но я продолжал подниматься. Слух был поглощен глухим жужжанием мотора, а глаза все время следили за часами, указателем числа оборотов, уровнем бензина и работой бензинового насоса. Не удивительно, что летчиков считают храбрыми: когда приходится следить за таким количеством приборов, бояться нет времени. При 15 тысячах футов вышел из строя мой компас, и я ориентировался только по солнцу.

С каждой тысячей футов подъема ветер усиливался. Моя машина стонала и дро-

жала всеми стыками и заклепками, а когда я делал виражи для поворота, ветер относил ее в сторону; но я вынужден был то и дело поворачивать, чтобы подниматься по спирали: по моим предположениям, воздушные джунгли располагались прямо над Вильтширом, и все мои труды могли оказаться напрасными, если бы я пересек внешние края облаков в каком-нибудь более отдаленном месте.

Когда я добрался до уровня 19 тысяч футов (это случилось около полудня), ветер достиг такой силы, что я с некоторым беспокойством стал смотреть на опоры крыльев самолета, ежеминутно ожидая катастрофы. Я даже освободил парашют и прикрепил его крюк к своему поясу, готовившись к худшему. Теперь малейшая неисправность машины могла стоить мне жизни. Но моноплан держался храбро, хотя каждый трос, каждая стойка вибрировали и гудели, как струны арфы. Чудесно было видеть, что, несмотря на удары и толчки ветра, машина была все же победителем природы и хозяйкой неба.

Ветер то бил мне в лицо, то пронесился со свистом за моей спиной. Царство облаков подо мною отодвинулось на такое расстояние, что серебряные складки и холмы сгладились в ровную сверкающую поверхность.

И вдруг я испытал страшное, неведомое раньше ощущение. Я знал по рассказам других пилотов, что это значит — быть в центре вихря, но никогда не испытывал этого на себе. Гигантский стремительный поток ветра, в котором я несясь, имел в себе

вихревые водовороты. Совершенно неожиданно я попал вдруг в самый центр одного из них. Машина вошла в штопор с такой скоростью, что я почти потерял сознание. Самолет падал как камень и сразу потерял тысячу футов. Только пояс удержал меня в кресле. Я остался на миг в полубессознательном состоянии. Но я способен выдерживать высокие перегрузки — это мое большое преимущество как летчика. Я пришел в себя и почувствовал, что падение замедлилось: тогда я выровнял самолет и в одно мгновение выскочил из центра вихря. Тогда, все еще потрясенный этим случаем, но уже радуясь победе, я повернул самолет вверх и снова начал устойчивый подъем по восходящей спирали. Сделав большой круг, чтобы избежать опасного места, моноплан вскоре оказался выше воронки целым и невредимым. Спустя час я был уже на высоте 21 тысячи футов над уровнем моря. К большой моей радости, теперь с каждой сотней футов подъема ветер становился все слабее. Но было очень холодно, и я почувствовал особое состояние, вызываемое разреженностью воздуха. Впервые за этот полет я открыл кислородный баллон. Кислород пробежал по моим жилам, и я почувствовал восторг, почти опьянение. Я кричал, и пел, поднимаясь все выше и выше сквозь холодный и безмолвный мир.

Правда, было мучительно холодно, и мой термометр (Фаренгейт) показывал нуль*. В 1 час 30 минут я был на

* Или около 18 градусов мороза по Цельсию.

Рисунки Л. КАТАЕВА

расстоянии семи миль от поверхности земли и все же упорно продолжал подъем. Но вскоре обнаружилось, что разреженный воздух уже не дает достаточной опоры для крыльев, вследствие чего постепенно мой подъем прекратился. Становилось ясным, что даже легкий вес моего самолета и мощный двигатель не помогут мне преодолеть «потолка». В довершение бед один из цилиндров двигателя вышел из строя. Впервые я стал опасаться неудачи.

Чуть раньше произошел странный случай. Что-то прожужжало мимо меня, оставив за собой туманную дымку, и взорвалось с громким свистящим звуком, выбросив облако пара. На мгновение я растерялся и не мог понять, что случилось; затем вспомнил, что земля подвергается непрерывной бомбардировке метеоритами и вряд ли была обитаемой, если бы они почти во всех случаях не превращались в пар в вышних слоях атмосферы. Вот еще одна опасность для летчиков, поднимающихся на большую высоту! Когда я приближался к высоте 40 тысяч футов, еще два других метеорита промелькнули мимо меня. Нет сомнений, что в самых верхних слоях атмосферы такая опасность становится совершенно реальной.

Стрелка прибора показывала 41 300 футов, когда, как я уже говорил, дальнейший подъем стал невозможен. Всякая попытка подняться выше вызывала скольжение на крыло, во время которого самолет как будто выходил из подчинения. Может быть, если бы двигатель был в лучшем состоянии, я мог бы под-

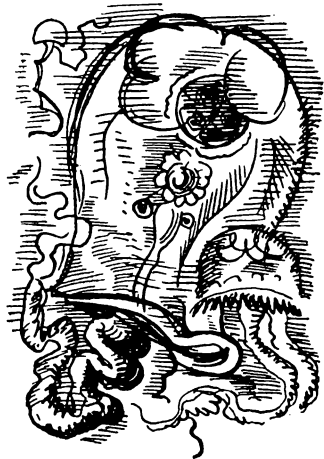
няться еще на тысячу футов, но вскоре еще один цилиндр вышел из строя. Впрочем, уже и эта высота была, по моим расчетам, вполне достаточной для того, чтобы здесь искать разгадку той неведомой опасности, что подстерегала пилотов в верхних слоях атмосферы. Моноплан планировал, и я с помощью бинокля Мангейма стал тщательно осматривать окрестности. Небо было исключительно ясным; пока не замечалось никаких признаков тех опасностей, о которых я думал.

Машина двигалась небольшими кругами. Но потом мне пришлось в голову, что правильнее будет делать более широкие круги. Когда на земле охотник вступает в джунгли, если он хочет найти «дичь», ему нужно как можно больше двигаться. Запаса бензина, правда, оставалось только на час, но я мог расходовать его до последней капли, потому что мог опуститься на землю, планируя.

И вдруг я заметил что-то новое. Воздух передо мной потерял свою кристальную чистоту. Теперь он был заполнен длинными развевающимиися клочьями, которые я могу сравнить только с очень тонким дымом от папирос. Они висели завитками и кольцами, поворачиваясь и медленно извиваясь в лучах солнца. Когда моноплан пронесился сквозь них, я почувствовал на губах слабый вкус жира, а на деревянных частях самолета появился жирный осадок. В атмосфере были какие-то бесконечно тонкие органические вещества. Они простирались на много акров, и им не было видно конца. Нет, это была не

жизнь. Но, может быть, органическая пища для поддержания жизни каких-либо неведомых гигантских существ. Я все еще продолжал размышлять над этим, когда, подняв глаза, увидел самую удивительную картину, когда-либо виденную человеком. Не знаю, смогу ли я достаточно ярко передать ее.

Представьте себе морскую медузу в форме колокола, но гигантских размеров, величиною с купол собора святого Павла. Она была бледно-розового цвета, с тонкими светло-зелеными прожилками. Все ее огромное тело было настолько прозрачным, что на фоне синего неба она казалась каким-то волшебным эскизом. Это сказочное существо пульсировало в нежном регулярном ритме. С него свешивались два длинных и влажных зеленых щупальца, которые медленно раскачивались взад и вперед. Это феерическое видение проплыло над моей головой бесшумно и величаво, легкое и хрупкое, как мыльный пузырь.

Я немного изменил курс моноплана, чтобы полюбоваться этим чудесным созданием, как вдруг обнаружил, что нахожусь среди целой флотилии таких же существ самых различных размеров, но меньших, чем первое. Некоторые из них были совсем маленькими, но большая часть — средних размеров, все такие же куполообразные. Тонкость их тел и нежность окраски напоминали мне тончайшее венецианское стекло. Основные оттенки были бледно-розовые и зеленые. Они чудесно переливались, когда солнечные лучи проходили сквозь изящные купола этих существ. Мимо меня проплыло несколько сот таких созданий — удивительная сказочная эскадра фантастических небесных кораблей. Их цвет и хрупкость были созвучны ясным высотам неба: трудно было представить себе что-нибудь подобное в земных условиях.

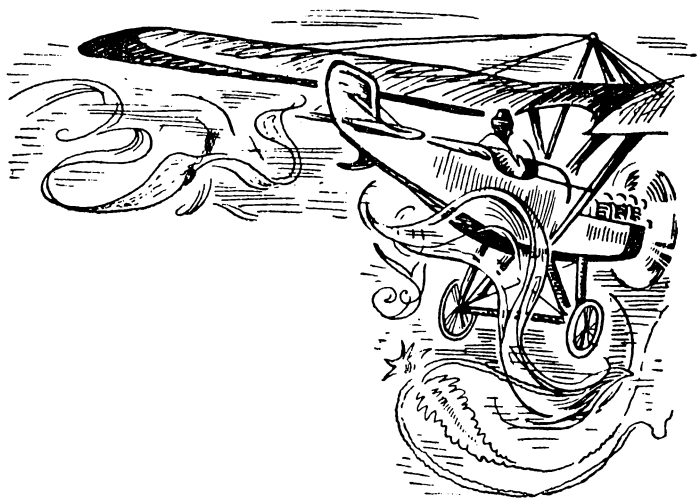
Но скоро мое внимание привлекли другие существа, похожие на змей. Это были длинные и тонкие фантастические спирали и кольца из какого-то вещества, напоминающего пар. Они быстро извивались, вертелись, летя с такой скоростью, что взгляд едва мог уследить за ними. Некоторые из этих прозрачных существ достигали 20—30 футов длины, но трудно было определить их толщину: контуры были настолько смутными, что, казалось, растворялись в окружающем воздухе. Воздушные змеи имели очень светлый серый или дымчатый цвет с несколькими более темными линиями внутри, которые создавали впечатление определенной четкости структуры. Од-

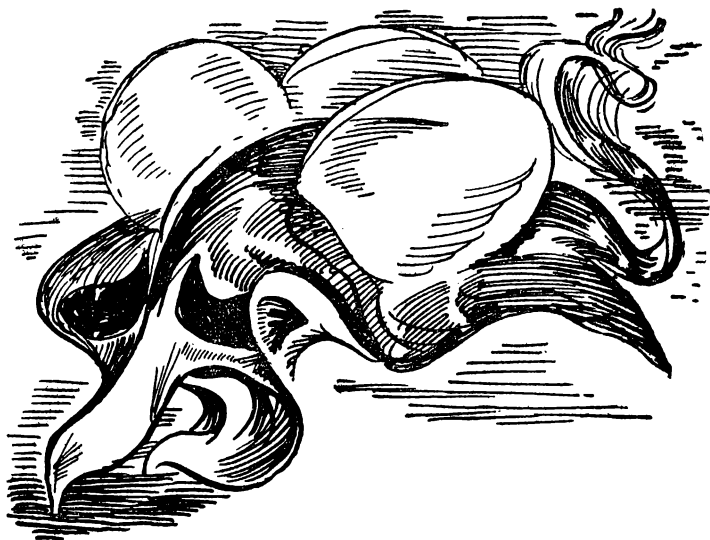
на из змей пронеслась совсем рядом со мной, и я ощутил прикосновение чего-то холодного и липкого. Но из-за их «невесомости» я не мог и представить, что мне может угрожать какая-то физическая опасность. Змей эти были не плотнее пены от разбившейся волны.

Впрочем, меня ожидало другое, более страшное зрелище. Спускаясь с большой высоты, ко мне несло что-то похожее на багровый клочок пара. «Клочок» быстро увеличивался в размере по мере приближения. Хотя его тело было прозрачным и студенистым, он имел гораздо более определенные очертания и более прочную структуру, чем любое из существ, какие я здесь видел прежде. В нем больше чувствовался определенный физический организм. Заметно выделялись две большие круглые темные пластинки по бокам его тела (возможно, это были глаза), а также

твердый белый выступ между ними, изогнутый и хищный, как клюв грифа.

Вид этого чудовища показался мне страшным и угрожающим. Цвет его вдруг стал непрерывно меняться, начиная с очень бледного розовато-лилового цвета до темного пурпурного зловещего оттенка — такого густого, что он отбрасывал тень, пролетая между моим монопланом и солнцем. На верхнем изгибе его огромного тела я заметил теперь три больших выступа, похожих на огромные пузыри. Глядя на них, я решил, что они были наполнены каким-то чрезвычайно легким газом, который и поддерживал в разреженном воздухе отвратительное полутвердое тело чудовища. Это страшное существо быстро перемещалось, без всяких усилий придерживаясь скорости моего самолета. На двадцать миль или даже больше чудовище эскортировало меня, парило надо мною, как хищ-

ная птица, готовая броситься на добычу.

Я видел, что у него злобные намерения. Об этом свидетельствовала каждая пурпурная вспышка его отвратительного тела. На меня холодно и безжалостно смотрели огромные безобразные глаза.

Я направил самолет вниз, пытаюсь уйти от чудовища, но от его тела быстро, как молния, протянулось длинное щупальце и, словно хлыст, упало на мою машину. Послышалось громкое шипение, когда оно коснулось горячей поверхности двигателя, и щупальце снова взметнулось на воздух в то время, как огромное тело, распростертое прежде во всю длину, сжалось, как от внезапной боли. Я спикировал, но щупальце снова схватило мой моноплан и тут же было оторвано пропеллером с

такой легкостью, как будто это была струя дыма. Другое щупальце, длинное, скользкое и липкое, похожее на змею, появилось сзади и схватило меня за талию, пытаясь вытащить из фюзеляжа. Я оторвал его от себя руками, почувствовав при этом, что мои пальцы погрузились в какую-то гладкую и клейкую массу. Когда я освободился, щупальце снова схватило меня за ботинок. Толчок опрокинул меня на дно кабины.

Падая, я успел разрядить во врага оба ствола моего ружья. Это было то же самое, что нападение на слона с игрушечным ружьем, так как вряд ли какое-нибудь человеческое оружие могло принести вред этому огромному существу. И все же выстрел оказался удачным. Один из больших пузырей на спине чудовища с громким трес-

ком лопнул, пробитый крупной дробью. Очевидно, оказалось правильным мое предположение, что эти три больших светлых пузыря были надуты каким-то легким газом, так как в один миг огромное, как туча, тело перевернулось на сторону и стало отчаянно корчиться, стараясь найти равновесие. А белый клюв раскрывался и шелкал в бешеной ярости. Но я уже мчался вниз с самым большим углом спуска, на который только можно осмелиться. Сила тяжести несла меня вниз со скоростью метеорита. Далеко позади себя я видел тусклое пурпурное пятно, быстро становящееся все меньше и сливающееся с голубым фоном неба. Я был спасен, мне удалось уйти из ужасных джунглей высоких слоев атмосферы!

Избежав опасности, я уменьшил скорость самолета. Ничто так не разрушает машину, как спуск с высоты с большой скоростью. Я совершил превосходный спиральный планирующий спуск с восьмимильной высоты сначала к серебристой поверхности облаков, затем к грозовым тучам под ними и, наконец, под проливным дождем к поверхности земли. Вынырнув из облаков, я увидел перед собою Бристольский канал, но так как у меня оставалось в баке немного бензина, я пролетел еще двадцать миль вдоль земли и опустился в поле на расстоянии полумили от деревни Эшкомб. Там я раздобыл у встречной легковой автомашины три канистры бензина и вечером в десять минут седьмого спокойно опустился на собственный луг моего дома в Девайзе, завершив та-

ким образом полет, которого не совершал ни один смертный, оставшийся в живых. Да, я видел красоту, и я видел ужас высот, самую чудесную красоту и самый огромный ужас, которые когда-либо видел человек.

А завтра я отправляюсь туда снова, никому не сообщая пока о первом полете. Я должен привезти с собою что-нибудь в доказательство своих слов. Конечно, другие вскоре последуют моему примеру и подтвердят то, о чем я рассказал. Но мне хочется первому представить доказательства. Не трудно будет поймать несколько прелестных радужных пузырей, похожих на медуз. Они плывут медленно, и мой моноплан легко перехватит их. Но боюсь, что в более тяжелых слоях атмосферы они растают и я привезу с собою на землю лишь небольшой кусок аморфного студня. И все-таки что-то ведь должно подтвердить мое сообщение. Да, я отправлюсь, даже если это связано с риском. Этих пурпурных чудовищ как будто не так уж много; возможно, я и не встречу их. А если встречу — перейду в пики; в худшем случае у меня есть ружье, есть опыт...»

Здесь, к сожалению, не хватает одной страницы рукописи.

На следующей странице написано крупным неровным почерком:

«43 тысячи футов. Я никогда больше не увижу землю. Они подо мною, и их трое. Боже, помоги мне. Какая ужасная смерть!...»

Таково содержание записей Джойс — Армстронга. Больше его не видели. Куски разбитого вдребезги моноплана бы-

ли найдены в заповеднике мистера Бэд-Лэшингтона на границе Кента и Суссекса, на расстоянии нескольких миль от того места, где была обнаружена записная книжка пилота. Если теория несчастного летчика о существовании воздушных джунглей на юго-западе Англии правильна, следует предположить, что он пытался скрыться от чудовищ, развив максимальную скорость моноплана, но они догнали и растерзали авиатора где-то в высоких слоях атмосферы над тем местом,

где были найдены его записная книжка и обломки самолета.

Я знаю, есть много людей, которые не поверят фактам, изложенным мною. Но даже они должны подтвердить исчезновение Джойс — Армстронга. И я обращаюсь к этим людям со словами самого Джойс — Армстронга: «Эта записная книжка может объяснить, что именно я пытался совершить и как я при этом погиб. Но, пожалуйста, без нелепой болтовни и нелепых предположений...»

На 1-й стр. обложки — рисунок А. ГУСЕВА
к повести Виктора Егорова «Заложник»

На 2-й стр. обложки — рисунок Г. НОВОЖИЛОВА
к повести Владимира Малова «Семь Пядей»

На 3-й стр. обложки — рисунок Л. КАТАЕВА
к рассказу Артура Конан-Дойля «Ужас высот»

Редакционная коллегия: А. Г. АДАМОВ, А. П. ДНЕПРОВ,
А. П. КАЗАНЦЕВ, А. А. НОДИЯ, Ю. Б. САВЕНКОВ, Н. В. ТОМАН,
В. М. ЧИЧКОВ

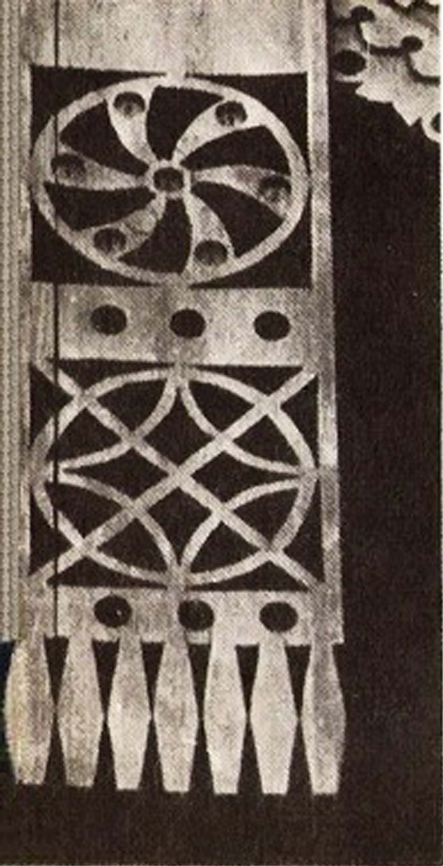
Реданторы выпуска: О. СОКОЛОВ, В. МАЛОВ
Художественный редактор Т. ПРОКУДИНА
Технический редактор А. БУГРОВА

Рукописи не возвращаются.
Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».
Адрес редакции: Москва, А-30, Сущевская, 21. Тел. 251-15-00,
доб. 4-10.

Сдано в набор 12/VI 1970 г. Подп. к печ. 11/VIII 1970 г. А02708.
Формат 84×108¹/₃₂. Печ. л. 5 (усл. 8,4). Уч.-изд. л. 10,5. Тираж
300 000 экз. Цена 20 коп. Заказ 1194.

Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»,
Москва, А-30, Сущевская, 21.

ВОКРУГ СВЕТА

Журнал основан в 1861 году

Научно-художественный
ежемесячный журнал ЦН ВЛКСМ
путешествий, приключений и фантастики

**ЧИТАЙТЕ
В 9-м НОМЕРЕ ЖУРНАЛА
«ВОКРУГ СВЕТА»**

рассказ молодого писателя из
Карелии Виктора Пулькина о
М. К. Мышове — реставраторе
памятников народного зодче-
ства.

